

Mil. g. 372 ^X / 4

ЗАПИСКИ МОРСКАГО ОФИЦЕРА,

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІИ КАМПАНИИ НА СРЕДИЗЕМНОМЪ
МОРЬ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ВИЦЕ - АДМИРАЛА
ДМИТРІЯ НИКОЛАЕВИЧА СЕНЯВИНА,
ОШЪ 1805 ПО 1810 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

4,

Второе изданіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

Броневи́кий, Влади́мир Богдано́вич

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ 21 Генваря 1836 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ*.

4.

Fg 180 / 98285

У В Ъ Д О М Л Е Н І Е

къ первому изданію.

При изданіи четвертой части, долгомъ почишаю предваришь почтеннѣшую публику, что щедроты Государя Императора, награды Государынь Императрицъ и Великаго Князя; пособія Государственнаго Адмиралтейскаго Департаменста и Россійской Академіи, при шаковомъ значительномъ числѣ Преномераншовъ, каковаго сначала не могъ я ожидать, даюшъ мнѣ возможность не надбавлять цѣны на *мои записки* и по совершенномъ изданіи оныхъ.

Принося чувствительнѣйшую благодарностъ за столь лестное вниманіе публики къ трудамъ моимъ, обязанностію также поставляю повторить мою признательностъ Особамъ, удостоившимъ меня своей довѣренности сообщеніемъ частныхъ происшествій, до предмета моего касающихся.

Благосклоннымъ принятіемъ первало моего сочиненія поощренный, съ надеждою на шаковоеже, предприемлю я сдѣлать извлеченіе изъ журнала, доставленнаго мнѣ однимъ изъ товарищей моихъ съ тѣмъ, чшобы я воспользовался онымъ при печатаніи моихъ записокъ. Но какъ журналъ его заключаешъ въ себѣ событія 1804 года, высадку нашихъ и Англинскихъ войскъ подъ предводительствомъ

Генералъ-Аншефа де Ласси въ Неаполѣ, описаніе великолѣпной сей столицы съ ея окрестностями, такъ же Гаэпы, Венеціи и многихъ другихъ городовъ, въ коихъ я не былъ; посему и совѣпывалъ ему переложить журналъ въ письма и напечатать оныя особо, на что онъ и согласился, предославъ изданіе оныхъ моему попеченію. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ я на себя сей трудъ, что журналъ его какъ по оригинальности слога, такъ и по любопытнымъ замѣчаніямъ, съ нѣкоторою увѣренностію могу думать, доставитъ любителямъ словесности пріятное, занимательное и полезное чтеніе; и при томъ вмѣстѣ съ моими записками составитъ полное обзорѣніе тѣхъ странъ, въ которыхъ флотъ нашъ отъ 1804 по 1810 годъ находился. По выходѣ въ свѣтъ сихъ писемъ, если обстоятельства позволятъ, надѣюсь такъ же опідать въ печать продолженіе сихъ записокъ, заключающее въ себѣ путешествіе мое отъ Тріесты до С. Петербурга.

В... Б...

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

<i>Возвращеніе фрегата Венуса въ Среди-</i>	
<i>земное море - . - - -</i>	3.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПАЛЕРМѢ:

<i>Порты и укрѣпленія - - - -</i>	9.
<i>Два знакомства - - - -</i>	10.
<i>Монастырь св. Мартына - - - -</i>	14.
<i>Монте-Реале - - - -</i>	27.
<i>Белведеръ - - - -</i>	31.
<i>Пещера святой Розаліи - - - -</i>	34.
<i>Китайскій домикъ - - - -</i>	38.
<i>Королевское собраніе - - - -</i>	40.
<i>Дворецъ - - - -</i>	45.
<i>Больница бѣдныхъ - - - -</i>	53.
<i>Поле мертвыхъ - - - -</i>	56.
<i>Дворянское собраніе - - - -</i>	60.
<i>Гримальди - - - -</i>	63.
<i>Рыбная ловля - - - -</i>	66.
<i>День моднаго свѣта - - - -</i>	69.
<i>Нѣчто о нравахъ и обычаяхъ - - - -</i>	78.
<i>Церковные обряды на спрасной и въ</i>	
<i>недѣлю Пасхи - - - -</i>	93.
<i>Дворянство - - - -</i>	105.
<i>Духовенство - - - -</i>	107.
<i>Народъ - - - -</i>	109.
<i>Правленіе - - - -</i>	111.
<i>Законы и судопроизводство - - - -</i>	115.
<i>Власть Короля — Доходы — Войска</i>	121.

	Стран.
<i>Древности - - - - -</i>	129.
<i>Минеральныя воды — Произведенія —</i>	
<i>Торговля - - - - -</i>	136.
<i>Война съ Англіею — Сдача фрегата Ве-</i>	
<i>нуса Сицилійскому Правительству -</i>	142.
<i>На пути отъ Палермы до Тріеста. —</i>	
<i>Нѣчто о Мессинѣ - - - - -</i>	174.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ТРІЕСТѢ.

<i>Портъ и укрѣпленія - - - - -</i>	192.
<i>Карантинъ - - - - -</i>	194.
<i>Взглядъ на городъ - - - - -</i>	205.
<i>Боскетто-Сантѣ-Андрея - - - - -</i>	210.
<i>Театръ - - - - -</i>	215.
<i>Карнавалъ - - - - -</i>	227.
<i>Гротъ въ Липцахъ - - - - -</i>	231,
<i>Поступки Французовъ въ Тріестѣ -</i>	235.
<i>Произшествія во время пребыванія Рос-</i>	
<i>сійской Эскадры въ Тріестѣ. — Воз-</i>	
<i>вращеніе въ Россію - - - - -</i>	249.
<i>Отѣздъ Принца Регента Португальска-</i>	
<i>го въ Бразилію.—Лиссабонскій договоръ</i>	264.
<i>Продолженіе дѣйствій Россійской Эска-</i>	
<i>дры въ Портсмутѣ — Поднесеніе Ви-</i>	
<i>це-Адмиралу Сенявину вазы. — При-</i>	
<i>бытіе въ Ригу - - - - -</i>	292.
<i>Эскадра Капитана Гетцена въ Тулонѣ</i>	310.
<i>Шлюпъ Шпицбергенъ въ Портѣ Виго</i>	315.

СОДЕРЖАЩАЯ ПРОИСШЕСТВІЯ
ОТЪ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВОЙНЫ АН-
ГЛІИ ДО ВОЗВРАЩЕНІЯ ВЪ
РОССІЮ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ФРЕГАТА ВЕНУСА ВЪ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

Какъ слухи о войнѣ Россіи съ Англіею подтверждались болѣе и болѣе, и какъ извѣстно стало, что Принцъ-Регентъ, по невозможности защищаться прошиву превосходнаго числа Францускихъ войскъ, вступившихъ въ Португалію, рѣшился переѣхать въ Бразилію; но, по симъ политическимъ обстоятельствамъ, также и по невозможности, прежде весны, возвратиться намъ въ свои Балтійскіе порты, исправя важныя поврежденія кораблей, для коихъ Принцъ Регентъ всѣ нужные матеріалы приказалъ опустить, Главнокомандующій положилъ зимовать въ Лиссабонѣ. Въ слѣдствіе сего Капитанъ фрегата Венса получилъ повелѣніе отправиться обратно въ Средиземное море, съскаать тамъ эскадру Капитанъ-Командора

Барашынского, и дашь ему знать куда идти для соединенія со флотомъ, также отвезишь депеши въ Палерму къ Министру Д. П. Тапищеву и повелѣнія въ Корфу. Капитану фрегата Спѣшнаго, который съ однимъ транспортомъ отправленъ былъ изъ Россіи для доставленія на флотъ денегъ и запасовъ, и остановился въ Портсмутѣ въ ожиданіи прибытія шуда флота, послано также повелѣніе, чтобы онъ немедленно шелъ въ Лиссабонъ.

По болѣзни Капитана Е. Ф. Развозова фрегатъ нашъ порученъ Капитану К. И. Андреянову. 9 го Ноября, при шихомъ вѣтрѣ, снялись мы съ якоря; печеніемъ навалило насъ на корабль Репвизанъ, однакожь разошлись съ нимъ безъ всякаго вреда. Никогда съ такою неохотою не оставляли мы флота, какъ теперь; какое то шайное предчувствіе приводило каждого въ скуку, и мы думали, что надолго разлучаемся съ поварищами. Вышедъ въ море большимъ фарватеромъ, увидѣли въ Каскаіѣ Англинскую изъ 7 кораблей эскадру, споящую на якорѣ, которую давно ожидали для способствованія переѣзда Королевской фамиліи въ Америку. Шлюпъ, принадлежащій сей эскадрѣ, подошедъ къ намъ, спрашивалъ именемъ своего Компръ-Адмирала Сиднея Смиша, куда идемъ и здоровъ ли нашъ Вице-Адмиралъ? Получивъ отвѣтъ, Англичане пожелали намъ добраго пути, а мы поставивъ всѣ паруса, при Сѣверномъ умѣренномъ вѣтрѣ, скоро пошеряли изъ вида всѣ береговые предметы.

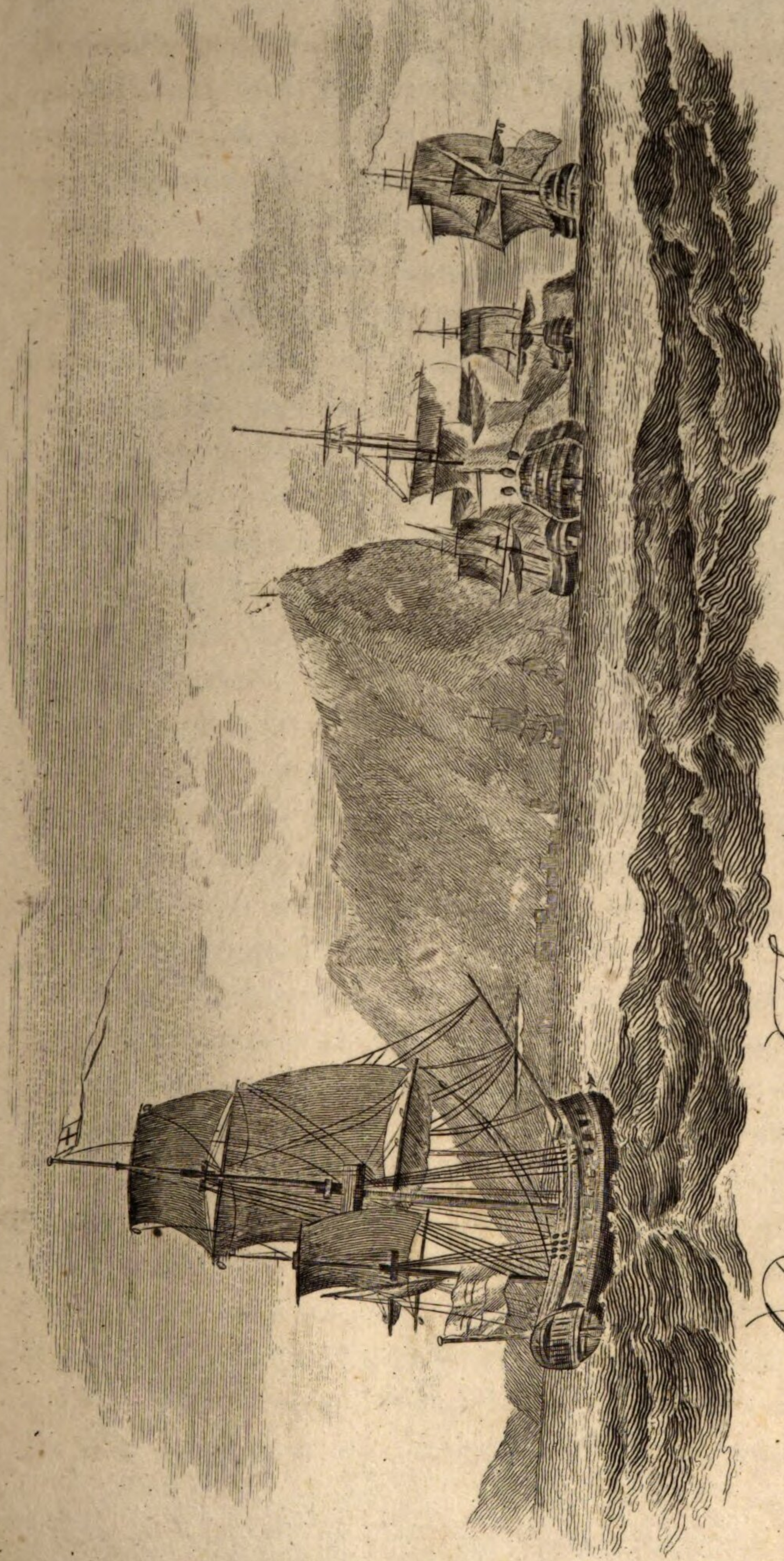
Лиссабонъ, величественная рѣка Таго со множествомъ кораблей, остались только въ воображеніи, и мы, не видя ничего кромѣ неба и воды, и вдали играющей зарницы, какъ осиротѣвшіе, одни безъ всякаго товарищества плыли къ югу въ необозримое пространство Океана. Ночью зарница увеличилась до того, что вся небесная швердь покрылась багрянымъ цвѣтомъ, пламенная подобно раскаленному металлу и представляла зрѣлище великолѣпное и тихое; но вдругъ нашелъ шквалъ отъ Сѣверо-запада, зарница угасла, темноша сдѣлалась непроницаемая, скоро съ крѣпкимъ вѣтромъ началась гроза, удары грома были столь сильны, что казалось самый небесный сводъ колеблется. Сильный шумъ по мѣрѣ приближенія увеличивавшійся, въ осторожность принудилъ насъ убрать верхніе паруса; но мы обманулись, вмѣсто ожидаемаго съ той стороны вѣтра, былъ дождь столь обильный и благошворный, что чрезъ полчаса гроза умолкла: вѣтръ уменьшился, небо очистилось, заблестали звѣзды и серебристая луна показалась во всемъ блескѣ.

10го Ноября при ясной погодѣ и умеренномъ вѣтрѣ обошедъ мысъ Сантъ-Винценсъ, вслѣдѣ зашли мы съ шлюпомъ Шпицбергенъ. Командиръ онаго Капитанъ-Лейпенакъ Качаловъ былъ очень доволенъ, что ему идти въ Лиссабонъ, а не далѣе; ибо онъ не зналъ гдѣ флотъ находится. Шлюпъ сей, не успѣвъ обойти при крутомъ бейдевиндѣ островъ Маришмо, поворохомъ на другой галсъ упирались

время не болѣе часа, и отсталъ отъ флота на 45ть дней, въ продолженіи кошорыхъ въ плаваніи Средиземнымъ моремъ имѣлъ всегда пропивные вѣтры, а мы напропивъ шли всегда попутнымъ. Вотъ примѣръ, сколь драгоценны минушы для мореходцевъ. Шлюпъ для налипія водою заходилъ въ Гибралтаръ, гдѣ отъ Англическихъ купцовъ получилъ нѣсколько провіанта, не смотря на то, что слухъ о войнѣ почти былъ дословѣрный, они не усумнились опустить припасовъ подъ росписку Капитана на значущую для нихъ сумму.

11-го Ноября чѣмъ ближе подходили мы къ Гибралтарскому проливу, вѣтръ свѣжѣлъ, небо покрылось мрачностію. Гибралтарская скала показывается отъ стороны океана островомъ (*); другая, находящаяся на Варварійскомъ берегу, называемая Обезьянная гора, также издали кажется островомъ; почему въ пасмурную погоду крайне остерегаться должно, дабы принявъ одну за другую, идучи изъ Средиземнаго моря не найши на низкой перешекъ Малбаія, соединяющій Гибралтаръ съ матерымъ берегомъ или не подвергнуться опасности въ Тешуанскомъ заливѣ, гдѣ Обезьянная гора возвышается въ видѣ сахарной головы. Гибралтарскій рейдъ очень неудобенъ, только у Новой Молы, корабли могутъ спавишья на якорь на 10 саженьяхъ глубины,

(*) Смотри видъ Гибралтара.

Видъ Тихоокеанскаго моря

грунпъ песчанистой и съ раковинами перебиваешъ канапъ. При западномъ вѣтрѣ отъ большаго волненія опасно оспаваться на рейдѣ, а при воспочныхъ бывающъ споль сильные порывы, что корабли срываешъ съ якорей. Въ Новой Молѣ помѣститься могутъ только пять кораблей, въ старой же до десяти малыхъ судовъ, что при недосшаткѣ воды и съѣстныхъ припасовъ дѣлаешъ Гибралтарскій портъ неудобнымъ и опаснымъ.

Намъ должно было изъ Гибралтара послать рапортъ къ Адмиралу, но западный вѣтръ былъ шакъ силенъ, что ни спастъ на якорь, ни послать шлюпку въ городъ было не возможно, къ счастію у самаго Европейскаго мыса встрѣтилось съ нами Американское судно, шедшее въ Лиссабонъ, шкиперъ охотно взялся доставить рапортъ Адмиралу. Едва вступили мы въ Средиземное море, воздухъ и небо все перемѣнилось, въ океанѣ погода посшоянно была пасмурная и суровая, теперъ же настала самая пріятная; умѣренные попушные вѣтры не заспали насъ скупая медленнымъ плаваніемъ, небо было ясно, воздухъ теплъ, а въ полдень даже жарокъ. Вчера будучи въ тойже широтѣ, въ Океанѣ было холодно, а сего дня какъ бы нечаянно перешли въ другой климатъ. Плаваніе наше Средиземнымъ моремъ до Сардиніи было благополучно, перемѣна предметовъ до мыса Гатто занимала меня безпреспанно. Одинъ разъ ночью подошли мы споль близко къ берегу,

что зашпили, совершенная пишина нарушалась шокмо вплескомъ волнъ, разбивавшихся о кремнистую скалу, грозно предъ нами стоявшую. На вершинѣ ея видно было нѣскольکو хижинъ; кое-гдѣ мелькали въ окнахъ огоньки. Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ внималъ я звонкому голосу спорожевыхъ собакъ, воображалъ себѣ, что путешествуую по землѣ, и утомившись отъ дальняго пуши, спѣшу въ деревню на ночлегъ. Все, что составляетъ противоположность съ мятежною нашею жизнью, все, что связуется въ мысляхъ съ сельскою бытностію, привлекаетъ и нравишся мореходцамъ, ибо и столь обыкновенные предметы рѣдко имъ представляются; мы еще большую ощущаемъ радость шѣхъ, копорые на короткое время лѣпомъ переѣзжаютъ изъ столицы въ деревню.

У Сардиніи встрѣшилъ насъ прошивный вѣтръ, пять дней лавировали мы въ виду оной и едва на сто верстъ подвинулись впередъ, однакожъ не безъ пользы провели сіе скучное время, по точнымъ наблюденіямъ наши, что наша и Англинская карта невѣрны, по нашей Сардинія отнесена къ Сѣверу на 2, а по Англинской на $4\frac{1}{4}$ Нѣмецк. миль; островокъ Торо, на первой отнесенъ на NO 50 градусовъ на 9 Нѣмец. миль, а на послѣдней на NO 38 градусовъ на 6 Нѣмец. миль. 20 Ноября при безпокойной зыби, оставшейся отъ крѣпкаго вѣтра, усмотрѣно, что голова руля сгнила и сверху раскололась. Послѣ

ишла, продолжавшагося по 21 число, подулъ свѣжій попутный вѣтръ; быстро перешли мы пространство, раздѣляющее Сардинію отъ Сициліи, 22 го Ноября, великолѣпная Палерма, покрывая легкимъ отъ испареній шуманомъ, открылась, и мы бросили якорь между Молою и Англинскою эскадрою, состоящею изъ 5 кораблей и 2 фрегатовъ. Вице-Адмиралъ Торнброу имѣлъ флагъ свой на спю-пушечномъ кораблѣ Рояль-Соверинъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПАЛЕРМѢ.

Портъ и укрѣпленія ().*

Обширный заливъ, заключенный мысомъ *Собрано* отъ востока и горою *Палегрино* отъ запада, открытый Сѣвернымъ вѣтрамъ, дѣлаетъ Палермскій портъ только въ лѣтнее время удобнымъ. Корабли останавливаются предъ городомъ на глубинѣ 18 и 20 сажень, грунтъ илъ съ правою. Сѣверо-восточный вѣтръ разводитъ большое волненіе; почему противу его и должно класть фершотингъ. Въ Моло длиною 200 сажень, укрѣпленной двумя малыми крѣпостями, изъ коихъ въ крайней къ морю зажигается каждую ночь фонарь. Три или четыре корабля и столько же фрегатовъ на глубинѣ 5 и 6 сажень могутъ укрыться отъ

(*) Смотри карту.

всѣхъ вѣшровъ. Городъ обнесенъ чешыре-угольною стѣною, съ башнями, имѣетъ чешверо ворошъ прямо на Сѣверъ, Югъ, Востокъ и Западъ; пушекъ на стѣнахъ нѣтъ, и самая Цишадель, подлѣ Сѣверной стѣны находящаяся, и редушъ, на концѣ набережной построенный, могутъ защищать городъ, только съ моря и то слабо. Не смотря на неудобство порша, рейдъ всегда полонъ военныхъ и купеческихъ кораблей. Палерма, по торговлѣ соперница Мессинѣ, и уступаетъ ей только по тому, что гавань послѣдней, искусствомъ и природою сдѣлана совершенно покойною. Изъ Палермы отправляется много хлѣба, вина, масла, плодовъ, шелковыхъ матерій, манны и разныхъ лѣкарственныхъ шравъ.

Д в а з н а к о м с т в а .

Подъ всѣми парусами вошли мы въ гавань и спали подлѣ Архимеда, одного шокмо линейнаго корабля, оставшагося у Неаполишанскаго Короля. Множество любопытныхъ собралось на Молѣ. Нѣсколько хорошо одѣтыхъ господъ просились взойти на фрегатъ; Капитанъ имъ позволилъ; а я съ чешырьмя поварищами поѣхалъ на берегъ. Переѣздъ былъ коротокъ, стоило только шолкнуть яликъ и мы вышли на приспань, скорыми шагами прошли мимо арсенала, потомъ широкую аллею, чрезъ главныя вороша вошли въ улицу Макведа и лишь спутили на прошуаръ, шолпа маленькихъ мак-

леровъ, предложили услуги, кому что угодно? мы не могли ихъ опъ себя опогнашь, вечеръ имъ благопріятствовалъ. Куда ипши спросилъ одинъ изъ поварищей? Въ саду конечно теперь ни кого нѣтъ, а въ театръ еще рано, разумѣю, что ты хочешь сказать, пойдѣмъ..... опвѣчалъ другой... и они пошли за замаранными амурами. Я оспался одинъ, вѣспники Сирень вертѣлись предо мною, выхваляли, божились; я смѣялся и продолжалъ ипши, какъ вдругъ нѣкто сзади меня сказалъ: если позволите спросишь, конечно вы иностранецъ? Въ первомъ движеніи я хвапился за карманы, но при свѣтѣ фонаря увидѣлъ щеголевато одѣтаго молодого человѣка, въ лицѣ котораго ничего не было злаго. Успокоившись опвѣчалъ ему, что я Руской, *tanto meglio*, продолжалъ незнакомецъ, не вѣрьте, сударь, этой городской чумѣ (*Pesta di citta*); наши Сирены очень опасны. Поблагодаривъ за благой совѣтъ, я просилъ Барона N., шакъ онъ себя назвалъ, на чашку шеколада. Баронъ выпилъ не одну, не опказался и опъ рюмки вина и опорожнилъ цѣлую бутылку. Слова текли рѣкою комплименты, высокій пишулъ *Essellenza!* похвала моему благоразумію, и наконецъ предложеніе взять ложу въ театръ, ни малаго не подавали мнѣ повода, думать о немъ иначе, какъ о самомъ благовоспитанномъ человѣкѣ. Почитая себя знающимъ физіономистомъ, я обращался съ Барономъ съ довѣренностію, но обманулъ и обманулъ жестоко. Мы вмѣстѣ

рука съ рукой пошли въ театръ, взяли ложу въ Бенуаръ. Занавѣсъ еще не поднимался, театръ былъ полонъ, разумѣется, чтожъ было дѣлать, какъ не смотрѣть на право, на лѣво, въ раекъ и партеръ; замѣтивъ одно прекрасное лицо, спросилъ я друга своего (шакъ онъ уже меня называлъ) не знаетъ ли онъ этой дамы, кошорая сидѣла въ прошивной отъ насъ ложѣ. Очень знаю, я нѣкогда ей нравился, теперь въ чистой опсѣвкѣ и числюсь въ длинномъ спискѣ ея друзей. Я покраснѣлъ отъ нескромнаго опвѣща, и досадовалъ на Лафатера, однакожъ не вѣрилъ, чтобы прелестная дама была шакъ вѣпрена. Впрочемъ не слишкомъ желая, чтобы она была постоянна, скоро согласился на доводы ея стараго друга, копорый тушъже предложилъ познакомить меня съ нею и ручался, что я хорошо буду принятьтъ. По окончаніи перваго дѣйствія Баронъ подчивалъ меня мороженымъ, ликеромъ, конфектами, и послѣ втораго дѣйствія пошелъ въ ложу къ дамѣ. Вскорѣ по выходѣ его вошелъ слуга и просилъ съ меня червонецъ за лакомство, я догадался кто былъ Баронъ, хвапился за карманъ и плашка въ немъ не было. Баронъ больше не возвращался.

Двѣ дамы, сидѣвшія въ ложѣ подлѣ моей, сожалѣли, что у нихъ въ столицѣ шакъ много плушовъ, копорые весьма искусно обманываютъ добрыхъ иностранцевъ. Это сожалѣніе было достаточнымъ вознагражденіемъ за два червонца и платокъ. Разговоръ начался, въ

продолженіи котораго я подумалъ, что прекрасная Люкреція (имя Маркизы) должна быть подобна Римской, но скоро поссорился съ Лафатеромъ и первое заключеніе было не-вѣрно. Театръ кончился, я подалъ руку дамамъ, свелъ ихъ съ лѣспницы, помогъ войти въ карету, меня поблагодарили и напомнили, что завтра въ Флорѣ будешь большее гулянье. Медленно возвратился я на фрегатъ, а на другой день очень заблаговременно пришелъ въ садъ, и послѣ трехъ часовъ скучнаго исканія, наконецъ встрѣчаю Маркизу съ прекраснымъ молодымъ кавалеромъ! Она меня рекомендовала ему, но такъ холодно, что я поклонившись хотѣлъ идти другою аллеею; къ счастью подруга ея была одна, надобно было подать ей руку. Маркиза изрѣдка обращалась ко мнѣ съ двумя, шремя словами, и я скоро исправясь отъ перваго впечатлѣнія, увидѣлъ пристань куда должно было мнѣ править. Дама, которую я велъ, была молодая вдова и сестра Маркизы, Донъ Розаріо, кавалеръ ея, богатый дворянинъ, ловкій и любезный молодой человекъ; онъ старался снискать мою довѣренность, мы съ нимъ въ нѣсколько минутъ познакомились такъ коротко, что проводя дамъ домой ужинали вмѣстѣ, и отъ всего сердца смѣялись двумъ моимъ неожиданнымъ знакомствамъ.

Монастырь Св. Мартына.

Мы располагались пробыть въ Палермѣ только нѣсколько дней, но судьба, копорая самонравно располагаетъ всѣми случаями, удержала насъ нѣсколько мѣсяцовъ въ сей мраморной столице Неаполитанскаго Короля; я говорю мраморной, ибо здѣсь оный употребленъ какъ у насъ кирпичъ и дикой камень. Въ продолженіе пятидесятичнаго пребыванія въ Палермѣ я имѣлъ время замѣпить въ ономъ много любопытнаго; выберу лучшіе предметы и во первыхъ скажу, монастырь Св. Мартына достоинъ особаго вниманія всякаго путешественника.

Монастырь сей почищается изъ богатѣйшихъ въ Европѣ, построень въ горахъ въ разстояніи отъ Палермы въ 12 верстахъ. Товарищи мои, бывшіе въ немъ, рассказывали много хорошаго; но жаловались на дурной пріемъ. Се-му была причина, они ошиблись въ выборѣ провожащаго, точно такъ какъ я въ Баронѣ. Казначей монастыря, чрезъ нѣсколько дней посѣпиль фрегатъ, объяснилъ причину прежняго холоднаго пріема и просилъ сдѣлать монастырю честь вторичнымъ посѣщеніемъ, назначилъ день и прислалъ для сопровожденія насъ одного изъ своихъ собратій, монаха умнаго, веселаго и говорившаго по Француски и по Англински. Мы опправились въ чепы-рехъ наемныхъ весьма красивыхъ коляскахъ. Дорога чрезъ равнину окружающую Палерму

шла между садовъ. Приблизившись къ горамъ, споль величественно равнину облегающимъ, вдругъ всѣ предметы перемѣнились. Излучистая бѣлая дорога шла на крушую гору и между скалъ опчасу становилась спрашнѣе и запруднишельнѣе; по одну сторону былъ высокій утесъ, по другую пропасть. Лошади часто останавливались и опдыхъ не укрѣплялъ ихъ силъ, мы шли пѣшкомъ скинувши кафшаны и чрезмѣрно устали, наконецъ вдали открылось великолѣпное зданіе, оно скоро опять скрылось и съ нимъ шрудная дорога перемѣнилась въ ровное какъ полъ шоссе; мы въѣхали въ широкую аллею, кошорая привела насъ къ спѣнамъ монашпыря.

Колокольчикъ зазвенѣлъ, желѣзныя рѣшетчатыя вороша на шяжелыхъ вереяхъ скрипнули, опшворились, монахъ, распрысканный духами, съ благородною осанкою, встрѣшилъ насъ поклономъ и просилъ опшавишь наши шпаги у приврашника; въ упѣшеніе наше онъ прибавилъ, что самъ Король дѣлаешъ тоже (*). Вошедъ на обширный, усыпанный пескомъ дворъ, мы увидѣли длинный фасадъ монашпыря, у кошораго фронтонъ и поршикъ, лежащіе на стройной колоннадѣ, дѣлали его похожимъ болѣе на царскій черпогъ, нежели на скромное жи-

(*) Женщинамъ, какого бы званія онѣ ни были, запрещено входъ въ сей монастырь, но монахамъ не запрещено видѣть ихъ внѣ онаго.

лице опшельниковъ. Въ сѣняхъ, ведущихъ къ парадной лѣстницѣ, представляется взору монументъ Св. Маршына. Конная статуя въ Срацынской военной одеждѣ, поставленная на камнѣ, подобномъ подножію статуи Петра Великаго, изображаетъ свяшаго Маршына, раздирающаго свою маншію; подлѣ него бѣжишь нищій и принимаетъ половину оной. Конь, свяшій и нищій хладны какъ мраморъ, изъ котораго они сдѣланы; въ монументѣ нѣтъ искусства, отдѣлка очень посредственна. Столь огромный монументъ въ сѣняхъ, опнимая видъ у себя и у оныхъ, совершенно не соотвѣтствуетъ красотѣ лѣстницы. Въ самыхъ сѣняхъ встрѣтили насъ нѣсколько монаховъ. По бѣлой мраморной парадной лѣстницѣ, прикасаясь рукою къ агатовымъ периламъ, прошли мы къ огромнымъ дверямъ, онѣ предъ нами раскрылись и мы вошли въ длинную и высокую залу. Мраморный паркетъ, плафонъ раскрашенный, широкіе карнизы и чрезвычайный свѣтъ, отражаемый отъ бѣлизны мраморныхъ стѣнъ, дающъ великое понятіе о богатствѣ монастыря сего. Проходя попомъ длиннымъ коридоромъ, пересѣченнымъ накрестъ другимъ, гдѣ выставляны были портреты кардиналовъ, свяшыхъ мужей и настоятелей сего монастыря; попирая ногами разноцвѣтные мраморы, вошли мы въ пріемную комнату. Какое великолѣпіе! шпучный полъ, изъ зеленаго, сѣровашаго и чернаго мрамора составленный,

порфирный каминъ, бѣлыя спѣны съ розовою каймою, широкіе промежутки между оконъ, украшенные огромными зеркалами, рѣзная позолоченная мебель, и весь сей совокупный блескъ изумилъ меня, и въ то же время возродилъ во мнѣ мысль, что роскошь сія излишня для монаховъ. Что же долженъ я сказать о томъ, что видѣлъ послѣ? Согласись, что монахи хорошо употребляютъ 300.000 рублей своего годового дохода.

Предъ диваномъ, на которомъ мы посажены были, вдругъ открывающіяся настежь множество дверей, одна за другою; въ приемную вбѣгаетъ малаго роста монахъ, въ длинной шелковой мантии и четверугольной шапочкѣ; за нимъ вдали, съ поникшимъ взоромъ шли попарно челоуѣкъ 30 тучныхъ, румяныхъ монаховъ. Маленькой монахъ былъ Настоятель. Онъ, не дожидая нашего привѣтствія, наскзалъ намъ тысячу вѣжливостей, садился, вставалъ, обращался съ разговоромъ то къ тому, то къ другому, весьма живо и ловко перемѣнялъ всѣ положенія шѣла; потомъ жаловался, что уже дни три стоитъ дурная погода, что онъ не можетъ сносить холода, и думаетъ, что онъ въ Россіи замерзъ бы при первомъ ушренникѣ, потомъ божился и увѣрялъ насъ, что это есть рѣдкая нечаянность случившаяся съ Палермскимъ климатомъ; наконецъ перемѣнивъ и понизивъ свой голосъ, копорый былъ довольно громокъ, продолжалъ медленно: „я увѣренъ, что почтен-

нѣшіе господа Рускіе удостоятъ раздѣлишь съ нами скудную нашу трапезу. „Поблагодаривъ за приглашеніе, и дабы не дасть ему времени начать новый разговоръ, одинъ изъ насъ просилъ позволенія осмотрѣть церковь и другія достопамятности монастыря. Все, что вамъ угодно; располагайте мною, приказывайте; я самъ бы за особенное удовольствіе почелъ сопровождать васъ; но старость моя и больныя ноги тому препятствуютъ. Конечно вы пожелаете, продолжалъ Наспояшель, прежде всего видѣть нашу библіотеку; она имѣетъ 40.000 томовъ и много древнихъ рукописей. Музеумомъ, надѣюсь будете довольны, тамъ приготовлена для васъ нечаянность..... Тутъ вступилъ онъ въ ученые разсужденія, разгорячился, говорилъ весьма краснорѣчиво, замысловаго, и открылъ въ себѣ умъ, обогащенный великими познаніями.

Сперва привели насъ въ библіотеку, помещенную въ большой залѣ. Библіотекаръ съ важнымъ видомъ поднесъ намъ кашалогъ, и пошомъ по пошребованію нашему подавалъ классическія книги во всѣхъ родахъ наукъ, а въ заключеніе положилъ предъ нами нѣсколько рукописей Греческихъ, Лашинскихъ, Еврейскихъ и Гопескихъ; мы перебирали листы въ первыхъ съ видомъ учености, а на послѣднія только взглянули; никто изъ насъ, да и самые монахи, какъ я думаю, не разумѣли, что въ нихъ написано. Самая любопытная

изъ рукописей была посланіе къ Римлянамъ Апостола Павла, какъ увѣряли насъ, писанная имъ самимъ; наконецъ показывали намъ какой-то Славянскій свитокъ, въ которомъ, кромѣ нѣкоторыхъ буквъ, большею частью съ пергамина сшершихся, ни одного слова разобрать не могли. Мы думали, что рукопись сія есть Болгарская, писанная въ 12-мъ или 13-мъ столѣтіи.

Изъ библіотеки перешли мы въ Музеумъ. Нѣсколько залъ исполнены всякаго рода рѣдкостями. Разсматриваніе каждой изъ нихъ порознь заняло бы охотника до древностей нѣсколько дней. Но Мы на ихъ только взглянули и обошли всѣ залы кругомъ. Первая составляешъ арсеналь, наполненный ружьями, пистолетами, разныхъ родовъ кольчугами, шлемами, мечами, саблями, бердышами и булавами. Вторая занята собраніемъ рѣдкихъ древнихъ произведеній, какъ то чашъ, слезохранилищъ, обломковъ древнѣйшихъ статуи, вывезенныхъ изъ Греціи, и между прочими пуловиде Юпитера, также нѣкоторые Египетскіе ищуканы и Греческихъ храмовъ корнизы, барельефы и рельефы. Тутже хранится рѣдкое собраніе медалей Сиракузскихъ, Карфагенскихъ, окаменѣлостей и множество Этрурскихъ сосудовъ. Въ сей залѣ по обѣ стороны дверей поставлены двѣ восковыя статуи во весь ростъ Императрицы Екатерины II и Маріи Терезіи. Въ лицѣ Великой нашей Царицы матери, къ сожалѣнію нѣтъ ника-

кого сходства, одежда же ея состоишь изъ фуру на фижмахъ, корсетъ сдѣланъ изъ раковинъ наподобіе чешуи, выдумка неудачная и монахи обѣщали намъ перемѣнить головной уборъ и сдѣлать спашую повыше ростомъ. Спашуя Маріи Терезіи еще хуже отработана; взглянувъ на нее нечаянно, можно испугаться. Третья зала наполнена произведеніями моря и земли, въ числѣ послѣднихъ показывали намъ на небольшемъ кускѣ бѣлаго мрамора удивительную игру природы, копорая изобразила на немъ дерево столь сходно, что одинъ Англинскій путешественникъ желая увѣришься не нарисовано ли оно, купилъ кусочикъ, разбилъ оный, и подарилъ обратно. Въ числѣ минераловъ находящся и Сибирскіе. Въ четвертой самой большой комнатѣ, видѣлъ я спроусовъ, пеликановъ, тигровъ, крокодиловъ, гіенъ, львовъ, Венеръ, дѣвочекъ, спариковъ и дѣшей, въ чучелахъ, спашуяхъ, наконецъ уродовъ въ спиртѣ и видѣлъ ихъ столько, что утомился смотрѣніемъ, и въ заключеніе признаюсь должно, что я почти ничего не видалъ; наконецъ монахъ, насъ провожавшій, съ улыбкою выносишь, кладетъ на столъ богатый сафьянный футляръ, вынимаетъ изъ него черной глины сосудъ и съ важностію говоритъ: вотъ кубокъ, изъ котораго Сократъ принялъ ядъ! (Si signori)! да, милостивые Государи! Сократъ принялъ ядъ! При семъ приподнялся онъ нѣсколько, и близко къ нашимъ глазамъ держалъ обѣими

руками сосудъ. Товарищи его и мы улыбнулись. Хранитель рѣдкостей, не перемѣняя лица, показалъ одному изъ насъ Греческую надпись на сосудѣ: *Socratus* и спросилъ: не ужели и теперъ вы сомнѣваетесь! Чтوبъ не подать повода сему спрастному любителю древностей еще сильнѣйшими убѣждать насъ доказательствами, мы согласились, и вошли въ послѣднюю комнату, занятую Анатомическимъ театромъ, достойнымъ особаго вниманія. Восковыя части шѣла опдѣланы, каждая порознь, съ такимъ искусствомъ и почтоспю, что представляють съ совершенствѣмъ бранный и мудрый сославъ ввупренностей чело-вѣка.

Изъ Музеума, темными переходами, привели насъ въ церковь. Какая мрачность, обширность и великолѣпіе! вопъ первыя слова, копорыя скажешь при вступленіи. Едва вышли мы на средину храма, сопрыслись своды его, громкій маршъ оспановилъ, привелъ меня въ изумленіе. Роскошный блескъ металловъ, драгоцѣнныхъ мраморовъ и мусикійское согласіе, перешедшее въ тихій гимнъ, напоминали присутствіе Того, Кого мы не постигаемъ, но оощуцаемъ въ самихъ себѣ и въ каждомъ предметѣ. Органы, конечно были дѣломъ великаго масшера, онѣ подражаютъ 40 инструментамъ. Помощію механизма, надувающаго мѣхи, дѣйствуютъ также литавры и гармоника двухъ родовъ: первая изъ металлическихъ колокольчиковъ, вторая изъ хрустала.

На органахъ играютъ только два человека. Дѣйствіе органоустройствъ столь сильно, что когда перестали играть, поющіе звуки еще долго были слышимы. На главномъ придѣлѣ Св. Мартына, замѣчательна прорѣзная серебряная доска, наложенная на малиновомъ бархатѣ и служащая украшеніемъ престола; работа по истиннѣ искусная и прекрасная. Предъ симъ же олшаремъ стоятъ два большихъ золотыхъ подсвѣчника, они только по тому хороши, что стоютъ 15,000 унцій (по нынѣшнему курсу около 200,000 рублей). Изъ множества картинъ и спашуй, которыми можно удивляться, при оспались въ моей памяти. 1.) *Жертвоприношеніе Авраама*. Сія картина удивительна по дѣйствию ея производимому. Папріархъ подѣмлетъ жертвенный ножъ для закланія сына; въ лицѣ его, обращенномъ къ небу, видишь вѣру и надежду на Бога, и хотя замѣчаешь Ангела спѣшно парящаго, дабы удержатъ его руку, но при всемъ томъ цѣпенѣешь отъ ужаса, боишься, что Авраамъ скоро кончитъ свою молитву; ибо Ангель еще далеко, а Папріархъ кажется уже обращаетъ голову къ сыну. 2.) *Иаковъ*, сидящій на одрѣ, пріемлетъ окровавленную одежду Іосифа. Горестъ опца, сѣдинами убѣленного, расперзанная его одежда, одна рука приложенная къ слезящимъ глазамъ, выпадающая изъ другой руки Іосифова одежда, припворная печаль однихъ, искренняя скорбь другихъ, взаимныя укоризны, изобра-

женныя на лицахъ сыновъ его окружающихъ, не имѣють ничего себѣ подобнаго. Искусная кисть оживоплвила шущъ различныя чувства. Переходя взоромъ съ одного лица на другое, не лзя не плакать съ однимъ, не лзя не гнушаться преступленіемъ другаго, а раскаяніе претпьяго извлекаешъ невольный вздохъ. Не можно даже сказать, что лучше изображено: горестъ ли отца или перзаніе совѣсти одного изъ сыновъ его? Самый жестокосердый, несоспращапельный сказалъ бы послѣднему: прощаю тебѣ. 3.) *Статуя Св. Севастіана*, подражаніе рѣзцу Пуджешову. Выраженіе вѣры и крошоспи въ очахъ, бореніе жизни съ смертію шущъ удивительно; гонители пронзили прекрасное тѣло святаго насквозь стрѣлою и хладный мраморъ точно спращаешъ. Моленіе святаго за своихъ мучишель изображено во взорѣ его неподражаемо; нельзя безъ умиленія видѣшь, съ какою Ангельскою крошоспію, смиреніемъ ожидаетъ онъ послѣдняго вздоха, шой минушы, когда душа перейдетъ изъ временной въ вѣчную жизнь. Въ церкви много превосходныхъ образовъ и спашуй; но послѣ сихъ прехъ, я сомкнулъ глаза, дабы не выронишь изъ сердца перваго пріятнаго впечатлѣнія. Я не упомянулъ о наружности церкви. Вотъ при слова: мраморъ, тяжесть и нестройность.

Провожавшій насъ монахъ спросилъ, не желаемъли видѣшь ихъ кладбища. Товарищи согласились и пошли въ подземелье; я, боясь

сыроспи, шуда не пошелъ, и съ другимъ монахомъ посѣпилъ шрехъ воспитанниковъ. Каждый изъ нихъ былъ запершъ въ особой кельѣ, ошъ коей ключъ у дежурнаго. Не ужели воспитанники ваши навсегда осуждены на споль строгое уединеніе, спросилъ я у Пріора. О! нѣшъ; всему опредѣлено время, они каждый день, когда хоротая погода, могушъ гуляшъ въ саду и должны тамъ, что кому угодно обрабопашъ своими руками; въ дурное время ешъ зала для гимнастическихъ упражненій, и тамъ подъ надзоромъ учителя позволены всякія забавы, приличныя ихъ возраспу; шолько на шѣ часы, когда должны приготовляшъ свои уроки, они порознь запираюшся. Монастырь на своемъ содержаніи обучаешъ, кормишъ и одѣваешъ 21-го воспитанника, кои принимаюшся девяти лѣшъ, а выпускаюшся 21-го года. По испеченіи сего срока каждый изъ нихъ воленъ избрашъ родъ жизни. По приглашенію сходилъ я въ кельи монаховъ; нѣкоторые занимаюшъ шесшъ комнашъ, богато, но безъ вкуса убранныхъ. Надобно знашъ, что всѣ монахи изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій, очень обходительны, хорошо воспитаны и большая изъ нихъ часшъ люди ученые, посвятившіе себя наукамъ.

Въ чешыре часа сѣли мы не за скудную монашескую шрапезу, а за обѣдъ самый роскошный, гдѣ *Cassada*, *Mille foglie*, *piato di Priccia o di Premura*, приправленный въ сахарѣ ципронъ и всякаго рода сласпи съ ванилью

и шеколадомъ, вина и плоды, подавались одни за другими. Наспояшель показывалъ оспрошу ума своего, шушилъ надъ Волперомъ, превозносилъ похвалами Попе, сожалѣлъ, что не разумѣешъ нашего Ломоносова и Державина, шушилъ на счетъ женщинъ, и бранилъ наконецъ Бонапарте; когда вспали изъ за стола, онъ приказалъ воспитанникамъ пѣшь нѣжныя аріи Метаспазія и уснулъ на диванѣ. Мы пошохоньку вышли въ садъ.

Распенія въ Бошаническомъ саду разсажены по Линнеевой системѣ. Монахъ, прудившійся надъ онымъ, съ нажноспію, какъ бы съ каѣдры, полковалъ намъ свойство каждаго цвѣшка и лиспка. Вычищенной лѣсъ лучше мнѣ понравился, нежели правильный садъ еще неокончанный. Подъ кровомъ ципронныхъ деревьевъ, на зеленой площадкѣ, въ средоточіи всѣхъ дорожекъ, излучинами какъ бы случайно пробишыхъ, я оспановился и съ полнымъ ошъ удовольствія сердцемъ, сказалъ провожавшему меня монаху: вошъ по испиннѣ прекрасной садъ и самой Армидинъ конечно не былъ лучше сего. Не знаю сущесшвовалъ ли оный когда, ошвѣчалъ мнѣ монахъ, но шопъ, который вы видите, есть плодъ сполѣшнихъ прудовъ. Мы вошли въ бесѣдку, поспроенную на холмѣ, ошкуда ошкрывающся вокругъ монастыря прекрасные виды. Съ одной стороны показывалась часть песчаной долины, по коей извивалась рѣчка со многими мѣльницами, съ другой зеленыя горы, поросшія лѣсомъ, а въ проме-

жупкахъ ихъ, вдали блискали сребрисыя волны обширнаго моря. Бесѣдуя съ монахомъ между прочимъ узналъ отъ него о происхожденіи ихъ брашства. Въ четвертомъ вѣкѣ, въ память милосердія Св. Мартына, которое объясняетъ спашуя пославленная въ парадныхъ сѣняхъ, основалось ихъ брашство. Не извѣстно въ какое точно время построено на семь мѣсѣ бѣдный монастырь; при владычествѣ Испанцевъ оный получилъ богатыя помѣстья, состоящія наиболѣе въ мраморныхъ ломкахъ. Монаховъ счисляется нынѣ 80, изъ коихъ 30 живутъ въ Неаполѣ; они Бенедиктинскаго ордена. Настоятель имѣетъ при Дворѣ немаловажную довѣренность.

Монахи приглашали насъ оспаться ночевать, но намъ должно было возвратиться на фрегатъ; и такъ изъявивъ нашу благодарность за вѣжливостъ и госпепріимство, мы сѣли въ коляски, когда уже начинало смеркаться. Вечеръ былъ тихій и пріятный, мы шли нѣсколько пѣшкомъ, въ аллеѣ; повара и слуги монастырскіе, какъ бы не нарочно, вышли пожелать намъ счастливаго пути и похвалили Рускую щедрость. Я съ удовольствіемъ далъ одному талеръ, другой съ умильнымъ видомъ просилъ не забыть и его, я далъ сему нѣсколько гарлинъ, но третій и четвертый также подставили руки, эшо мнѣ не показалось, и я не сказавъ имъ ни слова, сѣлъ въ коляску. Кучера наши погнали подъ гору лошадей такъ скоро, что можно было

догадаться, что и они также участвовали въ монастырской трапезѣ, мы имъ въ томъ не препятствовали и хотя на часныхъ поворошахъ могли сломить себѣ шею, однакожь скоро и благополучно проѣхали городъ и прибыли къ пристани.

Монть-Реале.

Знакомство наше съ Гвардейскими Офицерами, весьма благовоспитанными молодыми людьми, доставило намъ многія удовольствія. каковыхъ безъ ихъ руководства мы не могли бы имѣть. Вниманіе Министра нашего Д. П. Тапищева, удовольствія наши содѣлало болѣе разнообразными. Его Превосходительство рекомендовалъ насъ многимъ Вельможамъ, а въ новый годъ въ Королевскомъ собраніи представилъ Королю и Королевѣ. Ихъ Величествамъ угодно было приказать открыть намъ входъ во всѣ общественныя заведенія. Всякой почти день получали мы приглашительные билеты, по отъ Театральной дирекціи, по отъ благороднаго собранія, по отъ какого либо клуба, по отъ монастыря на духовную Орапторію, словомъ мы не видали какъ время прошекало.

Въ одинъ день по приглашенію Гвардейскихъ Офицеровъ, мы поѣхали въ Монть-Реале обѣдать. Древній городъ сей построенъ на горѣ въ семи верстахъ отъ столицы; дорога къ нему, выѣченная на боку горы, ведетъ на

вершину оной непримѣтно; съ одной стороны сдѣланы каменные перила, съ другой въ нѣкоторыхъ распояніяхъ красивые мраморомъ украшенные водометы и между ими насажены душистые кустарники. Близъ города изъ отвѣсной голы скалы выходитъ быспрый ручей, текущій внизъ по спорону дороги и съ спремленіемъ, переходя чрезъ упавшіе съ горы каменья, низвергающа въ обширный водоемъ, заросшій водяными лиліями. На вершинѣ скалы, изъ коей выходитъ ручей, пославлена статуя молодого человека, топоромъ поражающаго ползущую въ воду змѣю; другой молодой человекъ съ камнемъ въ рукахъ идетъ къ нему на помощь; претя статуя изображаетъ крестьянку въ страхѣ прижавшуюся за пнемъ согниваго дерева. Сію прекрасную дорогу построилъ своимъ иждивеніемъ славный Монте-Реальскій Архіепископъ Францискъ-Марія-Тесса, копорый великое богатство свое употреблялъ на общепользныя и богоугодныя заведенія. Городъ, споящій подъ навѣсомъ скалы, очень не великъ и бѣденъ; но видъ оу него на Палерму безподобенъ; названіе Царской горы (*) дано ему по справедливости. Въ городѣ пракшира не было, почему принуждены были заняты замаранную хижину, и посласть своего повара на рынокъ; но тамъ ничего не

(*) Monte-Reale на Италіанскомъ языкѣ значитъ Царская гора.

доспали и мы должны были бы оспаться безъ обѣда, еслибъ Градоначальникъ, посѣщившій насъ, не вызвался прислать все нужное; мы пригласили его съ собою обѣдать; пока онъ готовили, пошли осматривать древнюю и славную некогда соборную церковь, которая и донынѣ почитается епархіальною одного изъ богатѣйшихъ Архіепископовъ Сицилійскихъ.

Гошическій храмъ сей, подпертый со всѣхъ сторонъ кирпичными подпорами, сползъ на видномъ мѣстѣ, на самомъ краю скалы, подмышой водою, такъ что кажется скоро долженъ упасть въ пропасть. Частію раскрытая крыша, башенки на оной, разнообразныя, узкія съ фигурными желѣзными рѣшетками окна, въ коихъ спекла большею частію выбиты, мохъ и малыя расщепленія проникшія и утвердившіяся въ щелинахъ на стѣнахъ, придають храму видъ глубокой и почтенной древности. Два сильныхъ человека едва могли отворить липыя мѣдныя врата, лики священныхъ изображены на оныхъ выпукло. Какая жалость! внутренность церкви представляеть разрушеніе. Можеть быть мы были послѣдніе, видѣвшіе остатки Гошического великолѣпія древнихъ Греческихъ церквей; ибо сія есть одна изъ богатѣйшихъ построенныхъ Греками, кои и доселѣ имѣють свои церкви и своего Епископа въ Палермѣ. Они суть Уніаты, признающіе надъ собою власть Папы. Храмъ имѣеть видъ базилики. Древняя Моза-

ика на стѣнахъ, достойна особеннаго примѣчанія. Оная состоишь изъ самоцвѣтныхъ и соспавныхъ камней; лики свяшыхъ представлены во весь росъ и очень высоки. Фигуры всѣ Греческія, въ нихъ нѣтъ соразмѣрности и вкуса, только пѣни положены съ опмѣннымъ пицаніемъ. Главное достоинство сей мозаики состоишь въ позолотѣ. Все пространство, гдѣ долженъ быть воздухъ, небо и земля, составляетъ золотое поле, не имѣющее и теперь ни одного пашна. Позолота положена на кремнѣ; меня увѣряли, что искусство сіе нынѣ пошеряно и пошому мозаика сія есть рѣдкость, которую всѣ путешественники нарочно прѣзжаютъ видѣть и выковыривать изъ стѣны по нѣскольکو кусочковъ онаго. Мѣдный помостъ церкви; вишыя, прямыя, толстыя и тонкія гранишныя мраморныя и мѣдныя колонны одна на другую не похожія, украшающія иконостасъ, рѣзныя рамы, изъ коихъ образа большею частію вынушны и оспавлены только шакія, съ кошорыхъ краски уже сошли, соспавляють нѣчто необыкновенное, нравящееся взору, можетъ быть по шому, что взирая на сіе опсущствіе вкуса, невольно переносишь за 800 лѣтъ, когда сооружено было сіе зданіе. Архіепископство Монпреальское основано въ 1174 году.

Сверхъ ожиданія мы имѣли споль самый вкусный, послѣ обѣда пили кофе у Градоначальника. Въ его домѣ собралось нѣсколько провинціальныхъ дамъ, кошорыя были къ намъ

очень ласковы, и немудрено, въ числѣ нашихъ товарищей были Герцоги, Князи и Бароны; шутъ были соображенія и надежды; одни не смѣли поднять глазъ; другіе ловили ласковый или что либо значущій взглядъ; съ одной стороны приглядывались, задумывались и старались казаться веселыми; съ другой робѣя, краснѣя сами не зная опъ чего, переходили опъ клавесина на диванъ, проходя зеркало будто нечаянно поправляли шаль, и кажется однѣ сожалѣли, что имѣли оныя, другія, что не имѣли. Добродушныя спарушки матери, поправляя локонъ или поясную ленпу у милыхъ дочерей, какъ бы не нарочно бесѣдовали съ своею сосѣдкою о сватовствѣ, и попому-то о чемъ бы разговоръ ни начинался, оканчивался всегда обрученіемъ, женильбою и шаяъ далѣе

Б е л в е д е р ъ.

Въ одинъ прекраснѣйшій день, съ премо товарищами опправились мы веръхами въ Белведеръ, опстоящій опъ Палермы въ 15 верспахъ. Въ ущельяхъ горъ, въ узкомъ промежуткѣ, окруженномъ опвѣсно стоящими голыми скалами, въ прелестномъ уединеніи лежишъ небольшая деревенька, въ коей на краю горы построень лѣшній домикъ, называемый Королевскій Белведеръ, обращенный лицомъ къ городу. Къ сожалѣнію Смопришель сего Дворца былъ въ оплукѣ и мы насилу могли

сыскапъ въ креспьянскомъ домикѣ одну свободную комнату, гдѣ моглибы помѣститься. *Servitor di Piazza* (слуга), котораго мы взяли для перевода Сицилійскаго языка, досталъ дичи, хорошаго вина, плодовъ и самъ изготовилъ намъ порядочной обѣдъ.

Хотя день былъ жарокъ, однакожъ я поспѣлъ послѣ обѣда взойти на вершину скалы, подъ навѣсомъ коей стоятъ нѣсколько жилищъ, деревъ и проспектъ архитектуры Белведеръ. Видъ подлинно прелестный! Одинъ взглядъ, и взоръ изумляется. Не возможно избрать лучшаго положенія для столицы. Взоръ останавливается на громадѣ великолѣпныхъ зданій, окруженныхъ чешвероугольною зубчатую стѣною, тамъ переходитъ оный къ саду Флоры, на набережную (*Marineo*), къ гавани и наконецъ съ предмета на предметъ блуждаетъ по долинѣ. Тутъ замокъ, тамъ на видномъ мѣстѣ домъ съ прекрасною колоннадою, здѣсь Готическій монастырь, индѣ жижины скрывающіяся въ тѣни садовъ, въ коихъ олива, пальма, цитронъ и писташныя деревья, не извѣстныя у насъ, составляютъ сплошную и яркую зелень. Водометы въ видѣ столповъ, пирамидъ и развалившихся башенъ, издали кажутся обелисками, придающими ослѣпительный видъ всѣмъ вообще предметамъ. Вдали показывающіяся, на необозримомъ пространствѣ моря разсѣянные Липарскіе острова. Небольшой вѣпръ, чуть пестрившій море, несетъ окривленные корабли по разнымъ направленіямъ;

одни спѣшили къ приспани; другіе удалялись отъ нее. Я не смѣлъ свезши глазъ съ той черты, гдѣ море, касаясь горъ и долинъ, низкихъ и высокихъ мѣстъ, искривленною чертою рисовало многоразличныя мысы, излучины и заливы. Наслаждаясь созерцаніемъ шолликаго множества прелестныхъ видовъ, соединенною силою природы, искусства и вкуса, произведенныхъ, великолѣпное богатство сіе казалось мнѣ волшебствомъ. Восхищенные чувства мои были безпокойны, жадный взоръ искалъ новыхъ предметовъ, и одинъ изъ нихъ предсѣвился прямо подъ ногами моими. Подлѣ дороги, высѣченной въ горѣ и ведущей къ Белведеру, быстрый ручей вырываясь изъ скалы и падая съ шумомъ разбивался о каменья, препяшствующія его теченію. Внизу, въ глубинѣ ужасной, видна была мельница въ положеніи опасномъ; ручей прегражденный порогомъ прямо съ онаго стремился на колеса, и раздробляясь въ брызги и пѣну, кропилъ крышку мельницы и грозилъ залишь ее. Такое пріятное положеніе Палермы подало мысль Сицилійскимъ Поэтамъ называть ее золотою раковиною (conca d'oro), золотою долиною (Aurea Valle), садомъ Сициліи, и наконецъ Felice, счастливою. При захожденіи солнца оставили мы Белведеръ, и при свѣтѣ луны возвратились въ городъ.

Пещера святой

Розалии.

Пещера, гдѣ найдены мощи Св. Розалии, достойна благоговѣнія Христіанина и вниманія всякаго путешественника. Свяшая, какъ полагаютъ одни, была племянница Короля Вильгельма Добраго; по мнѣнію жъ другихъ дочь Графа Синнибалди. Въ цвѣтущихъ лѣтахъ юности, бывъ еще 15 лѣтъ, ошказалась она опъ утѣхъ свѣта и въ 1159 году избрала жилищемъ гору Квескино, а попомъ перешла на гору Пелегрино, гдѣ пишаясь одними только кореньями, всю жизнь провела въ уединеніи, моливъ и постѣ. По прошествіи 500 лѣтъ совершеннаго о ней забвенія, когда въ Палермѣ въ 1624 году свирѣпствовала чума, одинъ праведный мужъ видѣлъ во снѣ, что если кости Свяшой, лежащія въ ущелинѣ на горѣ Пелегрино, будутъ прижды обнесены вокругъ города, то язва прекратится. Опкровеніе сіе сначала не было уважено; но когда праведникъ успѣлъ увѣрить въ ономъ духовенство и народъ, то Правительство принуждено было согласиться на его представленіе. Неплѣнное тѣло свяшой было найдено, съ благоговѣніемъ обнесено кругомъ города, и зараза въ ономъ вскорѣ прекратилась. Съ сего времени Св. Розалія признается покровительницею Палермы; во имя ея начали строить церкви и сооружать монументы. Въ воспоминаніе избавленія города

отъ моровой язвы установлено торжество 20 Маія, называемое молитва 40 часовъ. Кому не извѣстенъ великолѣпнѣйшій праздникъ, управляемый 12-го Іюня въ память святой, и продолжающійся пять дней сряду. Мнѣ не случилось быть въ Палермѣ въ сіе время, и пошому скажу только о пещерѣ, нынѣ обращенной въ церковь.

Дорога въ пещеру, отстоящую отъ города въ 9 верстахъ, очень шрудна; гора почти отвѣсна, экипажамъ не можно по оной подыматься, мы проходили дефилеями, гдѣ сдѣланы шопинки довольно покойныя для пѣшеходцевъ; съ каждымъ шагомъ открывались на долину, окружающую Палерму, новыя виды, съ вершины горы показалось море; но какъ скоро сошли мы на другую сторону, то вдругъ все исчезло. Мы какъ бы нечаянно перенеслись въ пустыню дикую, безплодную и необитаемую; кое гдѣ видны были козы, перебирающіяся съ утеса на утесъ. Восходя на гору мы чрезмѣрно устали, и сѣли отдохнуть на грудѣхъ камней, копорые Сицилійскіе писатели называютъ развалинами одной крѣпости, будто бы построенной послѣ пошопы, еще въ царствованіе Сатурна, славной во времена Пуническихъ войнъ, гдѣ Амилькаръ, Карфагенскій полководецъ, три года защищался противу 40,000 Римлянъ. Глухой звонъ колокола нарушилъ печальное вокругъ насъ безмолвіе; мы встали, пошли подъ гору, встрѣпились со множествомъ пилигримовъ съ посохами въ

рукахъ ; большая изъ нихъ часть шли босикомъ ; и наконецъ увидѣли церковь и нѣсколь-
ко близъ нея домиковъ для монаховъ.

Вошедъ въ двери, ведущія въ пещеру, нельзя не почувствовать благоговѣйнаго трепета. Въ храмѣ нѣтъ ни мозаики, ни драгоценныхъ украшеній : нѣтъ того великолѣпія, какого ожидать должно отъ великихъ вкладовъ и приношеній. Представъше себѣ огромный и темный залъ, со свода коего висѣли листья какого-то распѣнія, стѣны состояли изъ голыхъ высунувшихся каменьевъ. Темноша, освѣщенная двумя лампадами, горящими предъ престоломъ гдѣ совершали службу, тихое шептаніе молящихся, и наконецъ унылый гимнъ органовъ, внушали уваженіе къ мѣсту и вливали въ душу сладостныя чувства вѣры. По окончаніи обѣдни мы подошли къ одному изъ пяти олтарей, обнесенному серебряною позолоченною рѣшеткою; престолъ онаго украшенъ четырьмя серебряными колоннами, которыя какъ и образа увѣшаны золотыми и серебряными изображеніями рукъ, ногъ, глазъ и проч. Намъ подали по восковой свѣчѣ и показали бѣлаго мрамора изображеніе святой Розаліи, положенное подъ престоломъ. Она представлена въ такомъ положеніи какъ бы покоилась въ сладкомъ снѣ, въ одной рукѣ держишь она крестъ, другая прижала къ груди, пастырскій посохъ лежишь подлѣ нея. Она одѣта въ золотое парчевое платье, унизанное бриліаншами; лице открыто и пре-

красно. Монахъ увѣрялъ насъ, что всѣ черпты очень близки къ настоящимъ мощамъ, кои перенесены въ Палерму и хранятся въ Соборной церкви. Ангелъ хранитель, также мраморный, стоишъ у изголовья гробницы и наклонившись держишъ надъ свяшою миршовую вѣшвъ. По спорону олшаря монахъ показалъ намъ простаго камня памятникъ, посшавленный шому праведнику, который опыскалъ шѣло свяшой, а нѣсколько далѣе и шу ущелину, гдѣ свяшая дѣва покоилась точно въ томъ положеніи, въ какомъ она предспавлена въ гробницѣ. Наконецъ привели насъ ко сдѣланному въ спѣнѣ пещеры мраморному водохранилищу, въ кошоромъ со свода капала вода чисшая, холодная и въ такомъ изобиліи, что изъ церкви внизъ по горѣ шрубами проведена въ долину и въ городъ. Въ монаспырѣ нѣшъ ничего особенно доспойнаго примѣчанія, кромѣ ласковости монаховъ, кои ведупъ здѣсь хопѣ заботную, но безнужную жизнь. Во всякое время они обязаны служишъ молебны приходящимъ поклонникамъ. Покаяніе нѣкошорыхъ необыкновенно строго: мнѣ встрѣтился одинъ, который на рукахъ, ногахъ и на шеѣ имѣлъ тяжелыя вериги. Въ рубищѣ, босикомъ, съ открышою головою, шацилъ онъ ихъ за собою съ чрезвычайнымъ усиліемъ. Маска скрывала лице его, почему многіе спрашивали; кто бы такой это былъ? Монаспырь получаетъ опъ приношеній набожныхъ великія суммы; пошому-шо я видѣлъ шупъ монаховъ весьма шучныхъ, а молящихся очень шощихъ.

Китайскій домикъ.

Въ сѣверной части долины, въ пяти или шести верстахъ отъ Палермы, находится загородный домъ Короля, называемый Китайскій домикъ. Прекрасная мостовая, ведущая къ нему, обсажена деревьями; съ обѣихъ сторонъ видны сады и палаты Вельможъ. Король большую часть лѣта проводитъ въ семъ замкѣ; для входу въ оный мы имѣли билеты. Лишь только подъѣхали мы къ воротамъ, лю приврашникъ ударилъ въ колокольчикъ, и лишь отворилъ оныя, толпа придворныхъ слугъ въ зеленыхъ кафшанахъ съ галунами, выбѣжали къ намъ на встрѣчу, приняли лошадей и тотчасъ послали за Смотришелемъ. Старикъ съ тяжелою связкою ключей скоро появился, и спѣша ишши, издали еще, для перевода одышки дѣлалъ намъ низкіе поклоны. Подошедъ, онъ не спросилъ у насъ билета. Увѣрялъ, что Король очень любитъ Рускихъ, и что онъ за особенную честь себя пославляетъ принять и показатъ намъ все, что будетъ угодно. Мы уговорили его не беспокоиться; добрый старикъ роздалъ ключи служителямъ, поручилъ насъ одному чиновнику и просилъ посѣтитъ его послѣ прогулки.

На четвероугольномъ мраморномъ фундаментѣ, пославленъ осмиугольный домикъ, весь въ стеклахъ, покрытый изогнутою крышею, украшенною, вмѣсто флюгера, вращающимся дракономъ. Крышка спускается далѣ

спѣнь фестолами, съ повѣшенными на нихъ колокольчиками, и поддерживается лакированными колоннами, что составляетъ вокругъ дома галерею. Въ Архитектуру нѣтъ ничего правильнаго, но самое сіе разнообразіе, будучи поставлено между легкой и пріямой архитектуры Европейскихъ зданій, представляетъ Китайскій домикъ, какъ нѣкимъ чудомъ, волшебствомъ. Внутреннее расположеніе комнатъ совершенно ново. Чшобы перейти изъ одной въ другую, должно сходишь и поднимаешься по кривымъ лѣстницамъ. Мебель, фарфоровыя куклы, драгоцѣнные обои, обезображенные вышитыми на оныхъ уродами, въ коихъ нѣтъ никакого подобія человѣка, птицы или звѣри, нѣтъ ни опшѣнки, ни перспективы, но цвѣтъ красокъ, видъ домовъ, Китайскихъ храмовъ, мостовъ, бесѣдокъ и прочаго, дѣлають при первомъ взглядѣ сію пестроту пріямною; смотря на всѣ сіи чучелы думаешь, что находишься въ самомъ Китаѣ.

Садъ, находящійся подлѣ дворца, подлинно Царскій. Обрабатывая его, не упустили ничего для украшенія. Оный начинается партеромъ, изукрашеннымъ фигурнымъ цвѣтникомъ, мраморными бассейнами и фонтанами. Далѣе разнообразныя холмы покрыты плодоносными деревьями, кустарниками и цвѣтами. Лаванда повсюду разливаетъ ароматы, шумъ роща, шумъ проспектъ, кронныя деревья, на площадкахъ и возвышеніяхъ стоятъ бесѣдки, шумъ гладкая дорожка, шумъ на прудѣ фигурная

лодка, шамъ великолѣпный фоншанъ, а шупъ
подъ скалою журчитъ ручей.

Королевское собраніе.

Такъ называется общество, содержимое
по подпискѣ значнѣйшаго дворянства, гдѣ
Король есть первый членъ. Въ домѣ сего со-
бранія дающся въ недѣлю одинъ или два ба-
ла, а для собесѣдованія съѣзжаются каждый
вечеръ. Въ первый день 1808 года Дм. Пав.
Тапищевъ представилъ Капишана съ чешырю
Офицерами Королю и Королевѣ. Когда Ми-
ниспръ подвелъ насъ къ Королю, то его Величе-
ство, оставя каршы, вспалъ, и сказавъ; „я люблю
Рускихъ; надѣюсь, что здѣсь не будетъ вамъ
скучно“ вошелъ въ другую залу, и издали сдѣ-
лавъ знакъ рукою Королевѣ, сказалъ ей: „ре-
комендую вамъ Гг. Рускихъ Офицеровъ.“ Ея
Величество послѣ Министра весьма ласково
разговаривала съ Капишаномъ, а потомъ и съ
Офицерами. Слѣдуя примѣру столь благосклон-
наго пріема, Вельможи въ ленпахъ и звѣз-
дахъ, дамы въ шелковыхъ робахъ, одни за
другими говорили намъ пышныя привѣтствія.
Обошедъ придворный кругъ, выслушавъ всѣ
роды вѣжливостей, дежурный Директоръ об-
щества Графъ Санъ-Жуани, повелъ насъ въ дру-
гія комнашы, гдѣ также представлялъ насъ нѣ-
копорымъ Господамъ, далъ намъ билеты для
входу во всякое время въ собраніе, и нако-
нецъ, когда начались кондрашанцы, подвелъ

наеъ къ дамамъ и посшавиль съ ними въ первыя пары.

Въ часъ по полуночи балъ кончился. Королевская фамилія уѣхала, придворный шпашъ началъ разѣзжаться. Мы приглашены были Директоромъ оспашься ужинашъ. Скоро опворились двери, музыка заиграла маршъ, и всѣ пошли въ споловую. Она была великолѣпно освѣщена, блескъ опъ хрусталей, бронзъ и серебра ослѣплялъ глаза. Въ окнахъ посшавлены были прозрачныя карпины. На одной предшавлялось ночное морское сраженіе; на другой горѣло село; на шрешьей занималась заря и восходило солнце; а самая лучшая предшавляла видъ Баіи (что близъ Неаполя) съ развалинами, при лунной ночи. Дамы и кавалеры сѣли за общій споль, насъ посадили за особый, и нѣкшо въ шелковомъ шипомъ кафтанѣ, въ кошелькѣ, распудренъ, въ башмакахъ со спразовыми огромными на нихъ пряжками, подошелъ и съ видомъ знашнаго Господина спросилъ: „чѣмъ могу служишъ Гг. Рускимъ. Слуга подалъ длинный рееспиръ и мы догадались, что шелковый кафтанъ былъ хозяинъ трактира, онъ просилъ насъ выбрашъ блюда; изъ оныхъ болѣе 20 были означены такими именами, какихъ я съ роду не слыхивалъ. Мы приказали подашъ блюда самыхъ пышныхъ названій, и вмѣсто *Bef alla mode*, ѣли говядину; вмѣсто *Bombe di Sardanapalo*, сладкій фаршъ; шупъ даже хлѣбъ имѣешъ свое прилагательное и *alla*! Въ заключеніе самъ хозяинъ подчи-

валъ насъ пирожными, подлинно прекрасными, за то и заплашили мы ему недурно. Слуга, получившій червонецъ, восхищенный такою щедростію, проводилъ насъ до экипажей и на лѣспницѣ по секрету объявилъ, что хозяинъ его взялъ съ насъ широкое дорожное.

Въ обыкновенные дни, когда баловъ не бываетъ, съѣзжаются для собесѣдованія. По значенію сего слова я ожидалъ, что въ такомъ собраніи заниматься будутъ одними разговорами; но вошедъ въ первую залу, я не узналъ оной; въ ней все перемѣнилось. Большіе столы занимали обѣ стороны залы, кучи золота небрежно лежали на столахъ, мѣшки подъ столами; на однихъ наклеены были большія каршы для игры въ банкъ фаро, шутъ вертѣлась Рулина, шамъ считалось 31 и 36, шутъ выигрывалъ красный цвѣтъ, шамъ черный, шутъ чешъ, шамъ нечешъ, а счастливецъ, выигравшій на примѣръ 9-й номеръ и вмѣстѣ на красномъ цвѣтѣ, девяткѣ и нечешѣ, получалъ за нѣсколько поставленныхъ червонцевъ мѣшки съ тысячами оныхъ, шакъ что 10 рублей выигрываютъ 7,000 рублей. Съ одной стороны громко повторялось (*giogo fatto*) игра гошова, съ другой провозглашали него, черный, шамъ чешъ, шутъ № 25-й и червонцы шуда и сюда передвигаемые лопаточками звучали по столамъ. Дамы и кавалеры шумными толпами суешились вѣкругъ оныхъ, ставили на каршу горшь и болѣе червонцевъ, другую на красной цвѣтъ, прешью на номеръ и не забо-

шаясь о игрѣ спокойно прохаживались по другимъ комнашамъ, и посылали кавалеровъ освѣдомляясь выиграла ли ихъ карта или проиграла, не оказывая ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ ни радости ни печали.

Прошедъ нѣскольکو комнашъ я остано-вился въ одной, гдѣ было не такъ шумно, сѣлъ на диванъ возлѣ дверей и у камина, такъ что всѣ должны были проходить мимо меня. Комната уставлена была диванами и ломберными сполами; на однихъ мѣломъ съ одного почерка чершили вензели; на другихъ картами показывали проворство въ рукахъ, на иныхъ писали двусмысленные каламбуры; подлѣ меня въ полголоса говорили о любви; другая пара проходя мимо шепшала кажепіся о томъже; тамъ въ углу у окна за занавѣсомъ смѣялись; шумъ декламировали стихи и восклицали: прекрасно! безподобно! Одна дама, конечно съ намѣреніемъ, уронила подлѣ меня перчатку: я ее поднялъ, и она поблагодаривъ меня сѣла на мой диванъ со своею подругою; онѣ пригласили меня сѣсть, и дали мѣсто между собою. Разговоръ начался, и сколько я ни робѣлъ, ни воздерживался въ словахъ; но былъ увлеченъ вѣжливостію и снисхожденіемъ. Какъ диванъ былъ очень тѣсенъ для троихъ, по перешли мы на другой; тамъ, не помню почему, пересѣли на третій, и я увидѣлъ себя посреди общества Герцогинь, Княгинь и Графинь; шумъ и мнѣ доспалось съ горстями червонцевъ бѣгающъ къ картежнымъ споламъ

и на мою долю досталось нѣсколько ласковыхъ словъ. Первыя дамы занялись другими, другія заняли меня, и разговоръ, можетъ быть къ удивленію многихъ долженъ я сказать, не ограничивался пріятными бездѣлицами, сужденіями о модахъ, городскими новостями и тому подобнымъ: напрошивъ, шутъ и очень молодая миловидная дама разбирала сочиненія какъ Липерашоры, шутили пріятно, замысловапо и остро; никто не задумывался въ отвѣтъ, обращеніе было просто и какъ бы между корешко знакомыми, всѣ вообще и всѣми способами искали путь къ сердцу. Если дамы показывали желаніе нравиться, кавалеры бытъ имъ угодными; по весьма ясно было, что первыя предпочитали одинъ только умъ и ловкость, а послѣдніе обращали вниманіе только на молодость и красоту. Всего для меня удивительнѣе было то, что шутъ говорили весьма смѣло, вы очень любезны! ахъ! какъ онъ милъ! и *Vi Voglio Bene*, которое если перевесть слово въ слово, значить, „я вамъ желаю добра“; но разумѣется подъ симъ, я васъ люблю.

Въ двѣнадцать часовъ колокольчикъ зазвенѣлъ, червонцы пошли по карманамъ, игра кончилась. Въ сіе время банкъ не платилъ за карты, копорыя только что были поставлены или шли на два и три угла. Послѣ собранія обыкновенно ѣздяшъ на Марино и въ садъ Флоры для прогулки или по улицѣ Кассеро, почему прогулка сія и называется *Cassariata*.

Д в о р е ц ъ.

Толстыя стѣны, кое-гдѣ преснувшія и почернѣвшія отъ времени, малыя окна, два четвероугольныя по краямъ отдѣленія въ видѣ башенъ, выше прочаго строенія премо эшажами и между оными терраса, украшенная вазами цвѣшовъ и малыхъ плодоносныхъ деревъ, служащая крышею дворцу, придаетъ ему опличный видъ отъ всѣхъ зданій Палермскихъ. Вицерои Сицилійскіе, жившіе во дворцѣ, поправляя древнее зданіе, въ разныя времена приспособивали къ нему новыя, отъ чего и составилась безобразная смѣсь разнаго рода строеній, въ коихъ при осматриваніи Арабскаго зодчества видны Башни Норманской архитектуры. Дворъ устланъ бѣлымъ мраморомъ, изъ чешырехъ водометовъ неумолкаемо журчитъ вода. Чрезъ парадную лѣстницу, темными переходами и открытыми галлереями привели насъ въ дворцовую церковь. Куполъ и стѣны какъ въ Монпъ-Реалъ, украшены богатою Греческою Мозаикою. Выборъ, красота и цѣнность камней заслуживаютъ особенное вниманіе. Живописецъ ничего не найдетъ въ ней опличнаго; ибо работа сія принадлежитъ времени Гошическаго варварства, когда художества были въ упадкѣ; но сколько вѣковъ не сдѣлали надъ нею никакого впечатлѣнія. Изъ всѣхъ художествъ одна Мозаика не боится ни спужи, ни зною; она одна можетъ противившся вѣкамъ и спихіямъ.

Церковь слабо освѣщена, но сія темноша при богашствѣ украшеній, въ коихъ серебро и золото потускло отъ времени, понравившя на божному. Кшо не любитъ сяжелой для взора древности, тошъ долженъ посѣшить церковь сію для Корреджіо; его образъ представляющій Богородицу, младенца Іисуса и св. Екашерину, одинъ споишъ всей Мозаики и полновѣсныхъ паникадилъ; Спаситель лежишъ на подушкѣ, окруженъ не сіяніемъ, но свѣшомъ доказывающимъ его божество. Богородица споишъ предъ нимъ на колѣняхъ сложивъ руки; во взорѣ ея видно и машеринская нѣжностъ и благоговѣйное умиленіе; въ семъ взорѣ ясно изображены и ласки и молишва Божіей Машери. Взирая на ея положеніе не лзя усомнишся какъ въ любви ея къ чаду своему, такъ и въ шомъ, чшо молишва ея ошносишся къ сыну Божію. Спаситель Младенецъ, съ улыбкою смотришъ на машь свою; она также къ нему осклабляешся, и сіи двѣ улыбки совѣмъ не похожи на шѣ, какія я видѣлъ во многихъ картинахъ; онѣ божественныя, неподражаемыя. Св. Екашерина, наклонивъ голову, съ живѣйшимъ воспоргомъ взираешъ на младенца. Чувства ея переливаюшся въ зришеля, кошораго душа, потрясенная присутствіемъ свяшынни, не смѣешъ замѣшить красоту Св. Екашерины, удивляшся умиленности дѣвы, и устремляешся единшвенно къ лицу Іисуса. Образъ мученика Св. Плацида работы Мореалезія, и подлѣ Корреджіо, привлекаешъ къ себѣ

вниманіе. Тѣни и цвѣтъ красокъ имѣющъ отличную точность, живость и ясность.

Изъ церкви прошли мы нѣсколько комнатъ, убранныхъ шпофами и рѣзною мебелью; вездѣ старина безъ вкуса. Въ одной комнатѣ остановились мы посмолрѣть двухъ статуй, вновь высѣченныхъ изъ камня, работы, какъ намъ сказывали, славнаго Архимеда, они велики и больше ничего. Стѣны увѣшаны портретами Королей и Вицеровевъ, правительствовавшихъ въ Сициліи. Въ оныхъ, кромѣ старинныхъ одеждъ, шапковъ, лашъ и манжетъ, ничего нѣтъ хорошаго. Въ другой подлѣ сей комнаты, картины задернуты были завѣсами; это обѣщало намъ что нибудь хорошее. Смотришель, чистая въ первой комнатѣ имена множества Вицеровевъ по портретамъ, замѣтивъ наше невниманіе и здѣсь переходя отъ одной картины къ другой, открывая покровъ за покровомъ, холодно говорилъ; Даная Тиціанова, Карашіева Венера, Гидовъ Амуръ, Албанова Рахиль, человѣколюбіе Шидоня, ученика Корреджіо, вотъ самъ Корреджій, и мы остановились, устремили глаза, и скажу только: сколько я ни видалъ дѣвушекъ и дѣшей, прелестныхъ и милыхъ, не могъ бы однакожъ безъ искусства Корреджіо представить себѣ, чтобы можно было дѣвицу и дѣшу изобразить на холстѣ живыми. Какъ отъ добраго сердца смѣется это дѣша! ни одна мать конечно не пройдетъ его мимо, — и ни одна женщина не оставитъ, чтобы не приласкаетъ сего милаго

робенка. Дѣвица улыбается ему, и одна сія улыбка заспавишь задуматься и самого хладнокровнаго Квакера. Корреджіо писалъ съ природы, писалъ изъ сердца, былъ человѣкъ чувствительный, конечно любилъ, и сіи нѣжныя чувствованія неподражаемо перенесъ на свои картины, предъ которыми гордость древнихъ и новѣйшихъ живописцевъ должна смиришься.

Товарищи мои пошли смотрѣть собраніе медалей и монетъ, а я оспался въ галлерей, и продолжалъ разсматривать картины, замѣчалъ въ нихъ съ большимъ вниманіемъ, что первое шакъ сказаъ бросалось въ глаза, и чшобы не упустишь и малѣйшаго впечатлѣнія, наскоро записалъ мои мысли. Оныя конечно будутъ неудовлетворительны для художниковъ; ибо я описываю только то, что мнѣ болѣе нравилось. Нѣсколько разъ попомъ переписывалъ я мои мысли, старался привесъ на память всѣ впечатлѣнія; но былъ всѣмъ не доволенъ и наконецъ ошановился на томъ, что означилъ въ записной моей книжкѣ. Въ *Тиціановой Данаѣ*, лишь тѣло прекрасно, а души нѣтъ. *Карашіева Венера*, полна, бѣла, нѣжна, но нагоша ея и распаленные спрасію глаза показывають обыкновенную женщину, какихъ много въ свѣтѣ и на картинахъ. Не помню гдѣ-то я видѣлъ одинъ эстампъ, очень близкій къ сей Венерѣ, съ надписью Портофранко. *Гидовѣ Амурѣ*, спишь спокойно, розовые уста его сохраняють опасную, хитрую улыбку; еслибы

онъ проснулся, открылъ глаза, красавицы со страхомъ убѣжали бы отъ него; но въ семъ положеніи ни одна изъ нихъ не отвратила взора отъ наготы его. *Албанова Рахиль* есть совершенство земной красоты и искусства живописнаго. Юная Рахиль невинна и проста; прекрасные глаза ея полужакрыты длинными черными ресницами; непорочность ея видна во всѣхъ чертахъ; словомъ сказать, на нее не лѣзя довольно насмотрѣться. Покрывало, накинутое на голову, такъ тонко, что сквозь оное видны волосы, копорые, хотябы прикоснувшись къ нимъ рукою, покажутся мягки и тонки какъ шелкъ. *Человѣколюбіе Шидонія*, съ перваго взгляда видно, что онъ былъ ученикъ Корреджіо. Молодая женщина, изображенная, къ удивленію зрителей, безъ всякой красоты, раздаетъ дѣтямъ кусочки хлѣба, съ милостію и душевною доброшою; но развѣ прелестная женщина не можетъ быть также добра? или Шидоній думалъ, что красавицы весьма рѣдко бывающъ не щеславны? и пошому изобразилъ женщину милосердную и крошкую. По черпамъ лица ея судить можно, что онъ писалъ сію картину въ Англіи. Добродушіе, изображенное во взорахъ и положеніи, составляло единственную прелесть лица ея, блистало живо изъ ясныхъ, голубыхъ и томныхъ очей; изображалось въ улыбкѣ и во всѣхъ чертахъ. Въ дѣтяхъ ожиданіе и радость не совсѣмъ кончены, шутъ чего-то не доспаетъ; еще не-

много искусства и Шидоній былъ бы равенъ своему учипелю.

Подлѣ сихъ знаменимыхъ памятниковъ искусства живописнаго, поставлены двѣ маленькія картинки прудовъ одной благородной Палермитанки. На первой изображены бабочки, на второй виноградная кисть. Дишпалъ бы ловилъ сихъ бабочекъ; самъ Праксипель взглянувъ на виноградъ, сказалъ бы; онъ зрѣлъ, и его безъ вреда ѣсть можно.

Въ собраніи рѣдкихъ рукописей, показывали намъ одну древнюю, писанную на папирѣ, другую на пергаминахъ. Последняя содержитъ службу Богородицѣ на Лапинскомъ языкѣ. Нѣкто Кловіо украсилъ ее миніашюрными виньешами; при вѣка прошло и сіи розы еще не завяли, а сіи персики только что сняты съ дерева. Рукопись, сгорѣвшая въ Геркуланѣ, заслуживаетъ особенное вниманіе. Нашли средство раздѣлить попорченные огнемъ листы и съ чрезвычайнымъ трудомъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ успѣли списать съ нее нѣсколько страницъ. Слава терпѣнію ученыхъ, занимавшихся сею скучною работою.

Въ собраніи сосудовъ, статуи, бюстовъ и разныхъ инструментовъ Римскихъ, Греческихъ и новѣйшихъ, частію доставшихся Королю по открытіи Геркулана и Помпеи, каждая вещь показываетъ или удачную выдумку или изящную работу, или драгоценное вещество. Видъ сосудовъ, а особливо курильницъ,

слезохранипельницъ и подсвѣчниковъ весьма пріятенъ. Бронзовые бюсты и статуи, всѣ наилучшаго вкуса и Греческой работы. Изъ нихъ Фавнъ и два борца почишаются превосходнѣйшими. Фавнъ подлинно уснулъ. Нагіе борцы, приугошворяющіеся къ борьбѣ, какъ ни малы въ разсужденіи обыкновеннаго роста, заставляють зришелей страшиться, что они вдаются въ великую опасность. Во многихъ игрушкахъ, съ удивительною точностію представляющихъ различныхъ животныхъ, бронза и мраморъ имѣють жизнь. Между музыкальными инструментами лежишь дудочка, на коей Опахіаіе играють носомъ, подлѣ нея и одежда ихъ, сошканная изъ нипшей кокосовыхъ орѣховъ. Въ сей же залѣ показывали большія книги, въ коихъ сняты списки и рисунки съ недодѣланныхъ картинъ лучшихъ живописцевъ древнихъ и новѣйшихъ. Мнѣ болѣе всего понравились картины Греческаго изображенія. 1-я, Нимфа срывающая цвѣтокъ. 2-я, Спящая Дріада, которую Фавнъ нашель и обнимаетъ. 3-я, Старой Силенъ поднимаетъ на рукахъ робенка, просягивающаго ручки къ виноградной кисти, которую подаешь ему съ веселымъ видомъ, чрезъ голову старика, молодая дѣвушка. Не правда ли, что сими изображеніями красоты, любви и трехъ возрастовъ человека, Греки умѣли объяснять свои мысли самымъ нѣжнымъ образомъ? Вошъ при бездѣлицы, которыми кончилось обозрѣніе рѣдкостей. Ма-

ленкій Фаэпонъ запряженъ двумя пчелками, песнрая бабочка сидишь на козлахъ вмѣсто кучера и держишь возжи ножками. Другой побольше, запряженъ попугаемъ, а управляемъ саранчею. Трешій виньетъ предсшавляетъ также фаэпонъ, въ коемъ положенъ кувшинъ, обвитый розами, двѣ стройныя маленькія Нимфы, смѣясь везутъ его съ поропливоспїю. Вошъ какъ Греки умѣли одушевлять любимыя свои мечшы.

Сошедъ въ нижній эпажъ въ Оружейной, въ трехъ залахъ я видѣлъ всѣ убійственныя оружїя ошъ Каиновой дубинки до Ишалїанскаго кинжала, видѣлъ булавы Ирокезцовъ, дропки жителей Новой Зеландїи, видѣлъ чѣмъ Римляне, Греки и Скиѣы побѣждали другъ друга, и наконецъ видѣлъ шу лѣспницу, по кошорой механическія рукодѣлія восходили къ совершенству и злоба людей къ ушонченному искусству умерщвлять другъ друга. Король, какъ спрасный охотникъ и спрѣлокъ, собираетъ оружїя знаменишѣйшихъ масперовъ, и его ружейная поиспиннѣ можетъ назваться Царскою. Лучшія изъ нихъ опи-чающа чиспошою опдѣлки, замысловатымъ механизмомъ и прочностїю мешалла, худшіе золошыми насѣчками, перламушомъ, дорогими каменьями и богатыми фушлярами. Охотники найдутъ шупъ много вещей достойныхъ ихъ воспорга. Я замѣтилъ только три: 1-е *Двуствольное ружье*, вдругъ, одно за другимъ можешъ сдѣлашь 24-ре выспрѣла. Помощїю

механизма, 24 напрона вдругъ въ ружейный спволъ кладутся; стóбитъ только оборо-
титъ внизъ дуломъ и ружье заряжено. 2-е, *Духовое ружье* въ прости, и 3-е, *Кинжалъ*,
который по вонзеніи въ тѣло раздѣляется на
три части, и въ сіежь время производить
выстрѣлъ изъ маленькаго пистолеша, вдѣлан-
наго въ рукояшку.

Больница Бѣдныхъ.

(Alberho di Poveri.)

Зданіе по наружности своей просхо, хо-
шя и огромно; шуть великолѣпіе пожершво-
вано пользѣ. Позади спроенія садъ съ пре-
краснымъ фонтаномъ. Поднявшись по легкой
для всхода лѣспницѣ, украшенной фонтанами
и приличными статуями, вошли мы въ сред-
ній эшажъ. Мущины и женщины распредѣлены
по палатамъ; шуть выздоравливающіе, шамъ
тяжело больные, а шамъ неизлѣчимые и сту-
масшедшіе. Въ огромной залѣ за общимъ спо-
ломъ болѣе 300 выздоравливающихъ съ жад-
ностію поглощали куски хлѣба, плавающіе въ
жидкомъ супѣ; они просили милостыню по
привычкѣ. Комнаты вездѣ нечисты и еслибъ
не отворяли оконъ, то воздухъ могъ бы бышь
вреденъ. Здѣсь лѣчатъ простыми средсвами,
покоемъ, пищею и лимонадомъ, котораго упо-
ребленіе полезно въ здѣшнемъ климатѣ. Док-
шоры славятся искусствомъ, и больные, какъ
меня увѣряли, не умирають здѣсь преждевре-

менною смертію. Въ приємной залѣ поставленъ портретъ Фердинанда IV во весь ростъ. Онъ очень похожъ, я взглянулъ на него съ уваженіемъ. Фердинандъ любимъ своими подданными, и какъ добрый Государь, заслужившій бѣдныхъ и сирыхъ, достоинъ преданности и благодарности народной.

Въ нижнемъ этажѣ по обѣ стороны длиннаго коридора, въ низкихъ комнапахъ со сводами, на одной половинѣ доживающъ послѣднія минуты жизни, неизлѣчимые, на другой съумасшедшіе. Одинъ изъ нихъ въ сѣняхъ подъ огромными аркадами прикованъ былъ къ стѣнѣ цѣпью, держащею его поперегъ спана. Руки и ноги обшиты были у него кожею, шѣмя обрито, оспашки волосъ стояли щетиною. При появленіи нашемъ онъ бросился къ намъ, началъ прыгать подобно люшой Гіеннѣ, грызъ цѣпь, руки и охриплымъ голосомъ произносилъ невнятные звуки; но когда вошелъ его Смотритель, онъ бросился въ уголъ и зарылся въ лежащей на сѣнѣ соломѣ. Сей несчастный отвергаетъ обыкновенную пищу и безпрестанно проситъ сырова мяса; бѣшенство его чрезъ каждые три мѣсяца продолжается по двѣ и по три недѣли, и уже другой годъ онъ находится въ больницѣ. Войдя въ коридоръ намъ отворили 1-й №. Въ немъ лежалъ на постелѣ Кардиналъ, онъ со всею важностію благословилъ насъ. Это нищій, сказалъ Смотритель. Во 2-мъ № съумасшедшій опъ честнлюбивъ; 20-ти лѣтній студентъ сей называющъ

себя Генераломъ, безпрестанно чертишь планы и располагаетъ войска къ сраженію. Смпришель его обходится съ нимъ ласково, докладывалъ о нашемъ приходѣ и принимая приказанія, величалъ его Ваше Превосходительство! Въ 5-мъ №, промолвавшійся Баронъ, копорый помѣшался на томъ, что у него къ 99 не доставало ссого жилеша. Большая часнь сумасшедшихъ была ошъ честолубія и болѣе женщинъ, нежели мушинъ. Есшьли у васъ съ умасшедшіе ошъ любви? спросилъ я у лѣкаря. Теперъ нѣтъ ни одного; были, но они скоро у насъ выздоравливаютъ. Наши женщины челоѣколюбивы, продолжалъ шушливо Докпоръ, они не любяшъ сводить съ ума и рѣдко подаютъ причины приходишъ въ ошчаяніе. И такъ справедливо сказалъ Панглось, „что все въ свѣшѣ къ лучшему“ и въ самомъ злѣ заключается добро. Наконецъ показали намъ съумасшедшую дѣвушку. Конечно ошъ любви? Нѣтъ, ошвѣчалъ Докпоръ холодно. Она имѣла несчастіе лишиться ошца своего, казненнаго публично за доказанное преспуупленіе. Она взошла съ нимъ на эшафотъ, сколько ни уговаривали ее сойти внизъ, но она осталась при ошцѣ до послѣдней минушы. Твердосшь, споксшвіе духа ея, обманули исполнишелей приговора; но когда голова ошца покашилась по помоспу, когда кровь брызнула въ лице дочери; тогда несчастная схватила голову, облобызала ее, завернула въ шаль и тутже упала безъ чувствъ и лишилась ума. Чрезъ годъ она

пришла въ память, но лишь вышла изъ больницы, вспрыпнулась съ солдашомъ, вспомнила о казни и снова лишилась ума. Теперь она выздоравливаетъ, и когда совершенно оправившись, Королева приказала удалить ее въ деревню, гдѣ она будетъ получать отъ Ея Величества досташочной пенсіонъ.

П о л е м е р т в ы х ъ.

Бывъ немного нездоровъ, въ одинъ красивый день вышелъ я съ кварпиры моей, бывшей въ предмѣспіи Саразень, подлѣ Порпанауова, просто въ сертукъ, съ шѣмъ, чтобы по близости нѣсколько прогулялся. Въ городѣ благовѣспили къ обѣднѣ, толпы богомольныхъ съ молитвенниками въ рукахъ шли со мною по пупи. Прошедъ съ версту, вижу предъ собою спѣну, распворенныя ворота, и кипарисную аллею, въ концѣ коей монастырь; перемѣняю намѣреніе и иду въ церковь молишья. Набожное расположеніе мое награждено было неожиданнымъ явленіемъ; любопытство удовлешворено ужаснымъ видомъ смерти. Аллея, по копорой я шелъ, пересѣкалась накрестъ другою; тамъ кое гдѣ печально стояли кипарисы; и надгробныя памяшники, большею часпю весьма простыя, занимали все пространство; мраморныя плиты были исписаны стихами и надписями. Зеленая поляна отдѣляла монастырскія строенія отъ сада. Я спросилъ шедшаго подлѣ меня, какъ

монастырь называется? онъ отвѣчалъ мнѣ: „вы находишесь на *полѣ мертвыхъ* (Campo di Morti). Такое названіе удивило меня, и сказанное незнакомымъ подтвердилось самымъ дѣломъ. Монастырскій колоколъ нѣсколькими унылыми ударами возвѣспилъ о прибытіи покойнаго. Я остано­вился, обратился къ воротамъ и увидѣлъ въ оныхъ нѣсколько поршезовъ, предъ коими несли на длинномъ древкѣ черный деревянный креспъ; носильщики были въ траурномъ плашѣ, на поршезахъ нарисована Адамова голова. Вмѣстѣ съ поршезами вошелъ я въ церковь и представилъ себѣ мое изумленіе. Посреди церкви, на ка­палкѣ, обитомъ чернымъ сукномъ, на вер­ху и на ступеняхъ лежало болѣе 20 тѣлъ безъ гробовъ; одни одѣты были въ приличныхъ плашяхъ, но безъ покрововъ, другіе просто обер­нуты только холстиною. Я видѣлъ смерть во многихъ видахъ, не спрашивая ее по дол­жности и чести; но признаюсь, новое сіе явленіе, какого я не ожидалъ, привело меня въ трепетъ; слабость послѣ болѣзни, печальные псалмы, музыка раздирающая душу, горестныя лица, вопли и слезы окружающихъ ка­палкѣ, заставляли меня опасаться, что я не могу выдержать печальнаго обряда погре­бенія; но любопытство видѣть оное побудило меня остаться. Обѣдня кончилась, родствен­ники послѣднимъ цѣлованіемъ простились съ умершими, всѣ вышли, церковь заперли. Мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ

просить проходящего мимо меня Капуцина, рассказать мнѣ, обрядъ ихъ погребенія.

Капуцинъ былъ ужаснаго вида, босикомъ, въ толстой рыжеваго сукна рясѣ, и очень неопряшенъ. По такой наружности я не ожидалъ, чтобы онъ былъ вѣжливъ, но вышло напрошивъ, онъ былъ даже очень снисходителенъ. По первому моему вопросу, Капуцинъ съ ласковымъ видомъ общалъ, удовлетворилъ мое любопытство; потомъ спросилъ, съ кѣмъ имѣешь честь говорить, и услышавъ, что я Руской, поклонился и продолжалъ; очень радъ, милостивый государь! что буду имѣть случай чѣмъ нибудь услужить Рускому. Онъ тотчасъ приказалъ принести себѣ ключи: между тѣмъ мы подошли къ длинному строенію, составляющему лѣвый флигель монастыря, оперли дверь, отворили, и, Боже мой! что я увидѣлъ. Тысячи человѣческихъ оспововъ, стоявшихъ и привязанныхъ къ спидамъ, сложенныхъ на споллахъ и валяющихся по полу. Я поблѣднѣлъ, содрогнулся, укорялъ себя за пустое любопытство, но уже поздно было раскаиваться, стыдно было отказать, и я вошелъ за Капуциномъ въ длинную невысокую галерею, освѣщенную сверху и то весьма слабо. На груди cadaго скелета повѣшена была черная дощечка съ надписью кому принадлежали бранные сіи останки, годъ и число, когда родился и умеръ. Проходя далѣе, я видѣлъ нѣсколько гробовъ или лучше серебряныхъ и бронзовыхъ ящиковъ, гдѣ лежали ко-

спи знашнѣйшихъ Вельможъ. Гробницы сіи были запершы и ключъ оныхъ обыкновенно хранился у ближайшаго родственника. Жиители Палермы часто посѣщаютъ монастырь смерти; заживо выбираютъ себя мѣста въ галлереяхъ, и плачутъ на гробахъ предковъ своихъ, умершихъ за 200 лѣтъ. Въ саду, только для виду спавяшся монументы. Я очень обрадовался, что мы скоро вышли изъ галлерей; но Капуцинъ повелъ меня къ другому строенію, обнесенному высокою стѣною въ углу ограды монастырской и въ отдаленіи оныхъ жилыхъ покоевъ. Служка опворилъ намъ желѣзную калитку. Посреди двора стояло низкое не болѣе двухъ аршинъ высоты зданіе, покрытое толстымъ сводомъ. Небольшія вокругъ оныя окна заперты были желѣзными ставнями. Вотъ общая могила всѣмъ умершимъ въ Палермѣ. Погребъ наполненъ извѣстью, пѣла, привязанныя къ желѣзнымъ лопатамъ, на длинныхъ древкахъ утвержденнымъ, опускающіяся въ погребъ, засыпающіяся извѣстью, и, когда пѣло будетъ испреблено, скелетъ ставятъ въ галлерей. Тѣла знашнѣйшихъ господъ, вынувъ напередъ внутренность, засушиваютъ въ небольшой пещерѣ, и трупъ сохраняетъ на себѣ кожу довольно долгое время.

Въ жаркомъ климатѣ такое погребеніе очень разумно; моровая язва, испребившая половину жителей Палермы, была поводомъ къ оному; плачевный опытъ научилъ брать сію необходимую осторожность. Уже

болѣе 200 лѣтъ постановлено закономъ, умершихъ не опѣвать въ городскихъ церквахъ, а потчасъ безъ всякихъ церемоній изъ домовъ переносить въ сей Капуцинскій монастырь, гдѣ по совершеніи обряда погребенія, тѣла изъ церкви переносятся сначала въ погребъ, гдѣ, изъ предосторожности, дабы не погребли лишившихся жизни опъ продолжительнаго обморока, оставляются оныя на пять или на семь дней, смотря по обстоятельствомъ. Анапомить умершихъ прежде сего срока также запрещено.

Дворянское собраніе.

Пятимѣсячное пребываніе въ Палермѣ доставило намъ многія знакомства. Въ саду не блуждали уже мы посреди пышнаго общества подобно отчужденнымъ; на балѣ не сидѣли въ дальнемъ углу безъ дѣла; въ саду кланялись намъ издали; на балѣ мужчины встрѣчали насъ ласково, дамы охотно съ нами танцовали; наконецъ въ театрѣ вмѣсто того, чшобъ заниматься представленіемъ, уже должны были, слѣдуя тамошнему обыкновенію, ходить по ложамъ. Въ Дворянскомъ Собраніи принимали насъ какъ своихъ родственниковъ. Мы тѣмъ охотнѣе посѣщали сіе общество, что въ томъ друзья наши, гвардейскіе Офицеры, и вся военная молодежь, обыкновенно назначали какъ провести запрешній день, и приглася дамъ собирались въ саду Флорѣ или

въ какомъ маскарадѣ, духовномъ концертѣ, кофейномъ домѣ Липерапоровъ, любитель музыки и наконецъ въ мѣщанскомъ клубѣ. Читатель не дѣлай скорого заключенія; если судишь будешь по своимъ обычаямъ, то можешь ошибиться и быть несправедливымъ. Здѣшнее мѣщанское общество, состоящее изъ трудящихся купцовъ, просыхъ ремесленниковъ, и цѣховыхъ мастеровъ, не то, что могло бы быть у насъ. Здѣсь дочь поршнаго, даже башмашника, танцуетъ менуетъ, кадрили, вертишься въ вальсѣ; говоришь не обласнымъ, но благороднымъ Тосканскимъ нарѣчіемъ. Здѣсь хотя нѣтъ, какъ въ Королевскомъ собраніи, бриліантовъ и многоцѣнныхъ кружевъ, но всѣ дѣвицы одѣшны чисто, щеголевапо и прилично; всѣ цвѣтутъ какъ Майскія розы; бѣлы, румяны, нѣтъ почти ни одного дурнаго лица, нѣтъ той блѣдности, упомленнаго взора, котораго стараешься избѣгнутьъ, и поэтому-то мы чаще были въ мѣщанскомъ и дворянскомъ, нежели въ Королевскомъ собраніи. Дѣвицы въ обхожденія очень ласковы. Онѣ привыкнувъ къ Испанской гордости своего дворянства, (которое однакожь охотно посѣщаетъ ихъ общество,) и за малѣйшее вниманіе были признапельны. Машери оставляли дочерямъ всю свободу, ошнудъ ни въ чемъ насъ не подозрѣвали; и случилось, что нѣкоторыя изъ нихъ замѣшивъ, что Руской предпочитаетъ ея дочь другимъ, охотно и часто съ нею танцуетъ, вшавали съ мѣсшъ

своихъ и искренне благодарили за честь, дѣлаемую ихъ дочерямъ.

Въ продолженіи Карнавальныхъ праздниковъ, мы закружились въ вихрь большаго свѣта. За нѣсколько дней приглашали насъ на какую либо прогулку; на концершъ, на балъ и маскарадъ. Въ семъ послѣднемъ ясно видѣнъ характеръ и нравъ шутливыхъ Испанцевъ. О карнавальныхъ увеселеніяхъ я буду говорить послѣ; теперъ скажу нѣсколько словъ о маскарадѣ, называемомъ *Ve-glione*! продолжающемся во всю ночь. Послѣ театра, зрители изъ партера вышли, скамейки были вынесены и въ полчаса сцена сравнена съ партеромъ, что сослало обширную залу. Пока дѣлались сіи приуготовленія, въ ложахъ ужинали, музыка играла симфонію. Король съ дѣтьми былъ въ своей ложѣ; при немъ не было ни какой стражи; любовь народная замѣняла оную, присутствіе его не мѣшало веселости, напрошивъ болѣе одушевляло публику. Лишь зала была готова, ударили въ лишавры, музыка заиграла маршъ, и вдругъ со всѣхъ сторонъ начали входить маскированные лица съ ужимками приличными своей одеждѣ; зала скоро наполнилась, сдѣлался шумъ, визгъ, всѣ говорили не своими голосами, одинъ ревелъ коровою, другой пѣлъ арію, тошъ мяукалъ кошкою, шамъ въ странномъ положеніи поэтъ декламировалъ стихи, всѣ прыгали, кривлялись, кружились и ломались и это такъ всѣхъ забавляло, что зрители

смѣялись опъ добраго сердца. Маскированныя разсыпались по лоламъ, входили даже въ Королевскую, забавляли Его Величество шутками, замысловатыми сѣхами, остроуміемъ или только нарядомъ. Король въ самомъ дѣлѣ былъ очень снисходителенъ и милосивъ, и повидимому ушѣшался симъ.

Г р и м а л ь д и.

Скажете мнѣ, кто такъ прекрасно играетъ на скрипкѣ въ театръ Санъ - Фердинандо? спросилъ я однажды у Профессора музыки Чичиліано. Это Гримальди, опвѣчалъ Профессоръ, славнѣйшій нашъ Архистъ, камеръ-музыкантъ, Геній, какого Испалія едва ли когда имѣла и при томъ чудакомъ, милой, лѣнливой и безпечной. Неужели вы ничего о немъ не слыхали? его жизнь и странности обращающъ на него общее вниманіе; онъ учень извѣстенъ, уважаемъ всѣми и любимъ самымъ Королемъ. Я вамъ расскажу объ немъ нѣчто продолжалъ Чичиліано. Онъ имѣетъ такой даръ, что въ театръ, когда ему должно играть Соло, вдругъ по вдохновенію восхищаетъ всю публику и еще болѣе удивляетъ музыкантовъ шѣмъ, что, когда ему вздумается, безъ приуготовленія и труда сочиняетъ важнѣшую музыку; иногда пишетъ ноты на память, безъ помощи инструмента, или взявъ оный приказываетъ писать ноты другимъ, а какъ рѣдко имѣетъ онъ терпѣніе дожидаться, чтобы

успѣли музыканты писають за нимъ, то онъ для сего держитъ при себѣ слѣпаго ученика, кошорый обладаетъ такимъ рѣдкимъ слухомъ и привыкнулъ понимать своего учишеля такъ, что перенимаетъ у него длинную фанпазію съ одного раза. Гримальди дѣлаетъ все по первому движенію, ни къ чему себя не принуждаетъ, даже играетъ у Короля тогда, когда ему придетъ охота. Будучи не богаты, онъ ни у кого не играетъ за деньги, подарковъ ни отъ кого не принимаетъ; между шѣмъ живетъ на чужей счетъ, жалованье раздаетъ нищимъ, словомъ, золопомъ не дорожитъ и о себѣ ни мало не печется. Холоснымъ онъ велъ безпорядочную и самую беззаботную жизнь. Король желая удержатъ его при Дворѣ, приказалъ женишь его. Сыскали невѣсту, ввели Гримальди въ домъ ея родителей, и пустили слухъ, что онъ женился. Король поздравилъ его; удивленный чудакомъ, поклонившись спросилъ; развѣ Вашему Величеству угодно, чтобы я былъ рогоносцемъ? Лучше нежели разсѣяннымъ и лѣнивымъ. Вы того желаете, я согласенъ. Король на другой же день приказалъ кончить свадьбу, щедро награбилъ Гримальди и прибавилъ ему жалованья. Что же сдѣлалъ Гримальди, послушайте: онъ послѣ обѣда гдѣ-то встрѣтился съ своимъ пріятелемъ, кошораго давно не видалъ, зашелъ съ нимъ въ кофейной домъ и увлеченный дружескою бесѣдою, забылъ, что невѣста дожидаетъ его въ церкви. Когда онъ на разсвѣтѣ воропился

домой, но на упреки своихъ знакомыхъ онъ холодно отвѣчалъ: друга своего я давно не видалъ, а женился и нынѣ успѣю.

Какъ бы мнѣ желалось послушать его вблизи, сказалъ я. Это очень трудно, отвѣчалъ Чичиліано; однакожъ я посшараюсь дославить вамъ къ тому способъ. По наставленію его, товарищъ мой Н. пошелъ въ кофейный домъ, гдѣ часто бывалъ Гримальди, познакомился съ нимъ весьма коротко, и Гримальди пришелъ съ нимъ на квартиру, оспался обѣдавъ, послѣ театра въ тотъ же день пришелъ ужинавъ и общалъ безъ приглашенія ходишь къ намъ чаще. Онъ сдержалъ свое слово. Мы съ своей стороны никогда не просили его что либо сыграть; но въ одинъ день Гримальди нашелъ у насъ пятерыхъ лучшихъ въ Палермѣ Виршуозовъ. Послѣ обѣда, распроганный одною піесою сочиненія Чичиліано, Гримальди послалъ за своею скрипкою и ученикомъ и наконецъ я слышалъ его игру. Не знаю кому больше удивляясь, ему ли или слѣпому его ученику, который споя подлѣ одного музыканша игралъ поже самое что и сей, точно такъ какъ бы предъ нимъ лежали ноты. Гримальди довольный похвалами своему слѣпцу, беретъ наконецъ свою скрипку, настраиваетъ, дѣлаетъ пробу и начинаетъ играть въ полномъ расположеніи. Музыканшы окружающъ его, одинъ приклоняетъ ухо къ его инструменшу, другой беретъ бумагу чтобы писать ноты, только Чичиліано осмѣливается шихо акомпанировать ему на Ман-

долинѣ; слѣпецъ игралъ только тогда, когда ему приказывали. Начинается Адажіо; инструментъ издаешь живой голосъ, всѣ звуки сливались, миноръ коснулся сердца; музыканты усмиривъ глаза на своего Орфея не смѣлидохнуть, и еслибъ печальный миноръ еще продолжился, то конечно заспавилъ бы насъ плакать, но рондо, веселое, плавное, взятое съ народной пѣсни Еспаньола называемой, покашилось по струнамъ, оживило, обрадовало насъ. Музыканты взяли инструменты, играли всѣ вмѣстѣ и каждый одинъ за другимъ продолжалъ соло по своей фантазіи и игралъ превосходно. Послѣ того Гримальди ударомъ смычка вдругъ перемѣняешь тонъ, начинаешь одинъ новое Аллегро, музыка ушихаетъ постепенно, онъ уходитъ въ нишу и мы вдали слышимъ гобой, шамъ арфу, скрипъ ворошъ, лай собаки, и подражаніе голосамъ нѣкошорыхъ пшицъ, словомъ шумя забавлялъ онъ насъ болѣе двухъ часовъ, чудесами искусства музыкальнаго, и все изъ головы или лучше изъ его души изливалось.

Рыбная ловля.

Въ продолженіи лѣта ловля рыбы Тона составляетъ лучшее удовольствіе дворянства. Рыба сія идетъ изъ Океана, большими стаями, обыкновенно шрется около береговъ, и пошому ловъ бываетъ очень прибыщенъ. Ее соляшъ, и пошомъ отправляющъ за гра-

ницу; она составляет важную отрасль торговли Палермской. Рыба поны имѣетъ при аршина длины, несоразмѣрно толста, мясо ея сочно, красно и похоже на лососину. Способъ ловли довольно замысловатъ и неизвѣстенъ въ другихъ частяхъ Европы. Я нарочно ѣздилъ въ Монделло, видѣлъ домъ, такъ называемый *tonnaro*, составленный изъ толстыхъ сѣтей, занимающій пространство отъ двухъ до трехъ и болѣе верстъ, раздѣленный на нѣсколько комнатъ, изъ коихъ каждая зовется по порядку, на примѣръ: первая пріемная зала, вторая столовая, третья спальня, и такъ далѣе, послѣдняя всегда именуется комната смерти. Сѣть сія, помощію грузилъ, опускается до дна и ушверждается якорями. Когда рыба войдетъ въ первую залу, то малое отверстие закрывается особенною сѣтью, караульный подаетъ знакъ, нѣсколько десятковъ лодокъ приближаются, составляютъ вокругъ тоннаро четвероугольникъ, и когда рыба, не имѣя выхода назадъ, обходя вдоль сѣтей, находитъ другое отверстие и чрезъ оную переходитъ въ слѣдующую комнату, то, дабы всю стаю скорѣе загнать въ послѣднюю комнату смерти, старшій рыболовъ даетъ знакъ и промышленники всѣ вдругъ поднимаютъ радостный крикъ и, начиная отъ первой комнаты, бьютъ по водѣ веслами, когда вся рыба спѣснися въ послѣдней комнатѣ, тянутъ оную къ берегу, осторожно и помалу, ибо рыба очень сильна; шутъ дается послѣдній

знакъ , рыбаки и зрители нападающъ , бьютъ рыбу ошпрогами, другіе бросающся въ воду и плавають вмѣстѣ съ рыбами; одни поражающъ ее малыми дропиками, другіе убистую вышаскивають на берегъ. Радостныя восклицанія, крикъ, шумъ и необыкновенное само посебѣ зрѣлище сіе, доставляющъ зрителямъ великое удовольствіе. Тотъ, кому принадлежишь шоня, приглашаетъ къ себѣ госшей и угощаетъ ихъ въ раскинушихъ на берегу палашкахъ. Участвовавшіе въ ловлѣ рыбаки получающъ награжденіе, пляшущъ и поющъ, что и составляетъ самый веселый простый сельскій праздникъ. Меня увѣряли, что иногда въ одну шоню попадаешся по тысячѣ и болѣе рыбъ, и хошя она въ время лову продаешся очень дешево, со всѣмъ шѣмъ пять шакихъ шонъ близъ Палермы, принадлежащихъ Королю и чешыремъ Вельможамъ, приносящъ въ годъ доходу до 800,000 рублей.

Ловля рыбы, извѣстной подъ именемъ *Мета*, также и многихъ другихъ меньшихъ, какъ то : Морены, большаго рода угрей, золошой рыбки и проч. и проч. доставляешъ зрителямъ еще пріятнѣйшее зрѣлище, шѣмъ болѣе, что она, въ маломъ видѣ, въ шочности представляешъ ловлю Кишовъ. По захожденіи солнца, въ шихую погоду, нѣсколько лодокъ вдругъ ошваливають ошъ берега, рассыпающся по заливу; на носу каждой, одинъ рыбакъ близъ воды держишь зажженной факель, другой съ ошпрогою споишь на но-

гахъ въ готовности нанести вѣрный ударъ. Свѣшъ факеловъ привлекаешъ рыбу, она выходитъ на поверхность моря и вмигъ поражается оспрогою въ голову. Какъ Мечъ рыба очень сильна и велика, шо рыбаки гоняшся за нею иногда довольно долгое время, и при каждомъ появленіи поражающъ ее оспрогою и нѣсколькими дрошиками. Уязвленная такимъ образомъ, она бьешся близъ лодки, колешъ швердою шпагою своею, длиною около двухъ аршинъ, и, поднимая хвостомъ воду, заливаешъ оною лодку и угрожаешъ потопленіемъ; наконецъ упомившись и изойдя кровію умираешъ. Рыбаки берущъ ее на лодку, или привязывающъ къ кормѣ оной веревкою. Въ свѣплую и пихую лѣшнюю ночь, великое множесшво лодокъ, выходящихъ на сію ловлю, освѣщенныхъ факелами, предспавляешъ на морѣ большой городъ великолѣпно освѣщенный. Ловля сія употребляешся во всей Ишаліи, и рыбаки, которые бьютъ рыбу оспрогами, очень ловки и искусны въ семъ дѣлѣ, и пошому пользуются общимъ уваженіемъ своихъ товарищей.

День моднаго свѣта.

Въ Палермѣ живущъ всегда въ общесшвѣ, между чужими людьми, и домой возвращающся для шого шолько, чшобъ спашъ. Жизнь моднаго свѣта ешъ вѣчное разсвѣаніе; кажешся нишо здѣсь не любишъ мирнаго семейшвен-

наго уединенія; роскошествуютъ чрезъ-мѣру, ни мало не думаютъ о хозяйствѣ, вездѣ и во всемъ ищутъ наслажденія, ищутъ онаго съ неперпѣніемъ, смѣются, радуются всему, утѣшаются каждою бездѣлицею, никогда не занимаются важными спорами о полишкѣ, вѣрѣ и правленіи, не осуждаютъ никого, шутятъ, поютъ, танцуютъ, сочиняютъ стихи; нѣжнѣйшіе изъ нихъ чашаютъ дамамъ; словомъ оба пола помышляютъ объ одномъ и томъ же: какъ бы пріятнѣе провести время; и можно сказать, что Сицилійское дворянство, въ шепсахъ, маскарадахъ, церковныхъ праздникахъ, народныхъ зрѣлищахъ, прогулкахъ и собраніяхъ, проводитъ время въ совершенной нѣгѣ, живетъ въ непресшанномъ воспоргѣ, и ведетъ жизнь самую веселую.

Чтобъ дать понятіе о препровожденіи времени моднаго свѣта, последуемъ за Барономъ свѣпскимъ, человѣкомъ молодымъ, хорошо воспитаннымъ, нѣжнымъ почипателемъ прекраснаго пола, любезнымъ, милымъ и знающимъ жить. Поутру до десяти часовъ не слышно спугу экипажей; одинъ только народъ, купцы и ремесленники толпятся на улицахъ, и какъ Палерма очень многолюдна, то улицы, а особливо площади, походятъ всегда на ярмонку. Въ полдень начинаютъ показываться экипажи; полусонныя горничныя служанки открываютъ жалюзи, поднимаютъ гардины въ окнахъ. Нашъ молодой Баронъ не вставая пьетъ въ это время въ посшелѣ шеколадъ;

въ три или чепыре часа, если не слишкомъ жарко, выѣзжаетъ, посѣщаетъ напрымѣръ знакомую ему Маркизу, кошорая въ небрежной одеждѣ, прикрывшись шелковымъ одѣяломъ, принимаетъ его роскошно лежа на постелѣ. Скромныя чипашельницы, краснѣющія при чтеніи сихъ спрокъ, побраняшъ можешъ бышъ меня, что я выспавляю сіе нескромное обыкновеніе. Въ оправданіе свое скажу; здѣсь такая мода, а мода вездѣ естъ законъ; къ тому же въ эпомъ соблазнительномъ для насъ обыкновеніи, здѣшніе мущины, даже заспѣнчивые, не видяшъ ничего дурнаго и смопряшъ на хорошую только онаго спорону; женщины спыдливыя, заспѣнчивыя и самой строгой нравспвенности шакже скоро къ оному привыкаюшъ, ибо въ неловкомъ для нихъ сначала семъ положеніи, онѣ скоро открываюшъ вѣрное средство понравившся. Послѣдуемъ за Барономъ далѣе. Отъ Маркизы онъ пріѣзжаетъ къ Герцогинѣ, кошорая уже вспала, сидишъ за туалетомъ, перебираешъ листки новаго сочиненія и съ улыбкою слушаешъ ловкаго парикмахера, рассказывающаго ей городскія новости. Баронъ прибавляешъ что нибудь и опъ себя, хвалишъ головной уборъ, находишъ, что синій или розовый цвѣтъ идетъ ей какъ не лзя лучше къ лицу, бѣгаетъ, суешишся, упреждаетъ служанку, подаетъ Герцогинѣ духи, помаду, шпильки или прозрачный плашчикъ, словомъ одѣваетъ ее, споришъ съ горнишною, хвалишъ черные плу-

повскіе ея глазки; Герцогиня прищуривъ свои съ хитрою и какъ бы недовольною миною смѣется; наконецъ вспаешь и говоришь: addio Caro! до свиданія. Послѣ сихъ упренныхъ посѣщеній Баронъ заходитъ въ лавки, модные магазины, посѣщаешь кабинетъ скульптора и живописца, копорые обыкновенно живутъ въ нижнихъ этажахъ и окончанныя свои работы выставляющъ на улицу у дверей. Баронъ, какъ знашокъ, замѣчаетъ недоспаки, даетъ совѣтъ, и видя что либо изящное съ восклицаніемъ ославляетъ художника и отправляется въ великолѣпно-убранный кофейный домъ, болѣе другихъ посѣщаемой.

Тутъ многочисленное общество волнуется, знакомые и незнакомые составляютъ одно шумное семейство: тутъ спорятъ, шушатъ другъ надъ другомъ, не оскорбляюща оспрымъ словомъ, отражающъ его замысловатыми рѣчами; забавляюща смѣшными анекдотами, счастливыми или неудачными любовными приключеніями. Стихотворцы, лиризаторы, профессоры и Абаты въ углахъ читаютъ свои сочиненія; если они дурны, другіе зѣваютъ; если хороши, бьютъ въ ладоши и кричатъ: безподобно! неподражаемо! Толпы переходятъ безпрестанно отъ одной двери къ другой, продавцы галантерейныхъ вещей, игрушекъ и бездѣлушекъ, румяныя поселанки съ корзинками цвѣтовъ, съ поклономъ предлагающъ букеты тому, кто на нихъ взглянешъ, Капуцинъ съ крестомъ въ одной рукѣ, съ шаре-

лочкою въ другой, съ поникшимъ взоромъ, чинная молишвы и прославляя милосердіе къ бѣднымъ, принимаетъ со смиреніемъ полушки! Голодные нищіе, споя у открытыхъ дверей и оконъ, вопіюшъ и просяшъ милоспыни; слуга, нося по заламъ курильницу, заставляешъ ихъ молчать или прогоняешъ отъ дверей. Нашъ Баронъ, какъ знашый господинъ, для лучшаго тона, не снимая шляпы сидитъ на софѣ небрежно, приказываешъ слугѣ подать себѣ маленькую чашку кофе или мороженаго и перебирая лисы въ газеткахъ не чинная ихъ, слушаешъ разговоры другихъ; любитъ своимъ бриліаншовымъ перснемъ или стройноспію своей ноги, съ прищворнымъ неперпѣніемъ сморитъ часпо на часы и, чшобы убить время, разсмаприваешъ на стѣнахъ дурные эстампы, поправляешъ предъ зеркаломъ галсрукъ и манжеты или наконецъ ласкаешъ миловидную служанку, кошорая на позолоченныхъ креслахъ, сидитъ за буфетомъ и кокетсшвуешъ. Симъ оканчиваешся упро.

Въ пять часовъ Баронъ возвращаешся домой; одѣваешся, ѣдетъ въ лучшую Респорацию обѣдать, гдѣ за общимъ споломъ спараешся съспъ подлѣ какой нибудь пригожей женщины, а не успѣвъ въ шомъ съ удовольсшвіемъ разговариваешъ съ двумя незнакомыми сосѣдами, подчуешъ ихъ и каждый плашитъ за себя. Послѣ обѣда Баронъ раздѣвшись отдыхаешъ обыкновенно до седьмаго часа на постелѣ. Какъ шолько зажгушъ на улицахъ фо-

нари, по начинается ужасный шумъ. Кареты, коляски, гики (*) и фаетоны, освѣщенные двумя пылающими факелами, попрыскающъ мостовую, скачущъ, перегоняющъ одна другую, вспрѣчающся, разѣзжающся; одни ѣдутъ смотрѣть шрагедію, другіе оперу, иные національный диверсисименшъ и ш. д. Въ 9-ть часовъ Баронъ ѣдетъ въ Королевское Собрание; отсюда жена его одна посѣщаетъ дворянскіе и многіе другіе клубы, занимается тамъ игрою въ каршы, охотно слушаетъ и принимаетъ нѣжныя слова кавалеровъ, оспроуміе награждаетъ милымъ взглядомъ, а любезному назначаетъ рандеву.

Въ полночь спукъ и шумъ увеличивается до чрезвычайности. Въ Палермѣ сіе время почти тоже, что у насъ полдень. Вся публика съѣзжается на Марино и въ садъ Флору. Набережная (Marino) имѣетъ еще лучшій видъ, нежели наша дворцовая или Англинская. Съ одной стороны ея обширный заливъ, всегда покрытый линейными и купеческими кораблями; съ другой часть городской спѣны и длинной домъ, котораго нижній этажъ покрытъ широкою террасою, на оную входъ изъ вшораго жилья, надъ которымъ находящся еще два. Посреди набережной построень круглый павильонъ съ куполомъ и красивою

(*) Гикъ въ Англіи употребляемый экипажъ, подобный Кабриолетъ.

колоннадою; тушь большой оркестръ музыки играетъ симфоніи и концерты. Пѣшеходы идутъ по проуару, экипажи щѣсняся между онымъ и спѣною. Не лзя не замѣишь, что здѣсь на экипажи еще бѳльшая роскошь; нежели въ нашихъ столицахъ. Всѣ вообще кареты и коляски даже наемныя въ послѣднемъ Англинскомъ вкусѣ; Дворянинъ, есшлы бы осмѣлился показашся на улицѣ пѣшкомъ, былъ бы неминуемо осмѣянъ. Кромѣ Королевы и Архіепископа всѣ ѣздятъ парою въ шорахъ, у богатѣйшихъ ливреи залишы золошомъ, нѣкоторыя упошребляющъ еще скороходовъ. Лошади, особенно верховыя, прекраснѣйшія, Варварійской и лучшихъ Сицилійскихъ породъ. Многолюдное общество, сдѣлавъ нѣсколько круговъ по Марино въ экипажахъ, выходитъ изъ оныхъ въ садъ Флоры; экипажи возвращающся къ Порпо-феличе, лакеи гасятъ факелы, въ садъ съ оными и съ фонарями никому входишь не позволяется, нищій и никпо дурно одѣшый (исключая музыканшовъ) шакже въ оный не допускающся. Въ чешырехъ бесѣдкахъ по угламъ и на средней площади сада пшатъ оркестровъ духовой музыки разливаютьъ сладостную гармонію. Не можно предсавишь себѣ занимательнѣе сей прогулки для всѣхъ вообще и выгоднѣе для молодыхъ людей, особенно влюбленныхъ. Тушь всѣ состоянія смѣшиваются; блестящіе наряды дамъ, красота ихъ, ласковое обращеніе даже незнакомыхъ,

представляющъ какъ для взора такъ и сердца пріятный обманъ. Я не видалъ, чшобы тушъ кшо нибудь сидѣлъ задумавшись; тихой шопотъ и шорохъ ногъ, улыбка или вздохъ, развлекли бы и самого невнимательнаго человека. Садъ Флоры приличнѣе было бы называть садомъ Венеры; оный въ самомъ дѣлѣ есть храмъ любви и волокитства; Князья и Графы, военной, спашской и духовной; Маркизы, Баронессы, актрисы, горничныя и лучшія общія красавицы, ищущъ въ немъ приключеній, веселой ночи, наслажденія и прибыли. Тушъ не различишь кшо кого преслѣдуешь; всѣ чего-то ищущъ, у всѣхъ, думаешь должно, ошъ нешерпѣнія сердце бьется; одни заглядываютъ подъ шляпки, другіе всматриваются въ лице; двѣ подруги садятся въ густой шѣни; два кавалера робкими шагами къ нимъ приближаются и если красавицы благосклонно улыбнутся, они пошчасъ подающъ имъ руки и идущъ вмѣстѣ въ большую аллею, гдѣ разносятъ прохладительныя, копорыя кажутся только увеличивающъ жаръ. Въ шемношѣ крышыхъ проспектовъ, встрѣчающся иногда замаскированныя; почти передъ каждымъ проходя шепчущъ онѣ въ полголоса пароль, который поняшь можешь одинъ избранный счастливецъ; словомъ въ большихъ прямыхъ аллеяхъ, съ открытымъ лицомъ, съ невинною улыбкою, гуляющъ супруги и дѣвицы непорочныя, въ крышыхъ,

замаскированный порокъ и распущенство. Отсюда — по завернувшись въ длинной плащъ, надвинувъ шляпу на глаза, опустивъ вуаль и наклонивъ какъ можно голову ниже, пара за парой выходяшъ изъ сада чрезъ калитку, гдѣ съ поплаенными фонарями *Servitori di Piazza* предлагающъ услуги. Въ переулкѣ ожидающъ легкія коляски и фаэтоны, сядыся въ нихъ и скачущъ въ средину города къ западнымъ дверямъ домовъ шѣхъ добродушныхъ старушекъ, и содержапельницъ модныхъ магазиновъ, копоры изъ соспраданія къ женамъ ревнивыхъ мужей на часъ ошдающъ въ наемъ прекрасно убранный кабинетъ, гдѣ на свободѣ и въ пишинѣ, какъ здѣсь говорися, можно *Cavare il Cariccio*! Послѣ двухъ часовъ за полночь оканчиваешся музыка; Баронъ опыскиваетъ свою жену, не спрашиваетъ гдѣ она была и что дѣлала, ибо на вопросъ сей и самъ не зналъ бы что ошвѣчать. Вошъ почему такіе мужья бывающъ очень снисходительны и охотно позволяющъ женамъ своимъ всякія вольносши. Съ восхожденіемъ солнца одни ѣдущъ домой, другіе ужинашъ въ респорацию, мало по малу спукъ ошъ карешъ умолкаетъ и всѣ ложашся спать.

Въ большіе жары лѣтомъ, дворянство живешъ на дачахъ въ Бегаріи и Иль-Колле, однакожь Марино ошъ того не бываешъ пусто. Зимою въ пасмурныя и дождливыя ночи, вмѣсто прогулки въ саду, экипажи послѣ со-

бранія, ѣздятъ взадъ и впередъ по улицѣ Кассеро, и на оной иногда бываетъ такъ тѣсно, какъ у насъ подъ качелями. Въ зимнее время гулянье въ саду начинается въ полдень, но лучшее общество собирается тамъ въ 6-ть часовъ по полудни.

Нѣчто о нравахъ и обычаяхъ.

Сицилійцы проницательны и понятливы, любящъ праздность, увеселенія, имѣющъ навыкъ въ обманахъ и по происхожденію отъ Грековъ не уступающъ имъ въ хитроспяхъ и шпикоспи ума. Небо, временно бурями помрачаемое, почши всегда покрытое свѣтлою лазурью, разность годовыхъ временъ дѣлаетъ едва примѣтною; зимою равно какъ и лѣтомъ можно жить здѣсь на открытомъ воздухѣ, отъ чего тѣло получая гибкость, воображенію представляетъ болѣе идей и наиболѣе способствуя дѣйствию разума, наполняетъ его огнемъ крошкимъ и плодоноснымъ; посему-то можетъ быть, характеръ Сицилійца ясно изображается въ умныхъ говорящихъ глазахъ его. По чрезмѣрной живости своей, предпочишая пріятныя упражненія важнымъ, они не брегущъ о усовершенствованіи своихъ мыслей, ибо не любящъ глубокомыслія, совсѣмъ не имѣющъ того хладнокровія, которое необходимо для окончанія работы шрудной и продолжительной. Въ изящныхъ наукахъ и ремеслахъ, ваяніи,

архитектурѣ, музыкѣ и живописи они наиболѣе упражняются; въ издѣліяхъ ихъ художниковъ видѣнъ хорошій выборъ мыслей; но ошдѣлка всегда не кончена; къ механическимъ рукодѣліямъ они не имѣють склонности, и если что работають, то очень посредственно. Будучи расположенія безпокойнаго, неперпѣливаго и горячаго, они въ добродѣтеляхъ и порокахъ чрезмѣрны. Спроси ихъ касающа двухъ крайностей. Нѣжны въ любви, снисходительны къ супругамъ; но если кто ревнивъ, то мщеніе его ужасно. Въ несчастіи шверды, переносятъ потери безъ унынія, любятъ Короля, покорны посшановленнымъ власшамъ; но малѣйшія угнешенія не могутъ снести безъ явнаго ропота. Набожность ихъ есть суевѣріе; добродушіе кажется имъ обманомъ ума, искренность только живостью сложенія, хитрость значишь искусство жишь, подлогъ принимаетъ видъ добросердечія. Мужество есть смѣсъ жестокости и великодушія. Въ Италіи Сицилійскіе разбойники славяшся возвышенностію чувствъ и благородствомъ духа; если бы правительство пожелало направить духъ сей къ надлежащей цѣли и воспользовашься имъ къ чести опечесшва, то военныя доблести народа, нынѣ непримѣшныя, моглибы бышь блескомъ истиннаго геройства.

Сицилійцы имѣють привѣшливый взглядъ, услужливы, очень внимательны къ иностранцамъ и всегда веселы. Кто въ первый разъ увидишь ихъ паншомину, то ловкость, жи-

востъ ихъ театральныхъ движеній, неминуемо должна его удивить и разсмѣшить. Еслибы добраго, смирнаго Нѣмца со всею его неповоропливостію и флегмою, вдругъ перенесъ въ Сицилію, то онъ не примѣчая той поспешенной распоропности, копорая идя отъ сѣвера къ югу, очень замѣтна въ народахъ, подумалъ бы сначала, что онъ находишся между шутами, вѣчной воспоргъ коихъ, вѣроятно, въ короткое время заспавиль бы его двигашся скорѣе и наконецъ онъ спалъ бы съ ними плясая, дикимъ голосомъ пѣя и смѣяшся отъ добраго сердца. Самая низкая чернь въ паншоминѣ гораздо искуснѣе даже Неаполипанцевъ. Сицилійцы, не говоря ни слова, движеніемъ глазъ, рукъ, ногъ и всего тѣла, объясняющъ мысли свои столь ясно и сильно, что даже иностранецъ, не знающій ихъ языка, легко поймешъ, о чемъ идетъ рѣчь. Начало сего обыкновенія приписываютъ пиранамъ Сиракузскимъ, копорые боясь заговоровъ, запрещали на сходбищахъ говорить другъ съ другомъ. Сіе, какъ думаютъ здѣсь, подало поводъ сообщать мысли чрезъ нѣмые знаки и живыя чувства, пламенное воображеніе Сицилійцевъ искусство сіе довело до совершенства. Сіи безмолвныя изъясненія, влюбленные, находящіеся подъ строгимъ надзоромъ, употребляютъ съ удивительною ловкостію и объясняющся чрезъ оныя стольже удобно, какъ разговоромъ и письмомъ. На примѣръ: положивъ палецъ на верхнюю губу,

означающъ симъ, *мущина*; показавъ обѣими руками на длинное плащье означающъ, *женщина*; показавъ одною рукою на косу, *дѣвица*; сложеніе пяти пальцевъ и поцѣлованіе ихъ, значишъ *прекрасная*; поцѣлованіе ладони и дуновеніе съ оной, значишъ *цѣлую тебя*; положеніе руки на сердце и вздохъ, значишъ *люблю тебя*; согласіе объясняется шакже. Ежели кто упрешъ уста плашкомъ, эшо значишъ *отказъ*; опустишъ глаза внизъ, сіе означаетъ *сомнѣніе*; движеніе головою, послѣ сомнѣнія значишъ: *не вѣрю, что любишь меня*, а предъ онымъ означаетъ *не понимаю или вопросъ, что такое?* повтори еще. *Ревность* означается грызеніемъ ногшей; укушеніе пальца, значишъ *злобу* или *угрозу*. Къ таковымъ и другимъ симъ подобнымъ знакамъ прибавляющся цвѣты, изъ коихъ каждый имѣшъ свое значеніе и особаго рода шелеграфъ дѣлаемый посредствомъ пальцевъ; къ облегченію любовныхъ сношеній и къ сообщенію мыслей и желаній придуманы всѣ возможныя средства.

Женщины вообще прелестны. Въ Италіи, особенно Палермитанки и Капаньезки, считающся красавицами; ихъ называютъ: *Bel Vossone*! Въ лицѣ обоихъ половъ сохраняешся и донынѣ нѣчто Греческое. Сициліанки подлинно прекрасны; онѣ высокаго роста; спашны, имѣютъ полные живости пламенные черные глаза, и, что удивительно для столь жаркаго климата, очень бѣлы; сему конечно обязаны онѣ чистотѣ, свѣжести и тонкости воздуха. Къ тому (говоря о Палер-

мипанкахъ, которыхъ больше знаю) всѣ онѣ
 любезны, ловки; всегда веселы и милы въ
 полномъ смыслѣ сего слова. Не смотря на то,
 что дѣвицы 11 и 12 лѣтъ ошдають за мужъ;
 не смотря на то, что слишкомъ рано начи-
 нають здѣсь чувствовашъ нужду любви, не
 смотря даже на распоченіе, женщины и въ 30
 лѣтъ, стольже свѣжи и прелесны какъ и въ
 осьмнадцать. Напрошивъ того дѣвицы около
 сихъ лѣтъ очень блѣдны и томны. Красота,
 сей даръ неба, конечно сохраняется благорас-
 твореннымъ воздухомъ; въ Сициліи же, какъ
 мнѣ кажется, наиболѣе къ тому способствуешъ
 нѣга, образъ праздной и беззаботной жизни,
 спрасъ къ удовольствіямъ и всякія удобно-
 сти къ удовлетворенію склонностей сердца.
 Женщины почти вступили здѣсь въ права
 мужчинъ, въ любви господствуютъ здѣсь свое-
 нравіе, прихоти, иногда мода, рѣдко тщесла-
 віе, а еще рѣже корысполубіе; напрошивъ
 мужчины не стыдящся жишъ, на счетъ увяд-
 шихъ прелестей. Любовь большаго свѣта
 естъ пламенникъ непродолжительно горящій,
 рѣдко освѣщаешъ онъ нѣсколько мѣсяцовъ,
 еще рѣже годъ или два; чаще же всего пога-
 саетъ въ одинъ день, или въ двѣ, при недѣ.
 Быть невѣрнымъ почиаетъ здѣсь бѣльшимъ
 пресупленіемъ, нежели быть невѣрною. Му-
 щинѣ непозволительно здѣсь отказать отъ
 любви прежде, нежели его уволитъ отъ оной;
 однакожъ на сіе непостоянство не многіе
 жалуются; ибо переменчивый вкусъ обоимъ

поламъ равно нравишся. Модныя дамы свободно говорятъ о своихъ любезныхъ; мужья благосклонно принимающъ друзей жены; мать добродушно признается, что дочь ея влюблена и выговариваетъ сіе не краснѣя, шочно такъ какъ бы у насъ она сказала: у нее болятъ голова.

Супружескія обязанности не имѣютъ никакой цѣны. Счастливыя супружескія случающія болѣе въ нижнемъ классѣ; рѣдко, и какъ бы не значай, въ знатномъ; наложничество же въ среднемъ классѣ почти общее. Опцы, матери, мужья и братья не дорожатъ честію дочерей, женъ и сестеръ; многіе даже явно ими торгуютъ. Родители, выдавая замужъ дочерей малолѣтнихъ, не допускаютъ дѣлать выбора по сердцу. При подписаніи свадебныхъ контрактовъ выговаривается, что она можешь въ послѣдствіи избрать себѣ кавалеръ-Сервенше, или лучше съ ея согласія назначается въ сію должность одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ. Кавалеръ Сервенше есть законный посредникъ между мужемъ и женою, попечитель и ходатай по всѣмъ ея дѣламъ; приданое жены мужъ долженъ обезпечить залогомъ своего имѣнія. По симъ связямъ, Кавалеръ-Сервенше, получая нѣкошорую власть надъ мужемъ, конечно удобнѣе другихъ соискателей, можетъ пріобрѣсти благосклонность его супруги. Но склонности сердца не подлежатъ законамъ и Кавалеръ-Сервенше ничего болѣе не значить, какъ родственникъ или

другъ участвующій въ домашнихъ дѣлахъ. О Чичисбеяхъ у насъ шолкуютъ превратно. Чичисбей, по Руски сказать, есть обожащель, котораго однакожь не всегда обожаютъ. Подъ общимъ именемъ Чичисбеевъ разумѣются здѣсь пять, шесть и болѣе особъ, которыя составляютъ кругъ знакомства дамъ большаго свѣта; каждый изъ нихъ имѣетъ свою должнсть или ролю; напримѣръ знатный старикъ для поддержанія связей, богачъ для займу, Кавалеръ-Сервенше для услугъ, ученый, поэтъ или любитель музыки для препровожденія времени; если въ числѣ сего домашняго шпана, находится миловидный молодой человѣкъ или два, при, по настоящаго Чичисбея въ милости находящагося легко оплечить можно; онъ обыкновенно сидитъ раскинувшись на софѣ, плюетъ на шелковый коверъ или насвистываетъ двусмысленную арію. Наконецъ одинъ изъ Чичисбеевъ называется il Patito, (спрадалецъ). Участь сего Селадона подлинно жалости достойна: вздыхая, старая страстию по пустому, онъ долженъ съ терпѣніемъ сносить насмѣшки другихъ угодниковъ. Сіе множество соперниковъ, большею частію довольствующаясь однимъ ласковымъ взглядомъ, живутъ мирно и не смѣютъ ссориться. Ловкость есть свойство общее здѣшнимъ женщинамъ. Если онѣ такимъ образомъ на свободѣ и отъ скуки забавляются, то и самая виновная жена не прибѣгаетъ къ обману и лжи; ибо невѣрность не почищается здѣсь смерш-

нымъ грѣхомъ, и развращенность сія никакимъ дальнѣйшимъ присупленіемъ не обезображивается. Но, спросяшъ, чтожь такое Кавалеръ-Сервенше? Какія его права и до какой степени оныя проспирающся? Комедія: *жена двухъ мужей*, служишъ сему лучшимъ отвѣтомъ. Здѣсь сполько женъ, имѣющихъ двухъ мужей, сколько естъ женщинъ. Для дамы спольже неприлично показаться въ обществѣ безъ Кавалеръ-Сервенше, сколько придти въ собраніе съ мужемъ. Кавалеръ-Сервенше обязанъ сопровождать даму всюду, долженъ увеселяшъ или наскучивашъ ей вездѣ, имѣшъ во всякой часъ свободный къ ней входъ, и мужья нимало о семъ не беспокояшся. Сіи полусупружескія связи бываюшъ по любви, но чаще по расчетамъ. Модный мужъ имѣетъ свое общество, и между шѣмъ, какъ жена окружена молодыми людьми, онъ ищетъ заняшій внѣ дома, ищетъ случая воспользовашся чужою собственностію; почему и справедливо, если жена плашишъ ему поюже монешою. Словомъ супруги съ общаго согласія живушъ независимо другъ отъ друга; каждый слѣдуетъ своимъ склонностямъ, и вотъ одна причина, по которой пишина семейственной и общественной жизни нимало у нихъ не нарушается.

Такой обычай имѣетъ однакожь великія неудобства. Опецъ не можетъ назвашъ дѣшей жены своими, и сія неизвѣстность часно не подлежишъ и малѣйшему сомнѣнію; холодность

къ дѣшамъ есть слѣдствіе онаго. Въ такихъ супружескихъ союзахъ, кои дѣлають для приличія, и продолжаются по нуждѣ, въ коихъ нѣжная любовь не имѣетъ никакого участія, въ такихъ, говорю, союзахъ нѣтъ никакого удовольствія супружества; ибо они не связующіяся дѣшми, копорыхъ только одна жена, а не мужъ можешь называть своими. Трудно найти союзъ, не имѣющій ни сладостей любви, ни утѣшенія брака. Испаліянцы нашли его, они называютъ сіе *Чигизбеизмолб*.

Впрочемъ нѣкоторыя модныя дамы окружають себя Чичизбеями только потому, что такъ водятся; другія же и конечно многія изъ одного кокетства, только для того, чтобы нравишься, кружишь головы и дурачишь спаричковъ, копорыхъ иногда на порожнее мѣсто избирають они своими Кавалеръ-Сервеншами, дабы они берегли ихъ отъ наглецовъ, и къ сему обыкновенно избираются такіе почтишельные люди, копорые уже давно перестали бытъ дерзкими. За всѣмъ тѣмъ и при такомъ упадкѣ нравственности истинная любовь и здѣсь случается; вопреки общаго разврата пламенный непорочной спраси также воспламеняетъ сердце и счастье супруговъ также бываетъ здѣсь продолжительно, какъ и вездѣ.

Знашныя дѣвицы воспитываются, подъ надзоромъ матерей, наставницами; только доспашочные опцы, слѣдуя общему въ Испаліи

обыкновенію, отдають дочерей до возраста въ Монастырь, Сицилійскія Баронесы (*), имѣя хорошее воспитаніе, очень любезны въ обществѣ; онѣ привыкають къ людскости съ малолѣтства, имѣють полную свободу въ обращеніи и преступленіи, столь частыя въ Монастыряхъ, въ большемъ свѣтѣ не слышны или очень рѣдки. Родители не боятся здѣсь, чтобы дочь ушла; ибо несчастіе сіе случается только съ тѣми, копорые не позволяютъ дочерямъ своимъ и словечко молвить, не смѣють выпустить ихъ изъ виду; въ общество привозятъ только на показъ. Такіе родители конечно не думаютъ о томъ, что ничто столько не возбуждаетъ молодыхъ особъ къ пороку, какъ запрещеніе невинныхъ забавъ. Потому-то Монастырки въ спрѣгомъ заключеніи своемъ, ни о чемъ болѣе не помышляя какъ бы только скорѣе вырваться на волю, предаваясь мечтательности, какъ дѣши наряжающія куклу, въ воображеніи своемъ сошворяють себѣ близкаго къ оной суженаго и вышедъ въ свѣтъ влюбляюся въ первую живую куклу, копорая имъ вѣрѣшилася.

Поэзія въ шакомъ здѣсь уваженіи, что хотя невѣсны и увѣрены, что объявленіе любви прозою бываетъ искреннѣе, нежели спи-

(*) Здѣсь Дворянство вообще присвоетъ себѣ названіе Баронства.

хами; однакожь женихъ, дѣлающій предложеніе стихами, получаетъ преимущество предъ тѣмъ, который объяснился бы прозою. Поэзія Сицилійская, подобно пламенному ихъ небу, дышетъ нѣжностію, сладоспращіемъ, украшаеися прелестными вымыслами, обнаруживающими духъ народа, спраспнаго къ изящному, и Сицилійцы въ изліаніяхъ лести, столько нравящейся прекрасному полу, по справедливости должны почестся природными и удивительными стихотворцами.

При бракахъ дворянства нѣтъ никакихъ суевѣрныхъ обрядовъ; но пышность и распochenіе на свадебныхъ пирахъ, по законамъ моды есть болѣе, нежели суевѣріе. Между проспымъ народомъ наблюдается слѣдующее: по совершеніи бракосочетанія дружка подноситъ жениху и невѣстѣ большую ложку меду, приговаривая: „живише въ согласіи и любви, будьте шакъ счастливы, какъ сладокъ сей медъ.“ Очень бы не дурно, если бы къ меду примѣшивали чего нибудь горькаго, дабы чрезъ сіе вразумишь молодыхъ, что въ рѣдкомъ супружествѣ не встрѣчающся непріятности, что путь жизни усѣянъ терніемъ и что нѣтъ розы безъ шиповъ. По выходѣ изъ церкви, новосочетавшихся сажаютъ на обвѣшанныхъ цвѣтами и леншами ословъ; сельская музыка, состоящая изъ волынокъ, кларнетовъ и флажолетъ, или гитары, начинаетъ играть ве-

сѣлыя пѣсни; свашъ и дружка, въ предвѣщаніе, что супруги будутъ имѣть многихъ дѣшей, безпрестанно до самаго дому жениха бросаютъ на молодыхъ горстями пшеницу. Сіе предвѣщаніе самымъ дѣломъ исполняется; ибо Сицилійскія женщины очень плодородны; многія имѣютъ по 20 дѣшей, а другія, какъ увѣряютъ Фацелло и Каррера, раждаютъ до 40. Обычай посыпать новобрачныхъ пшеницею сохранился отъ языческихъ временъ; ибо поже самое употреблялось при служеніи Цереры, которая почиталась первымъ божествомъ острова Сициліи. Наконецъ въ ознаменованіе щерпѣнія и умѣренности, молодя за споломъ не должны ѣсть, послѣ же обѣда, дабы напомнить мужу, что онъ въ новой жизни пріемлетъ на себя трудныя обязанности и заботы, отецъ молодой подаетъ ему кость съ сими словами: „обгложи ее, и вѣдай, что та кость, которую глодашь тебѣ предспоитъ, гораздо шверже и труднѣе къ сваренію.“ Женишься въ Маіѣ мѣсяцѣ, почитаемомъ насчастливымъ, крайне спараюшся избѣгать. Суевѣріе сіе перешло отъ Римлянъ ко многимъ Европейскимъ народамъ, и хотя не вѣрятъ сему точно, такъ какъ первому числу Апрѣля, однакожь оно и донынѣ въ употребленіи.

Сицилійцы въ пищѣ умѣренны и воздержны; мяса употребляютъ очень мало; зелень, плоды, рыба и разнаго рода сладкія кушанья составляютъ самый роскошный ихъ споль.

Большое употребленіе мороженаго и лимонада, въ столь жаркомъ климатѣ, служащъ къ прохладенію, и, какъ Врачи увѣряютъ, къ укрѣпленію желудка; но излишество разныхъ прохладительныхъ, приправленныхъ пряными зеліями, производящъ болѣзнь, называемую здѣсь *Umori Salsi*, отъ скопленія кислоты происходящую. Продажа льду и снѣга доставляетъ великую выгоду; ибо сохраненіе онаго стоить большихъ трудовъ. Въ зимнее время, когда на горахъ выпадаетъ снѣгъ, лежащій только нѣсколько часовъ, крестьяне какъ нѣкую драгоценную манну смешаютъ и набиваютъ онымъ пещеры, на вершинахъ горъ находящіяся, и помощію воды и соли потчасъ претворяютъ снѣгъ въ ледяную массу, кошорой будучи тщательнѣе закрытъ отъ солнца, сохраняется довольно долгое время, но какъ не каждый годъ выпадаетъ на горахъ снѣгъ, то и неудивительно, что ледъ бываетъ иногда столь же дорогъ, какъ сахаръ. Пьянство почитается величайшимъ порокомъ, и хотя съ перваго взгляда на народъ, судя по ихъ воспоргу и веселости, покажется оный иностранцу причастнымъ сему пороку; но мнѣ никогда не случалось видѣть, даже изъ черни, пьянаго валяющагося на улицѣ.

Дворянство одѣвается по Англински; дамы слѣдуютъ Парижскимъ модамъ. Палермская чернь и вообще во всѣхъ приморскихъ городахъ носятъ мапрозное платье и кра-

снѡй шерстяной колпакъ; крестьяне же и въ самые жары не скидають своихъ толстыхъ бурокъ съ Капуцинскимъ капишономъ, кошорый очень удобенъ въ дождливую погоду; въ холодное время надѣвають по двѣ и по три бурки. Таковая одежда предохраняетъ ихъ отъ опасныхъ въ семъ климатѣ простудъ; ибо въ горахъ, во время сильнаго зноя, расширяющагося до 70, при Сироко до 80 и болѣе градусовъ, теплый вѣтръ вдругъ перемѣняется на холодный. Въ женскомъ нарядѣ сохранилось нѣчто Греческое. Поселянки весьма ловко носятъ покрывала, и спанъ перевязываютъ кушакомъ,

Сицилійцы, какъ въ чертахъ лица, такъ и характеръ сохраняють какую-то суровость; судя по наружности и дѣламъ, это еще тотъ самый народъ, кошорый обагрилъ руки на Сицилійской вечери. Въ 1800 году, когда Францускія войска возвращались по договору изъ Египта, одно транспортное судно остановилось въ Агоспѣ; 93 Францускихъ солдатъ, не умѣвшихъ снести грубыхъ насмѣшекъ, были побиты камнями и кинжалами. Въ Палермѣ, съ Турками случилось подобное же несчастіе, и еслибы не было тамъ Адмирала Ушаова, командовавшаго тогда соединеннымъ Россійскимъ и Турецкимъ флотомъ, то приведенные въ бѣшенство Турецкіе мажоры, изъ коихъ у одного воръ среди дня и въ лавкѣ вырвалъ изъ рукъ кошелекъ съ деньга-

ми, могли бы произвести ужасное кровопролитіе. Народъ хопя и зависить отъ Дворянства и Духовенства, однакожь страхъ кинжаловъ воздерживаетъ несправедливостъ и приѣсненія и дѣлаетъ господъ ихъ крошкими и снисходительными. Поселяне не столько лѣнны, каковыми почишають ихъ нѣкоторые путешественники. Порокъ сей принадлежитъ черни, скишающейся въ большихъ городахъ, убійство и воровство которой происходятъ не отъ избѣжанія горести или нужды; но отъ привычки къ разсѣянной и развратной жизни. Многіе преступники признавались, что они совершили убійства единственно для того, чтобы, на одинъ вечеръ доставить себѣ удовольствіе. Сіи пакъ называемые Лазарони бродятъ по улицамъ, просятъ милоспину, и если иногда въ нуждѣ выработываютъ что нибудь на приспани, то всѣ деньги несуть въ шинокъ, нанимають подругу, которыхъ весьма много, пьютъ съ нею, поютъ и пляшутъ, и какъ говорятъ они „наслаждаются жизнью.“ Печальная мысль, что болѣзнь и старость лишитъ пропитанія, никогда не беспокоитъ его воображенія; ибо состояніе нищаго спарца, по похвальной набожности богашыхъ, есть самое беззаботное въ разсужденіи пищи и пріюшу. Правительсво, не имѣя способовъ занять работою такое множество пунедцевъ, не въ силахъ ошвратить многія убійства, ими совершаемыя;

однакожь со времени пребыванія Короля въ Палермѣ оныя случающіяся не такъ часто какъ прежде. Ночью по всѣмъ улицамъ и переулкамъ стоятъ драгуны на лошадяхъ и съ заряженными ружьями; въ 10 часовъ запираютъ шинки, чернь прогоняютъ въ подвалы и никому безъ фонаря не позволяютъ ходитъ по улицамъ. При правленіи Вицеровевъ нанять убійцу стоило не болѣе 100 и 150 рублей, теперь же по спорогости полиціи и за тысячу такое злодѣйство рѣдко купишь можно.

Сицилійцы не смотря на то, что сколько преданы удовольствіямъ и праздности, не утратили еще, подобно Италіянцамъ, военного духа, Они, любя забавы, не потеряли изъ виду опеческа, и хотя военное званіе не въ такомъ уваженіи, какъ бы надлежало ему быть; однакожь на храбрость солдашъ и усердіе народа, Король можешь надѣяться, и въ случаѣ нужды можешь оными воспользоваться.

Церковные обряды на Страстной и въ недѣлю Пасхи.

Народъ набоженъ и церкви всегда полны; но какъ служба отправляется на Лапинскомъ языкѣ, то исповѣдываются и пріобщаются, не пропускаютъ обѣдни или вечерни, особливо когда бывають освѣщенія и концерты, значить имѣть вѣру и быть усерднымъ Католикомъ. Какъ наибольшая часть народа не читаетъ почти ни какихъ книгъ Священнаго

писанія, що духовенство почишаєть нужнымъ занимать его наружными обрядами, какъ походами, фейерверками и музыкою. Каждый городокъ имѣетъ особенную какую либо церемонію своего изобрѣшенія и не входящую въ постановленныя общія всѣмъ церковныя торжества. Если такая вѣра не просвѣщаетъ народъ, то въ семъ наружномъ Богопоклоненіи онъ находить все нужное, дабы безъ ложныхъ умспівованій, въ простотѣ сердца быть Христіаниномъ.

Въ Палермѣ, кромѣ 46 мужескихъ и 25 женскихъ монастырей, счисляется 121 церковь; онѣ принадлежатъ разнымъ орденамъ монашества. Въ преспольные праздники всякой почти день бываєтъ въ городѣ пальба и церемоніальный ходъ, при чемъ монахи того прихода убранствомъ церкви или музыкою, изъ лучшихъ виртуозовъ, первыхъ пѣвицъ и пѣвцовъ составленною, стараются привлечь болѣе народа, и дабы превзойти или сравняться съ богатыѣйшими монастырями, распочають на сіи праздники великія суммы. Я не стану говорить о многихъ торжествахъ, какъ то о праздникѣ шѣла Божія (Corpus Domini), Рождества Христова, умовенія ногъ, общихъ всѣмъ Кафоликамъ, не упомяну о славномъ торжествѣ святой Розаліи, а замѣчу только объ обрядахъ, на Спраспной и въ недѣлю Пасхи совершаемыхъ, какъ такихъ, которые не были еще описаны ни однимъ путешественникомъ.

Въ первую недѣлю поста, чрезъ повѣстки объявляется, во первыхъ о нужномъ покаянїи, запрещенїи или позволенїи употреблять въ пищу мясо или молочное; потомъ извѣщающъ о прибытіи въ городъ какого либо славнаго и извѣстнаго проповѣдника, который въ такой-то церкви на примѣръ и въ такой день будешь говоришь на такой-то текстъ. Проповѣди начинающся со второй недѣли и бываютъ каждый день по очереди во всѣхъ церквахъ. Какъ оныя говорятся на Италіянскомъ языкѣ, то посему спеченіе народа бываетъ великое. Одинъ прибывшій изъ Мессины проповѣдникъ, не помню его имени, имѣешь истинный даръ слова; онъ говорилъ всегда ошъ глубины души такъ убѣдительно, такъ при томъ краснорѣчиво, что слушаши не одинъ разъ приведены были въ умиленіе и плакали. Въ первой рѣчи о покаянїи, онъ съ такимъ чувствомъ бросился на колѣни предъ распятіемъ, съ такимъ жаромъ прижалъ оное къ груди, заплакалъ, зарыдалъ, что я, не привыкнувъ еще къ столь смѣлымъ движеніямъ, не употребляемымъ на нашихъ кафедрахъ, невольно со всѣми прочими со скамьи опустился на колѣни. Упомянувъ о смѣлыхъ движеніяхъ, прибавлю, что если бы оныя употреблялись токмо въ испушенїи вѣспорга, то были бы приличны; но какъ Италіянскіе проповѣдники почишають нужнымъ помогашь себѣ во всѣхъ случаяхъ

паншомимою, по по святоспи мѣста, оная кажепіся не вездѣ кспаши. Къ чему на примѣръ служишѣ, когда проповѣдникъ, обраща-ясь къ алшарю или Распяшю, представляетъ будпо онъ ходишѣ по каедрѣ, длиною не болѣе 5 или 6 шаговъ; если говоришѣ онъ къ слушаптелямъ, по иногда совсѣмъ перевѣши-вается чрезъ перила или угрожая грѣшникамъ машешѣ на нихъ плашкомъ; если же рѣчь об-ращаешѣ онъ къ одному лицу, по положивъ предъ собою на поручень свою шапочку, дѣ-лаешѣ видъ будпо сажися, облакачивается и разговаривая перемѣняешѣ голосъ.... Сло-вомъ, если проповѣдникъ не искусенъ, по сія паншомима не шолько не прилична; но даже непозволишельна.

Въ чиспой четвертокъ съ ушра началось въ городѣ великое движеніе. У нѣкоторыхъ церквей и по большему проспекту поставле-ны были восковыя спашуи въ группахъ, изо-бражающія спраспи Христовы; шущъ Иску-питель молишся въ вершенѣ, тамъ Іуда про-даешѣ его воинамъ, шущъ приводишся онъ на судъ къ Пилату, и шакъ далѣе.... Апосто-лы, Архіереи, книжники, Римскіе воины и народъ облечены въ великолѣпныя и настоя-щія того времени одежды; спашуи оплич-нымъ образомъ опрабошаны и всѣ кажушся живыми. Когда Архіепископъ, чишая Еванге-ліе, произнесъ: „земля пошрясеша и завѣса цер-ковная раздрася,“ въ Соборѣ ударомъ колоко-

ла возвѣспили о началѣ Церковнаго траура. Съ сего времени до воскресенія Христа, не позволяется выѣзжать въ экипажахъ, звонъ умолкаетъ, всѣ дамы и кавалеры являющіяся въ глубокомъ траурѣ, изъ оконъ вывѣшивающіяся черные ковры. Король съ непокровенною главою и вся Королевская фамилія, въ сопровожденіи придворнаго штаба, въ траурныхъ робахъ, пѣшкомъ посѣтили Соборъ и другія церкви; вечерню слушали въ женскомъ монастырѣ св. Цециліи. Хоръ молодыхъ воспитанницъ, скрытыхъ опъ любопытнаго взора за непроницаемымъ занавѣсомъ, пѣвшихъ на хорахъ, восхищали всѣхъ слушателей. Въ 9-ть часовъ, когда я вышелъ изъ церкви, въ самой срединѣ города находящейся, былъ я ошановленъ и изумленъ блескомъ освѣщенія двухъ главныхъ улицъ. Между пропугаровъ поставлены были аркады, а между оными въ равныхъ разстояніяхъ пирамиды и столбы, первыя увѣшаны были разноцвѣтными фонарями, послѣднія усавлены плошками, вдали чешверо Палермскихъ воротъ горѣли сплошнымъ огнемъ. До двухъ часовъ ночи на улицахъ была такая тѣсноста, что вездѣ надобно было съ трудомъ продирагься, дворянство сопровождаемо было множествомъ слугъ, несущихъ предъ ними пылающіе факелы, служеніе продолжалось до свѣта, и всѣ церкви, не смотря на то, что безпрестанно переходили изъ одной въ другую, были полны народа.

Часть IV.

7

Въ пятницу, въ чешыре часа послѣ обѣда, началась великая процессія погребенія Христа. Обрядъ сей вкупѣ благочесливъ и великолѣпенъ. Я былъ изумленъ освѣщеніемъ Собора, восхищенъ пѣніемъ и музыкою, и до глубины души пронутъ погребеніемъ. Отъ дворца до Собора, войска поставлены были въ двѣ линіи; знамена, пушки и барабаны увиты были чернымъ одѣяніемъ; дорога, гдѣ долженъ былъ итти Король и его фамилія, устлана была краснымъ сукномъ. Не смолча на то, что я пришелъ въ Соборъ еще за два часа до службы, едва могъ проползашься до хорошаго мѣста. Церковь была убрана и освѣщена такъ, что, признаюсь, я никогда не видалъ ничего сему подобнаго. Обращая вокругъ себя изумленный взоръ, казалось мнѣ, что я находился въ чертогѣ небесномъ, гдѣ солнце и всѣ планеты, въ обширныхъ сводахъ церкви помѣщенные, освѣщали оную. Церковные огромные своды увѣшаны были зеркалами, окна закрыты прозрачными карпинами, изображающими спаданія Христовы; стѣны обиты чернымъ сукномъ, устланнымъ звѣздочками, изъ золотой и серебрянной бумажки съ фольгою; колонны увиты бѣлою и черною пафшою. Посреди церкви противу главнаго алтаря на общемъ бархатомъ подъ балдахиномъ кашафалкѣ, усыпанномъ перлами и драгоценными каменьями, несомомъ Херувимами и Ангелами, спояла изъ

камня изсѣченная гробница и въ ней лежалъ Спаситель въ шерновомъ вѣнцѣ. Богородица у подножія гробницы въ глубокой горести на спупеняхъ кашафалки пала ницъ, Іосифъ пославленъ у головы, два Апостола спояшъ съ боковъ шакже въ печальномъ положеніи. При шакомъ убранствѣ надобно представить себѣ по крайней мѣрѣ 10,000 восковыхъ свѣчъ, горящихъ подъ сводами въ хрустальныхъ люстрахъ, предъ шринадцашью алтарями и во-кругъ кашафалки въ большихъ канделабрахъ; свѣшъ сей отражаясь отъ зеркальныхъ сводовъ разливалъ шаккой ослѣпительной блескъ, что церковь казалась бышъ объята пламенемъ. Громъ барабановъ возвѣспилъ шествіе Короля, Архіепископъ вспрѣшилъ Его Величество въ поршикѣ и служба началась. Я былъ внѣ себя отъ музыки, но когда пѣли стихъ „благообразный Іосифъ,“ то я до шого былъ распроганъ, что едва могъ удерживашъ слезы. По окончаніи службы гробъ вынесли изъ церкви и поставили на погребальную колесницу. Король, Архіепископъ и два Принца крови, подняли съ престола драгоцѣнную плащаницу, унизанную бриліаншами и жемчугомъ, и покрыли оною гробъ Спасителя. Шествіе началось слѣдующимъ порядкомъ; впереди шли со знаменами цѣхи ремесленниковъ, за ними дворянство, градоначальники; потомъ духовенство, за коимъ эскадронъ Римскихъ всадниковъ; Евреи и Римскіе воины окружали огромную коле-

сницу, везомую двѣнадцатью лошадьми, за гробницею непосредственно шелъ Король съ своею фамиліею, за нимъ опрядъ гвардіи; и наконецъ народъ. Представше себѣ нѣсколько тысячъ факеловъ, представше себѣ мелодическіе звуки тысячи инструментовъ и голосовъ, представше болѣе 100,000 народа, толпящагося по улицѣ, стоящаго у оконъ и на крышахъ домовъ, и можеше вообразить благоговѣйное впечатлѣніе, какое въ душѣ Христіанина должно произвестъ сіе священное шествіе, столь близко напоминающее о смерти Спасителя нашего. По чрезвычайной тѣснотѣ я не могъ итти за колесницею, которая объѣхавъ главныя улицы возвратилась въ Соборъ и церемонія кончилась. Служба, какъ и въ чешвершокъ, продолжалась во всю ночь; народъ переходя изъ церкви въ церковь прикладывался къ плащаницѣ, и самые бѣдные клали на оную что нибудь въ пользу нищихъ, даже и сіи удѣляли ошъ милоспыни своей; духовенство, къ чести ихъ сказать должно, не шокмо не пользуется симъ значительнымъ сборомъ, но прибавляешъ еще свои деньги, дабы въ день Пасхи, надѣлишъ оными всѣхъ нищихъ своего прихода.

Въ субботу въ три часа послѣ обѣда, пушечные грома съ кораблей и крѣпостей, ужасная спукотня Марсова огня у каждой церкви, возвѣспили о воскресеніи Христовомъ. Въ Италіи для пальбы употребляюща чугун-

ныя мортирки, называемыя *Масколи*; ихъ заряжающъ малымъ количествомъ пороха, забивающъ дуло мягкаго дерева клиномъ и кладущъ въ одинъ или нѣсколько рядовъ, такъ что между каждыми девятью малыми помѣщается большая мортирка, отъ чего мушкетный огонь малыхъ и пушечная пальба большихъ, происходитъ совершенно правильно. Для произведенія Марсова огня, кладущъ Масколи въ улишочную черпу или въ четвероугольники сходящіяся въ одинъ центръ; помощію разстояній соблюдается мѣра времени, звукъ грома увеличивается какъ величиною мортирокъ, такъ и поспешеннымъ отъ краевъ къ центру прибавленіемъ числа оныхъ. Проводникъ напишанный мякотью кладется на заправки, и зажигается съ конца; огонь бѣжитъ по ниткѣ, отъ чего не можешь случиться, чтобы какая Масколи не выспрыгивала. За недостаткомъ чугуновыхъ употребляются глиняныя мортирки. По причинѣ дурной погоды, а болѣе боясь въ пыльномъ повредить раненую руку, я не видалъ церемоніи, въ день Пасхи совершаемой. Освѣщенія, продолжавшіяся во всю Святую недѣлю, были съ оптимънымъ вкусомъ. На Толедо и Кассаро, во всѣхъ домахъ и въ каждомъ окнѣ поставлены были транспарансы, которые будучи освѣщены сзади поставленными лампадами, представляли по обѣимъ сторонамъ улицы картины, столь хорошія, что думаешь, будтобы находишься въ эрмитажѣ.

Въ понедѣльникъ на Святой, переходя изъ церкви въ церковь, разсмащивалъ я убранства оныхъ и не могъ одну другой предпочесть; однакожь соборная понравилась мнѣ болѣе прочихъ. Колонны въ оной увишы были гирляндами искусственныхъ цвѣтовъ, алтари и образа душистыми цвѣтами, стѣны обложены зеленью перемѣшанною блестящею фольгою и разноцвѣтными бумажками. Въ продолженіи семи дней Пасхи, во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ собирается милоспыня для бѣдныхъ, обычай доспойный общаго подражанія. Предъ окончаніемъ литургіи и въ продолженіи концерша, при прекраснѣйшія дѣвицы, по собственному ли благочестію или по выбору, того не знаю, подходящъ къ алтарю; Священникъ подаетъ одной серебряное блюдо, покрываетъ ее покрываломъ и благословя налагаетъ на голову цвѣточной вѣнокъ; другія двѣ украшающія чрезъ плечо гирляндю изъ розъ; всѣ при вмѣстѣ ходящъ по церкви и кшо положишъ на блюдо монету, то двѣ крайнія, держащія концы покрывала, одна за другою, пошупивъ взоръ, кланяющіяся и идущъ далѣе. Слѣдуя здѣшнему обыкновенію, я приготоовилъ нѣсколько грошей; но признаюсь, по мѣрѣ, какъ дѣвицы ко мнѣ приближались, я прибавлялъ гривну къ гривнѣ, а когда онѣ ко мнѣ подошли, положилъ червонецъ, и шѣмъ заставилъ всѣхъ шрехъ взглянуть на себя. Между шѣмъ,

пока собирается милостыня, на дворѣ монастырскомъ или позади церкви нищіе приглашаются за общую прѣпезу, предъ окончаніемъ кошорой дѣвицы, какъ ангелы ушѣшишли выходяпъ къ нимъ и раздѣляютъ собранное каждому поровну. Другой способъ собиранія милостыни доставляетъ бѣднымъ значительнѣйшее пособіе. Знапнѣйшія дамы, пользующіяся наибольшимъ уваженіемъ, принимаютъ на себя обязанность приглашать къ сему благородному дѣлу всѣхъ желающихъ къ подпискѣ. Въ семь году, собирала милостыню Принцесса Паперно; я встрѣшилъ ее однажды ѣдущую по Толедо, въ опкрытомъ Лондо и въ шеспъ лошадей; она имѣла на себѣ черное покрывало, предъ нею поставлено было распятіе; народъ сопровождалъ ее благословеніями; она часпо оспанавливалась, входила въ дома и принимала даже опъ проходящихъ всякую бездѣлицу; и такимъ образомъ, какъ меня увѣряли, въ недѣлю собрала 100,000 рублей, которые въ Воскресенье розданы были ею неимущимъ часпію деньгами, другимъ ссудою, инымъ одеждою и хлѣбомъ; сверхъ того она угощала на дворѣ своего дома при пысячи нищихъ.

Въ Субботу на Спраспной, вмѣсто спашуй, изображающихъ спраспи Хрисповы, въ богашыхъ алковахъ поставлены были восковыя опличной работы изображенія Богородицы со вкусомъ и великолѣпно одѣшой. Предъ сими алковами опъ ушра до вечера,

въ продолженіе недѣли Пасхи, музыка, состоящая изъ Калабрійскихъ волынокъ, не умолкала, а въ перемѣну оной, нищіе пѣли гимны и просили милоспины. Театральные, полковые и церковные музыканты, также какъ у насъ въ новый годъ, ходящъ по домамъ поздравлящъ съ праздникомъ. Въ заключеніе замѣчу объ одномъ обрядѣ, доспойномъ особаго вниманія. Въ Субботу на свяшой недѣли, Король по предспавленію Уголовнаго суда, прощаешъ (изключая смершоубійцъ) нѣсколько преспуниковъ. Обрядъ сей, называющійся очищеніемъ преспуленія, совершаешся слѣдующимъ образомъ. На площади прошиву шюренаго замка, спавишся висѣлица, окруженная войсками. 12 избранныхъ преспуниковъ въ цѣпяхъ и за конвоемъ, выходящя изъ шюрьмы такимъ шочно порядкомъ, какъ бы они ведены были на казнъ. Чиновникъ Уголовнаго Суда чишаешъ имъ смершный приговоръ. Палачъ надѣваешъ на голову каждого холспинные колпаки, и одного за другимъ подводя къ висѣлицѣ надѣваешъ пеплю на шею; по данному знаку, шянушъ веревку, которая свимаешъ съ преспуника колпакъ, тушъ объявляюшъ ему, что Король берешъ на себя его грѣхъ и даруешъ ему прощеніе; войска дѣлаюшъ на караулъ, бьюшъ въ барабаны и вмѣспѣ съ народомъ кричащъ, да здравспивуешъ Король! Послѣ сей церемоніи преспуники идушъ въ церковь, приносяшъ по-

каяніе, молящя съ колѣнопреклоненіемъ, приобщающя Святыхъ Тайнъ и увѣщающя бытъ впредъ честными, полезными обществу гражданами, и дабы шѣмъ заслужишь Царскую милость. Въ церкви надѣваешъ на нихъ бѣлые саваны и съ музыкою водяшь по городу собираешь подаяніе.

Д в о р я н с т в о.

Графъ Рожеръ, въ 1130 году признанный Папою Королемъ Сициліи, раздѣлилъ оную на три часпи; первую ошдалъ Духовенству, вторую начальникамъ своего войска, шрешью ошпавиль себѣ и симъ положилъ основаніе Феодалной системы, кошорая давно уже не сущесшвуешъ въ Европѣ, но въ Сициліи сохранилась и до сего времени. Дворянство или, какъ здѣсь называющъ, Баронство, составляя военное сословіе, за право владѣнія обязано, по первому требованію Короля, выходить въ поле съ опредѣленнымъ числомъ своихъ вассаловъ, и за сію обязанность имѣешъ преимущества *Mero et Mixto Imperio*, то естъ власшь осуждашь на смерть своихъ подданныхъ, только съ шѣмъ ограниченіемъ, что прежде исполненія приговора, должно извѣстишь Короля. Владѣтельнаго Баронства, имѣющаго сіе право, счишаешся 378 особъ. Старшій сынъ

имѣшъ шишуль отца, младшіе называющіеся Донъ, дочери Донна, что соотвѣстствуетъ Нѣмецкому Фонъ или Англинскому Лордъ и Леди. Въ Сициліи очень много Дворянства, не имѣющаго сихъ преимуществъ, почему первенствующее очень дорожитъ своею родословною; шишла оныхъ суть слѣдующія: Князь (principe) Герцогъ, Графъ и Маркизь. Хотя первые два и почищаются старшими послѣднихъ; но какъ имѣющіе Княжескія и Герцогскія шишла, возведены въ сіе достоинство въ новѣйшія времена Филиппомъ II, и Карломъ V, Испанскими королями, а Графы происходятъ отъ древняго Норманскаго дворянства, Маркизы же жалованы еще въ 15 столѣтіи отъ Короля Алфонса; по посему важность Сицилійскаго шишула съ ихъ древностію, находится въ обратномъ содержаніи.

Сицилійское Дворянство, подобно Англинскимъ Лордамъ, любятъ странствовать по чужимъ землямъ. Тамъ занимая полезныя знанія и обычаи, дворяне возвращаются домой безъ предразсудковъ и столько же какъ Духовенство упражняются въ наукахъ, наиболѣе въ словесности. При такомъ воспитаніи, и образъ жизни они въ обращеніи не имѣютъ высокоумной Испанской гордости, напрошивъ они очень внимательны къ иностранцамъ и въ вѣжливости не уступаютъ Французамъ, въ гостепріимствѣ же равняются Рускимъ. Щедрость ихъ къ бѣднымъ всякой похвалы достойна,

роскошь въ убранствѣ домовъ, или лучше своихъ дворцовъ, въ собраніи спашуй, картинъ, библіотекъ, музеумовъ, особенно же страсъ имѣть лучшій экипажъ и ливрею, производящъ удивленіе въ каждомъ путешественникѣ и должно отдавать имъ справедливосъ, что во всѣхъ родахъ распоченія они показывающъ много знанія и болѣе вкуса, нежели сосѣды ихъ Неаполитанцы.

Духовенство.

Въ Сициліи считается три Архіепископа и восемь Епископовъ. Архіепископъ Палермскій, Примасъ Сициліи и глава духовенства въ Парламентѣ, имѣетъ 16,000 талеровъ (*) годового дохода; въ его Епархіи состоятъ Епископы: Жирженскій, Машцарскій и Малпійскій. Архіепископъ Мессинскій имѣетъ наибольшую Епархію и меньшій доходъ; Епископы: Цефалу, Липари и Пашпи принадлежатъ къ его Епархіи. Архіепископъ Монпъ-Реальскій при малой Епархіи естъ богатѣйшій Прелатъ Королевства. Годовой его доходъ простирается до 72,000 талеровъ. Епископы Кашанскій и Сиракузскій принадлежатъ къ его

(*) Талеръ цѣною въ одинъ рубль 20 копѣекъ серебромъ.

Епархіи. Губернаіюръ Моншь-Реальскій избирается опъ Архіепископа, ибо городъ есть его собспвенность.

Духовенство, получа опъ Короля Рожера прешью часть острова, обладаетъ великими капиталами, кои не приносятъ Государству никакой пользы. Въ числѣ 1,700,000 полного населенія Сициліи, 500,000 полагаются одного Священства; въ Палермѣ въ числѣ 180,000 жителей, считается 40,000 монаховъ; въ Мессинѣ въ числѣ 40,000 гражданъ почти половина монаховъ; пошому и не должно удивляться что въ городахъ улицы темнѣютъ опъ черныхъ ихъ одеждъ. Такое множество праздныхъ почти безъ всякаго занятія людей, изъясныхъ всякой повинности, живущихъ такъ сказать на счетъ народа, и ни чѣмъ не вспомошествоующихъ Правительству, кромѣ частныхъ и произвольныхъ нищимъ подаеній, опъ копорыхъ классъ сихъ шунеядцевъ ни мало не уменьшается, не только могутъ назваться бесполезными членами общества; но шакое великое число Монаховъ, есть причиною слабости правленія и многихъ безпорядковъ опъ оной происходящихъ. Свѣшская власшь духовенства, бывшая причиною многихъ золъ, нынѣ очень ослаблена и хошя оно въ помѣстяхъ своихъ, подобно дворянству, можетъ рѣшить частныя ссоры, но приговоры его не имѣютъ силы.

Н а р о д ъ.

По малому населенію Сициліи и по рѣдкому плодоносію ея, можно судить о крайнемъ ушѣсненіи народа, который не столько лѣнивъ какъ вообще о томъ думаютъ. Народъ платитъ Дворянству извѣстную подать; жилищные крестьяне берутъ помѣстья ихъ на откупъ; земля, на которой другіе крестьяне поселены, есть ихъ собственность; контракты на откупъ заключаючися не менѣе какъ на 20 лѣтній срокъ. Если при семъ положеніи не затрудняемы были бы средства къ возможности пріобрѣтати и умножать снѣжаніе, то Сицилійцы моглибы почестъ себя счастливыми; но Дворянство, чрезъ происки съ давняго времени присвоивъ хлѣбную торговлю и сдѣлавшись Монополистами, разорили земледѣльцевъ; и хотя со времени пребыванія Короля въ Палермѣ употребляючися всѣ средства къ истребленію сего закоренѣвшаго зла, но съ одной стороны продолжающаяся война на твердой землѣ, препятствуешъ благому намѣренію Короля, а съ другой, народъ обнищавши не можетъ такъ скоро поправиться. При всѣхъ употребляемыхъ поощреніяхъ, земледѣлецъ испытавъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, запрещеніе и позволеніе вывозить хлѣбъ не подлежатъ постоянному закону, и нынѣ по мѣрѣ ходайства Англическаго министера у Двора, иногда

мгновенно перемѣняюща, що неизвѣспность принесетъ ли урожай какой прибытокъ, побуждаешъ поселянина не слишкомъ спарашься о улучшеніи земледѣлія. Лѣность и небреженіе его суть необходимыя слѣдствія слабости. Правленія и злоупотребленій власши высшихъ чиновниковъ.

Народъ, живущій на землѣ плодоносной, влачащій жизнь въ крайней бѣдности, ищетъ другихъ средствъ къ пропитанію своему. Праздность, какъ мать пороковъ, пораждаешъ злодѣянія. Правительство, не искореняя ихъ въ самомъ источникѣ, по медленности судопроизводства, въ нѣкоторомъ отношеніи поощряешъ пресупленія и многочисленныя шайки разбойниковъ, на свободѣ грабящъ внутреннія провинціи Сициліи. Въ уѣздныхъ городахъ, принадлежащихъ Дворянству и духовенству, нѣтъ никакой земской полиціи; ибо сіи власшители почишають себя въ замкахъ своихъ безопасными. Кромѣ приморскихъ городовъ, во всѣхъ другихъ нѣтъ ни одной роты солдатъ, малые опряды полицейскихъ сыщиковъ, находящихся въ городахъ, Королю принадлежащихъ, будучи не въ силахъ воспрепятствовать разбоямъ, чрезъ послабленіе только обогащающа; потому-то здѣсь быть разбойникомъ и збиромъ почишаешъ выгоднымъ ремесломъ. Путешественникъ не иначе можетъ сохранить жизнь и имущество свое, какъ нанявъ для сопровожденія се-

бя сильный опрядъ молодыхъ людей, копорыхъ во всякомъ селеніи находится достаточное число и на честность и храбрость копорыхъ совершенно положишься можно. Многие изъ природныхъ жителей, плащая разбойничему ашаману за пропускъ и получающъ отъ него билетъ, для безопаснаго проѣзда чрезъ извѣстное разшояніе. Еслибы что у нихъ было ошнато, то по предъявленіи билета, все безъ малѣйшей упроты и замедленія будешъ возвращено или уплачено деньгами.

П р а в л е н і е ().*

Король Рожеръ, по изгнаніи Сарациновъ изъ Сицилій, верховную власть поручилъ Парламенту, состоящему изъ слѣдующихъ шрехъ Государственныхъ сословій: 1-е, *Помѣстнаго Дворянства*, предводитель котораго Князь Бушери есть наследственный Президентъ и непремѣнный Генераль-Капитанъ военной силы; 2-е *Духовенства*, состоящаго изъ шрехъ Архіепископовъ, всѣхъ Епископовъ, Аббатовъ, Пріоровъ и Депушатовъ отъ разныхъ орденовъ числомъ до 70; Архіепископъ Палермскій есть глава духовенства. 3-е *Представителей*

(*) Стаття сія заимствована изъ краткаго описанія острова Сициліи неизвѣстнаго сочинителя, которая во Французскомъ изданіи прибавлена къ письмамъ Г. Брайдона о Сициліи и Мальтѣ.

народныхъ, назначаемыхъ Депутатами отъ 42 главныхъ городовъ и 310 малыхъ, принадлежащихъ Баронамъ. Каждый подданный, имѣющій собственность, при избраніи Депутатовъ подаетъ голосъ. Глава сего сословія (*Braccio Dominiale*) есть Преторъ или Градоначальникъ Палермы. Достоинство сіе въ великомъ уваженіи ибо Преторъ въ отсутствіи Президента заступаетъ его мѣсто, и кромѣ того, какъ глава народныхъ представителей, имѣетъ великое участіе въ правленіи. Парламентъ сей есть верховное судилище и всѣ власти ему подчинены; онъ налагаетъ подати и назначаетъ суммы расходовъ. Король имѣетъ право созывать и распускать Парламентъ по своей волѣ, чрезъ Канцлера онъ предлагаетъ на совѣщаніе онаго всякій новый законъ. Канцлеръ (*il Protonotario*) предложивъ волю Короля и избравъ 12 Депутатовъ, называемыхъ защитниками народа, выходитъ изъ присутствія. Не смотря на сей обрядъ, власть Королевская содѣлываетъ рѣшенія Парламента безсильными.

Гражданское правленіе состоитъ изъ четырехъ Трибуналовъ. 1-й: *Королевская Палата*: раздѣляемая на Гражданскій и уголовный судъ, рѣшаетъ окончательно всѣ дѣла. 2-й *Трибуналъ Королевскихъ имуществъ* (*Patrimonia del Re, o Della Regia Camera*) управляетъ Королевскими доходами. 3-й *Юнта* есть Мессинское городское правленіе, учрежденное съ того времени,

какъ городъ сей лишенъ за возмущеніе великихъ своихъ преимущесствъ. 4-й Консисторія, рѣшитъ апелляціонныя дѣла или разсмашируетъ опредѣленія первыхъ двухъ Трибуналовъ. Совѣшники сихъ чешырехъ Трибуналовъ, судьи, Президенты, адвокаты и фискалы назначаются Королемъ.

Папа Евгеній III, предоспавилъ Королю Рожеру права своего Легата; почему Короли Сицилійскіе издревле и одни изъ Каполическихъ Королей въ духовномъ и свѣшскомъ отношеніи почищаются отъ Папъ независимыми. Въ слѣдствіе сего преимущества, владѣтели Сициліи, для управленія дѣлъ, Папскому Легату присвоенныхъ, учредили духовный Трибуналъ, называемый *la Monarchia Regia*. Трибуналъ сей состоитъ изъ чешырехъ духовныхъ Министровъ, Доктора Каноническихъ правъ, называемаго *Monsignor della Monarchia*, Адвоката, Фискала и Прокурора. Апелляціонныя духовныя дѣла окончательнo рѣшались въ семъ Трибуналѣ. Другое духовное судилище называется *Трибуналъ крестовыхъ походовъ*. Въ 1095 году Папа Урбанъ II, предоспавилъ шѣмъ подданнымъ Христіанскихъ Государей, кошорые пойдутъ въ Палестину для завоеванія гроба Господня, многія преимущесства, между прочими, позволеніе въ посты ѣсть молочное. Папа Александръ VI, новою буллою, по особенной благосклонности къ Королю Фердинанду Каполику, подтвердилъ сіе преимущество для его подданныхъ Королевства Испаніи и

Сициліи. Архієпископъ Палермскій, какъ Примасъ духовенства, есть Генераль-Коммиссаръ сего Трибунала, коему подлежатъ другіе во всѣхъ городахъ учрежденные. За позволеніе въ посѣть употреблять молочное, Трибуналъ сей получаетъ ежегоднаго дохода до 600,000 рублей, которые обращаются на содержаніе галеръ или на выкупъ Христіанъ, въ плѣну у Турокъ находящихся.

Инквизиція существуетъ только по одному названію; власть сего судилища очень ограничена и пресѣчены всѣ способы къ злоупотребленіямъ. Не смотря на сіе, никто однакожъ не смѣетъ похваляться своимъ безвѣріемъ или превратно толковать принятыя обряды вѣры. Судилище сіе и при первоначальномъ своемъ учрежденіи Испанскими Королями не смѣло употреблять тѣхъ жестокихъ средствъ, кои были въ обыкновеніи въ Испаніи и Италіи; народъ пропивился сему, дворянство не терпѣло, чтобы Испанскій монахъ самовластвовалъ надъ ними. Всѣ слишкомъ ревностные Инквизиторы, за малѣйшее насиліе, особенно, когда они дерзали входить въ разбирабельство поведенія и мнѣній Баронства, неукоснительно были умерщвляемы рукою убійцы.

Городъ Палерма, по древнимъ своимъ преимуществамъ, управляется особымъ *Сенатомъ*, состоящимъ изъ Претора и шести Сенаторовъ. Преторъ сверхъ сего управляетъ хозяйственнымъ частію и есть глава народныхъ пред-

спавишелей въ Парламентѣ. Сенашоры, избираемые изъ Грандовъ Испанскихъ первой степени, подобно Римскимъ Сенашорамъ, носятъ пурпуровыя тоги. Въ уголовнои судѣ предсѣдательствуетъ такъ называемый Юспиць-Капитанъ; онъ же есть и Предводитель дворянства. Въ Преторіанскои судѣ засѣдають трое судей, избираемыхъ погодно Королемъ изъ Палермскихъ гражданъ; они присудствуютъ также въ уголовномъ судѣ и, участвуя въ распоряженіи городскихъ доходовъ, состоятъ въ повелѣніи Претора.

Законы и судопроизводство.

Сицилійскіе законы разсѣяны и смѣшаны во многихъ старыхъ шолспыхъ томахъ и кипѣ новыхъ указовъ, копорые въ рукахъ судей, подобно Хамелеону, принимають на себя всякой цвѣтъ и измѣняютъ оный въ шѣхъ вещахъ, къ коимъ приближаютъ они сіе живошное; ибо одна власть, копорая превыше всѣхъ законовъ, не судишь, а только соглашается, что всякой цвѣтъ хорошъ. Власть сія иногда видишь, что безпорядки со дня на день умножаются, что болѣзнь въ шѣлѣ Государственномъ укореняется; слышишь вопли страдающихъ; знаетъ, что для пресѣченія сего зла надобно принявъ на себя нѣкопорой трудъ, или стоишь только пожелать онаго; но предполагая ошъ излишняго напряженія силъ своихъ болѣе вреда нежели пользы, не дѣлаетъ ни-

какого движенія . . . И такимъ образомъ, борясь между предположеніями и сущностію, не замѣчаешь смятенія, не внемлешь стонамъ, призываешь къ немощи, и излѣченія оной ожидаешь отъ случая, или повѣряешь его такимъ людямъ, кои, для пользы своихъ, единственно стараются о продолженіи болѣзни.

Судопроизводство въ Сициліи есть самая недоспашочная, самая запущенная часть народоправленія. Прежде, нежели дѣло достигнетъ Трона, оное должно пройти, считая отъ Баронскаго, чрезъ шесть судовъ, и часто, случается, что Государственный Секретарь, (*Maestro Secreto*), замѣшивъ малѣйшее опспупленіе отъ приказнаго обряда, опсылаетъ оное назадъ для разсмотрѣнія снова, начиная съ нижней инстанціи, и потому дѣла праведныя и неправедныя продолжаются цѣлые вѣки. Посему-то тяжбы здѣсь безчисленны, ябеда составляетъ игру, изощряющую хитрость, подлогъ и обманъ; все небогатое дворянство въ оной упражняется для того, чтобы чѣмъ нибудь себя занять, избавившись военной службы, гдѣ не лзя нажиться спраснію богачей имѣшь безъ нужды надобность въ чловѣкѣ, знающемъ ябеду для защищенія ихъ въ судѣ отъ напраслины.

Стряпчіе называются здѣсь Докшорами правъ, и названіе сіе имъ весьма прилично; они лѣчатъ сушягъ шочно шакъ, какъ у насъ Лѣкари припворно-больныхъ; берутъ деньги, и даютъ только пить воду съ сахаромъ. Не смотря на то, что Докшоровъ здѣсь очень много, каждый

изъ нихъ нерѣдко получаетъ въ годъ отъ 20 до 30,000 рублей, и сіе дѣлается однакожь законнымъ образомъ по условію. Если дѣло сомнительно или запущано, приглашающагося на совѣтъ другіе правовѣдцы, общее мнѣніе скрѣпляющъ они подписью и довѣренный Докторъ по сему наставленію ведетъ дѣло. Забоши Докторовъ соспоютъ въ помъ, чшобы согласить судей, которые, получивъ за труды свои воздаяніе наличною монетою, безъ труда убѣждающагося въ помъ, въ чемъ кому угодно. Судьи, а болѣе Секретари, на коихъ судопроизводство вращается какъ шаръ земный на своей оси, съ давняго времени сдѣлавъ привычку получающъ великую прибыль, не берутъ мало и счищаютъ за грѣхъ нажить въ годъ менѣе 60.000 рублей. Они всякими способами спѣшатъ набить свой карманъ; ибо Король перемѣняетъ ихъ чрезъ каждые два года. Судьи и Секретари получающъ малое жалованье и избирающагося изъ спряпчихъ.

Я одинъ разъ ходилъ въ Королевскую Палату. Какой шумъ, тѣснота, нечислопа и духота; Эшо храмъ неправды, гдѣ всѣ ябедники, криводушные полкователи законовъ, приказные проидохи, спремятся опличить себя на поприщѣ обмановъ. Президентъ, Адвокатъ-фискаль и шрое Судей сидѣли вокругъ стола; всѣмъ имъ вмѣстѣ было не менѣе 400 лѣшъ. Одинъ изъ нихъ пошѣлъ подъ тяжестію большаго парика, другой прохлаждалъ себя вѣеромъ, прешій зѣвалъ, четвертый спалъ; Спряпчій, поднявшись на носки, держа

въ рукахъ толстую шепрадь, кричалъ во все горло: *La senta! La senta!* послушайте! послушайте! и никто его не слушалъ: ибо дѣла читають только для одной формы. Рѣшенія суда, будучи основаны на сбивчивыхъ и сомнительныхъ законахъ, не имѣють силы, и только одна воля и желаніе Короля приводится въ исполненіе. Судьи, обязанные давать опчетъ въ своихъ мнѣніяхъ высшимъ чиновникамъ, зависящимъ отъ самопроизвольной власти, не могутъ быть безприспρασными хранителями законовъ, и никогда не спрашивая наказанія за несоблюденіе оныхъ; ибо когда бы законы были ясны и точны, то не нужно бы было споль часто испрашивать Королевскія повелѣнія, и судьи, такъ сказать, на каждомъ шагу никакъ не смѣли бы ошибаться. Тогда и самый хитрый правовѣдецъ изъ противорѣчій указовъ не могъ бы извлечь своего оправданія; ибо наказаніе немедленно бы слѣдовало за пресупленіемъ.

Приказный слогъ ученъ и надушъ; въ немъ сполько повпореній, сполько вышерѣченныхъ, нижеименованныхъ, дондеже, паки, убо и сугубо, сполько выходокъ изъ Римскихъ правъ, и примѣровъ изъ древней и Священной Истории, что читая или слушая дѣло, какъ говорится, уши вянутъ; нѣтъ никакой связи, нѣтъ силы, краснорѣчіе самое педантическое; ибо дѣла пишутся единственно для того, чтобы длиннымъ, безполковымъ разглагольствованіемъ наскучить судьямъ, принудить ихъ скорѣе подписать оныя, что и дѣлается ими; ибо

они знаютъ, что дѣло послѣ ихъ будетъ разсмащриваться еще нѣсколько разъ, и что за сумбуръ имъ ни слова не скажутъ; ибо и самыя злоупотребленія остаются безъ вниманія. Они, не входя въ обстоятельства дѣла, не внимая даже здравому смыслу, подписываютъ только шѣ изъ нихъ, за копорыя опщипано имъ звонкою монетою.

Въ Уголовномъ Судѣ дѣла текутъ столь же медленно какъ и въ Гражданской Управѣ. Сажаютъ въ пюрму безъ разбора; почему иногда невинные, еще до разсмотрѣнія ихъ обвиненій, отъ заразительнаго пара и омерзительной нечистоты умираютъ въ оныхъ. Въ сравненіи совершаемыхъ здѣсь убійствъ, смертная казнь очень рѣдко бываетъ. Въ уголовномъ пресупленіи, не смотря на несомнительныя обвиненія, законъ требуетъ добровольнаго признанія; но доколѣ пресупникъ не признался, его сажаютъ въ пюрму, и если въ сей гробницѣ, лишенной свѣта и воздуха, высидитъ онъ чепыре года, то опсылаютъ на галеры. Тому несчастному, копорому уже прочтенъ смертный приговоръ, дается для оправданія отсрочка на мѣсяць; шуть не лзя не замѣшивъ благошворной цѣли законовъ. Въ сію ужасную для осужденнаго отсрочку; къ защищѣ его являеися такъ называемый *Стралгій бѣдныхъ*, на котораго праводушіе и честность всякой несчастный положиться можетъ; ибо Король на почтенное званіе сіе обращаетъ особенное свое вниманіе и изби-

раешъ въ оное наиболѣе мужей безкорыстныхъ, богашыхъ, а болѣе всего крошкихъ и великодушныхъ.

Въ споль многихъ недоспашкахъ, въ семъ хаосѣ гражданскаго управленія, копораго безпорядки конечно угнепашь могушъ подданныхъ болѣе самой войны, ешъ и нѣчто доброе. Я разумѣю сословіе спряпчихъ, копорые не подражая и не слѣдуя правилу собрашій своихъ: „любишъ ябеду и жишъ на разореніи пияжущихся,“ имѣюшъ свое чесполюбіе и свою славу. Первоспашейные Спряпчіе добрыми дѣлами своими заслужили въ обществѣ великое уваженіе. Они, имѣя надзоръ надъ младшими, безъ прозбы берушъ на себя защищашъ бѣдняка опъ неправдѣ богашаго; берушъ на себя всѣ издержки судопроизводсва и ни подъ какимъ видомъ и малѣйшаго знака признательности за труды въ шакоемъ случаѣ не принимаюшъ. Другіе не иначе принимаюшъ на себя ходашайсво по дѣлу, какъ по убѣжденіи въ правотѣ и справедливости просящаго, и если сіи получаюшъ условленную плату, шо равно какъ и первые могушъ гордишъся именемъ защитника невинности. Объявленіе судебныхъ приговоровъ раждаешъ удивительное соревнованіе и ешъ основаніе шой чеспи и правоты, копорая безъ робости въ благородномъ спремленіи заслужитъ одобреніе и похвалу благомыслящихъ, въ судахъ смѣло возвышаешъ гласъ истины, часшо изъясняешся въ оскорбительныхъ выраженіяхъ на

счешъ Правительсва, и къ чести Короля должно сказать, что онъ сихъ достойныхъ людей особенно уважаетъ и спарается оплечашъ ихъ своею милостию и ласкою. Примѣръ такого поведенія первоспепенныхъ Слѣпчихъ имѣетъ благошворное вліяніе и на подчиненныхъ, видащихъ, что одно средство нажиться честнымъ образомъ, есѣ заслужишь довѣренность публики, которая не иначе пріобрѣтается какъ прилѣжаніемъ, знаніемъ и безкорыстіемъ. Трудъ ихъ не оспается безъ награды, ибо болѣе извѣстные Доктора правъ, имѣющъ значительныя имущества.

Власть Короля. — Доходы. — Войска.

Власть Короля неограниченна; она подкрѣпляется любовью народа, и нынѣ, со времени пребыванія его въ Сициліи, опѣ феодальной системы едвали нѣтъ оспалась. Могущество Дворянсва опѣ многихъ причинъ ослабло и Королю для присвоенія законнымъ образомъ власпи Баронсва препятствующъ нынѣшнія его спѣсненныя обстоятельсва, политическая его зависимость опѣ Англичанъ, а наиболѣе то, что опѣ лишенія Дворянсва вдругъ всѣхъ преимуществъ, народъ неминуемо былъ бы разоренъ; Престоль лишился бы сильной опоры, казна опѣ своевольсва празднаго народа лишилась бы большой части доходовъ, и Король вмѣсто безпорядковъ опѣ малаго числа дворянъ про-

исходящихъ, долженствовали бы бороться съ буйствомъ толпы невѣжей, которые до сего времени удерживались въ должномъ повиновеніи только властію и попеченіемъ Дворянъ. Освободить народъ отъ всякой подчиненности, къ которой онъ уже привыкъ, значило бы дать ему оружіе и противу самой Самодержавной власти, отъ которой неминуемо онъ спалъ бы преобывать не однихъ повелѣній; но и причинъ, побуждающихъ къ объявленію оныхъ; ибо вольность народа съ самовластіемъ несовмѣстна.

Государственный годовой доходъ, состоящій изъ разныхъ податей и сборовъ, простирается до 5,000,000 рублей. Регулярныхъ войскъ, включая и Гвардію, считается 22,000. Солдаты хотя не такъ выправлены, не такъ ловко маршируютъ, однакожь спрѣляютъ исправно и очень мѣтко. Конница легка, и на прекрасныхъ лошадяхъ. Войско одѣто красиво и даже богато; содержаніе получаетъ безнужное; но что всего важнѣе, оживлено духомъ мужества. Многіе полагаютъ, что Италіянцы вообще не способны къ военной службѣ; но сіе, говоря вообще, несправедливо. Италія во всѣ времена славилась хорошими Генералами, и хотя Италіянцы не походятъ болѣе на Римлянъ и изнѣжены до того, что солдаты не имѣютъ воинственнаго вида; однакожь, если они подчинены будущъ искусному Генералу, то ни-

какому народу не уступяшъ въ храброспи. Италіянскія войска, подъ предводительствомъ Наполеона столько отличившіяся во многихъ сраженіяхъ, особенно въ Ваграмской битвѣ, мнѣніе о ихъ неспособности могутъ совершенно опровергнуть. Сицилійскіе гренадеры, подъ начальствомъ Герцога Гессенъ-Филиппсальскаго, защищавшіе Гаэту, также заслужили имя храбрыхъ даже и отъ самыхъ Французовъ, копорые не всегда и не очень охотно отдають справедливостъ своимъ непріятелямъ.

Въ началѣ 1808 года, когда въ Неаполѣ готовилась экспедиція для покоренія Сициліи, Фердинандъ объявилъ объ опасности опечесства. Народъ, Дворянство, Духовенство, всѣ сословія вообще изъявили неожиданную многими готовностъ умереть за Короля. При семъ обнаружилась закоренѣлая ненавистъ Сицилійцевъ къ Неаполишанцамъ. Народъ гласно просилъ дать имъ Начальниковъ изъ природныхъ Сицилійцевъ, и когда Король снизошелъ на прозьбу сію, то въ при недѣли явились добровольно на службу 52,000 чел. подвижной милиціи, кои иждивеніемъ Дворянства были уже одѣшы, а оружіемъ снабжены Англичанами. Намъ пріятно было видѣть, что мундиръ и экзерциція сего народного ополченія были шочно такіе, какіе наша пѣхоша имѣла въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Съ нѣкотораго времени носились слухи, будто Британское Правительство вознамѣри-

лось воспользоваться безсиліемъ Короля и предложишь ему за корону пансіонъ; но едва милиціи спала подъ ружье, всѣ непріятныя вѣсши умолкли, и конечно оныя были неосновательны; ибо Англичане, занимавшіе Мессину, Катанью, Сиракузы и Мелацо, будучи малочисленны для защищеній сихъ крѣпостей отъ Французовъ, и какъ сохраненіе Сициліи было имъ необходимо для удержанія Мальшы; по всѣ укрѣпленныя мѣста, противу Калабріи лежащія, были сданы безъ малѣйшаго сопротивленія Королевскимъ войскамъ, и Англичане, до сего бывшіе господами, сдѣлались гостями; войска ихъ оспались въ тѣхъже крѣпостяхъ подъ названіемъ вспомогательныхъ; сверхъ того отъ Англинскаго Парламента назначено Королю пособіе, для содержанія въ готовности всей его арміи. Со всею вѣроятностію сказать можно, что Наполеонъ въ покореніи Сициліи встрѣтитъ многія препятствія, онъ не найдетъ здѣсь своей партіи; ибо хотя и есть недовольные Правительствомъ, но сіи, равно какъ и преданные, спрашающаго его владычества. Сицилійцы еще не забыли тиранства Нормандскихъ пришельцевъ, и они еще тѣже самые, которые на Сицилійской вечери обагрили руки въ крови Французовъ.

Флотъ Неаполитанскаго Короля состоятъ изъ одного корабля, 3 фрегатовъ и 20 канонирскихъ лодокъ.

Фердинандъ IV, ешь самая благосшь; ясное, всегда веселое лице изображаетъ всю крошосшь души его. Судьбѣ угодно было обременить его многими нещастіями и потерями; но онъ не унываетъ, надѣется на Бога и переноситъ всѣ непріятности съ непоколебимою швердосшію. Когда Наполеонъ пророческимъ шономъ объявилъ арміи своей, занимавшей Неаполитанское Королевство, скорое завоеваніе Сициліи, то добрый Фердинандъ въ шупку шогда сказалъ: „Неполеону не удаспся согнать меня съ земнаго шара, я съ оружіемъ въ рукахъ и моими Борбонами (*) всегда буду Королемъ.“ Симъ Его Величество хопѣлъ сказать, что онъ какъ Царь будетъ защищаться и умретъ съ честію Бурбоновъ. Король обожаемъ народомъ. Нѣкогда проѣзжалъ онъ городомъ на любимую свою охоту, пшичную ловлю; народъ такъ сполпился на улицѣ, что коляска его на силу могла двигаться. Король съ добрымъ видомъ, давъ поцѣловать руку ближайшему къ нему Лазарону, едва успѣлъ сказать „переспаньте же кричать и дайте мнѣ дорогу“ какъ народъ разступился, клики да здравствуетъ Опецъ нашъ! умолкли и чтожъ я увидѣлъ? едва Король нѣсколько ошѣхалъ, чернь обратилась къ тому нищему, кошорый удостоился поцѣловать Королевскую

(*) Борбони такъ называется здѣсь царская рыбка. Извѣстно, что Король любитъ охоту и рыбную ловлю.

руку и всѣ стремились обнимать его, какъ освященнаго прикосновеніемъ Помазанника. Конечно думалъ я въ себѣ, и самыя побѣды не заспавили бы любви Короля болѣе, сколько теперь любящъ его въ несчастіи. Король ѣздишь всегда безъ свиты, просто въ серпукѣ, рѣдко въ мундирѣ. Онъ такъ близокъ народу, такъ доступенъ, что благодушіе его иногда дѣлаешь Лазароновъ слишкомъ докучливыми и наглыми. Одинъ разъ, когда въ Неаполѣ вздорюжалъ хлѣбъ, народъ, бѣжа за его экипажемъ, кричалъ: Ошець нашъ! хлѣбъ дорогъ! Король также ѣхалъ на охопу, и что же онъ сдѣлалъ? велѣлъ везти себя въ Городовое Правленіе, и вошедъ въ присутствіе спросилъ: почему хлѣбъ такъ вздорюжалъ? Президентъ объяснилъ и доказалъ, что цѣна очень умѣренна и уменьшишь оной не возможно. Очень хорошо, ошвѣчалъ Король, уменьшите отъ фунта ползолотника и объявите цѣну полбаіономъ меньше.

Фердинандъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ старости, съ нѣкотораго времени большую часть заботъ правленія предоспавилъ Королевѣ, и Каролина, обладая высокимъ умомъ машери своей Маріи Терезіи, имѣетъ и ея характеръ, и также управляетъ Сициліею, какъ сеспра ея Марія Ангуанеша управляла Франціею. Она, искусною рукою швердо держитъ бразды правленія; она распорядается всѣмъ; даетъ повелѣнія Министрамъ; располагаетъ движеніями войскъ; спрошши-

востъ Дворянъ обезоруживаетъ лентами, ласками и призываніемъ ихъ ко Двору; своевольства Палермской черни воздерживаетъ строгою Полиціею: она все знаетъ, что вокругъ ея дѣлается; знаетъ, что дѣлають и думаютъ въ Неаполѣ, соображаетъ свои дѣйствія съ обстоятельствомъ и тайными сношеніями съ прежними подданными, болѣе безпокоитъ Неаполистанскаго Короля, нежели опасается его силы. Будучи въ видимой зависимости отъ Англинскаго Министерства, она не иначе уклоняется предъ необходимостію, какъ съ достоинствомъ. Въ сношеніяхъ съ непріятелемъ она непреклонна. Наполеонъ предложилъ чрезъ бракосочетаніе дочери ея съ Мюратомъ, соединить въ потомствѣ ихъ, наследство короны обѣихъ Сицилій. Королева изъяснила несогласіе свое такимъ тономъ, что униженный, приспыженный онымъ побѣдоносный Рыцарь, въ движеніи гнѣва положилъ во что бы ни спало покорить Сицилію, и въ прокламаціи своей къ Неаполистанской арміи, употребилъ неприличныя выраженія. Не смотря на представленіе, что безъ покровительства флота, не возможно украдкою высадить на рыбацкихъ лодкахъ, достаточнаго числа войскъ для покоренія Мессины или какой другой крѣпости, защищаемыхъ значительною арміею и сильнымъ корабельнымъ и гребнымъ флотомъ, Наполеонъ далъ рѣшительное повелѣніе исполнить его намѣреніе, и изъ десяти тысячаго корпуса, ночью во время штиля перевезенна-

го изъ Реджіо, къ югу ошъ Мессины, едва ли третья часнь спаслась; прочіе нѣсколькими канонерскими лодками безъ защиты были потоплены въ проливѣ и весьма малое только число досталось въ плѣнъ.

Королева поступки свои съ Французами соображала по точной взаимности съ ихъ дѣйствіями, и сія мысль, какъ извѣстно очень, тревожила Наполеона; ибо онъ опасался, чтобы и другіе его непріатели не вздумали также съ нимъ обходиться; тогда конечно пришлось бы ему ошъ многихъ выгодъ опказаться. Фра-діаволо, славный Партизанъ Калабрскій, по несчастію попался въ плѣнъ, Неаполитанскій Ксроль опредѣлилъ, какъ преступника, замучить его люпою казнію; Королева узнавъ о семъ предупредила, что она за смерть своего Генерала, прикажетъ казнить тѣмъже образомъ 6 Францускихъ Шпабъ-Офицеровъ, находящихся у нея въ плѣну. Іосифъ не послушалъ; Фра-діаволо былъ колесованъ и четвертованъ въ Неаполѣ; 6-ть несчастныхъ Французовъ въ Палермѣ, какъ преступники казнены были на эшафотѣ. Мюрашь, смѣнившій Іосифа, опредѣлилъ всѣхъ солдатъ и Офицеровъ, уроженцевъ Неаполитанскаго Королевства, оставшихся въ службѣ Короля Фердинанда и попавшихся въ плѣнъ, какъ измѣнниковъ распрѣливать. Королева увѣдомила его, что она рангъ за рангъ и число за число, будешь распрѣливать Французовъ, находящихся у нея въ рукахъ. . . .

Древности.

Въ заключеніе описанія достопамятностей Палермы, счишаю не безполезнымъ, для пополненія моихъ замѣчаній, предложить нѣчто о древностяхъ Сициліи, о которыхъ въ Рускомъ переводѣ прекрасныхъ писемъ Г-на Брайдона ничего не упомянуто, вѣроятно по тому, что Г. Кампе, издавшій путешесствіе Брайдона, на Нѣмецкомъ языкѣ, спашью о древностяхъ выпустилъ.

Большая часть Сицилійскихъ писателей согласно утверждаютъ, что Сицилійцы происходятъ отъ Хама, сына Ноева, который есть Сатурнъ, построившій великій городъ Камезену. Берозъ думаетъ, что оный отъ испортившагося перваго имени назывался попомъ Камарина; напрошивъ Гварнери, Каррера и другіе увѣряютъ, что Камазена была у подошвы горы Этны, между Ачи и Кашаньею, противу трехъ голыхъ скалъ, кои и донынѣ сохранили имя Циклоповъ. Каррера упоминаетъ объ одной надписи, видѣнной имъ на развалинахъ Ачи, оправдывающей его предположеніе. Онъкъ тому прибавляетъ, что Хамъ былъ великой злодѣй и прозванъ за то Esenus, то есть безчестный. Фацелло говоритъ, что онъ женился на родной своей сестрѣ Реѣ. Церера, дочь ихъ, царствовавшая въ Сициліи, не имѣвшая пороковъ отца своего, славилась красою, крепостію и мудростію. Она изъ пшеницы и винограда, кои сами собою

въ великомъ изобиліи тогда произраспали, научила подданныхъ своихъ приуготовлять хлѣбъ и дѣлать вино. Прозерпина была стольже прелестна и добродѣтельна, какъ мать ея Царера. Оркусъ, Царь Эпирскій, желалъ имѣть ее своею супругою, что и подало Грекамъ случай къ вымышленію басни о похищеніи Прозерпины Плутономъ, богомъ Ада, ибо Оркусъ былъ нрава суроваго и угрюмаго,

Церера была первымъ божествомъ Сициліи. Говорятъ, что и нынѣ находящіяся медали съ прекраснымъ изображеніемъ Богини, а на оборотѣ съ хлѣбныхъ колосомъ. Она построила свою столицу на вершинѣ высокой горы, въ срединѣ острова и назвала оную по имени горы, Энна. Нынѣ на мѣстѣ семъ стоитъ городъ Каспрожовани, въ коемъ никакихъ останковъ отъ Энны не видно.

Цицеронъ, по мѣстоположенію Энны въ самой срединѣ Сициліи, называетъ ее *Umbilicus Siciliae*; страну же вокругъ оной уподобляетъ земному раю, наполненному тѣнистыми рощами, числыми ручейками и лугами, кои во всякое время года покрыты душистыми цвѣтами. Храмъ Цереры, въ Эннѣ находившійся былъ въ великомъ уваженіи. Фацелло повѣствуетъ, что когда городъ былъ взятъ рабами и варварами; то они не смѣли коснуться къ сокровищамъ храма, коихъ въ ономъ было гораздо болѣе, нежели во всемъ городѣ. Развалины сего капища нынѣ едва примѣтны.

Храмъ Венеры Еречинской (Eresine), полько славный и извѣстный во времена идолопоклонства, построень былъ на вершинѣ горы Ериксъ или по Сицилійскому произношенію Ериче. Нынѣ гора сія называется Санъ-Жуліано. Греческіе, Римскіе и Сицилійскіе историки согласуюшся, что храмъ сей столь же древень какъ и храмъ Цереры въ Еянѣ. Діодоръ пишетъ, что Дедалъ послѣ бѣгства своего изъ Криша, украсилъ зданіе сіе многими спашуями. Эней, по разореніи Трои прибывшій со флотомъ своимъ въ портъ Дрепани (нынѣ Трапано), находящійся у подошвы горы Ериче, по смерти отца своего Анхиза, принесъ храму сему богашые дары. Виргилій, недовольный щедростію своего героя, вопреки мнѣнію всѣхъ писателей, утверждаетъ, что Еней положилъ и основаніе храму, кошорой въ послѣдствіи и Римляне столькоже уважали, какъ и Греки. Число жрецовъ и жриць было при ономъ столь велико и издержки на храмъ сей столь непомѣрны, что 17 городовъ едва могли содержать оный съ надлежащимъ приличіемъ,

Большія стаи голубей, почитавшихся, какъ извѣстно, спутниками Венеры, перелетая, въ началѣ осени и весны изъ Италіи въ Африку, или возвращаясь опшуда, для опдыху, садились на горѣ Ериксъ вокругъ храма. Суевѣрный народъ думая, что сама Богиня посреди ихъ находится, въ сіе время приносилъ ей жертвы. Женщины обязаны были исполняшъ въ почности обряды, на сей случай у-

становленные, боясь прослыть лицемѣрками; и самыя цѣломудренныя изъ нихъ охотно онымъ слѣдовали и не подавали повода упрекать себя въ уклоненіи отъ жертвоприношеній. Увѣряють, что женщины Ерикскія и Дрепанскія съ нешерпѣніемъ ожидали появленія голубей, и чтобы удержать ихъ долѣе близъ храма, онѣ приносили съ собою для нихъ кормъ. Красоша женщинъ сихъ мѣстъ и понынѣ прелестныхъ, конечно подали мысль на горѣ Еричѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, какъ говорятъ въ описаніи древностей Сициліи Баронъ Ріедезель, установить сей особенной обрядъ въ честь Богинѣ любви, точно какъ и въ древней Греціи, по причинѣ красоты женщинъ, въ Книдахъ чествовали Венеру подобнымъ же безсудіемъ.

Храмъ святаго Жуліана засупилъ нынѣ мѣсто капища Венеры. Сицилійцы имѣють большую вѣру къ сему Святому; ибо думаютъ, что когда Трапани былъ спѣсненъ осадой, въ то время Св. Жуліанъ вооруженный явился на спѣнахъ, и явленіемъ своимъ толико успрашилъ непріятеля, что оный обратился въ бѣгство; и съ тѣхъ поръ городъ никогда не былъ угрожаемъ нападеніемъ.

На горѣ Еричѣ и нынѣ находятъ медали, но кромѣ кусковъ мрамора съ едва примѣтными слѣдами надписей, нѣтъ никакихъ болѣе оспашковъ, свидѣтельствующихъ о существованіи храма Венеры. Свепоній увѣряетъ, что оный въ царствованіе Тиверія

Кесаря былъ возобновленъ; напрошивъ Страбонъ ушверждаетъ, что оный въ его время былъ оспавленъ, и сіе болѣе вѣроятно; ибо оспашки многихъ зданій, воздвигнушихъ при Тиверіи, еще сохранились.

Сицилійскіе писатели, согласно съ Virgilіемъ, полагаютъ, что Еней, оспавшись послѣ сожженія кораблей своихъ на сушѣ, построилъ городъ Еричѣ, въ честь матери своей Венеры; другіе же ушверждаютъ, что храмъ сей Богини построилъ Ериксъ, другой сынъ ея, спарѣйшій Енея, пошъ самый, кошорый былъ убитъ Геркулесомъ. Мѣсто сіе и донынѣ называется Геркулесово поле. (il Campo d' Hercole).

По причинѣ удивительнаго плодородія долинъ, окружающихъ Палерму, городъ сей въ древнія времена назывался *Панормусъ*, что на древнемъ Греческомъ языкѣ означало, Все-садъ; другіе же съ большею вѣрояшностію ушверждаютъ, что оный именовался *Рап-ортусъ* отъ Греческаго слова Все-Портъ, по причинѣ обширности и удобности гавани его, копорая даже и въ шѣхъ мѣспахъ, гдѣ нынѣ могутъ приспавать только небольшія суда, была столь глубока что Велизарій, во время войны съ Готѣами, обладавшими Сициліею, поспавилъ корабли свои подъ самыми спѣнами Палермы. Послѣдняго названія шеперь по значенію слова Все-Портъ не можно приписать Палермѣ; ибо малая гавань обмѣлѣла отъ ужаснаго наводненія, коему Фацелло былъ очевидецъ. Сей испорикъ

говорить, что вода съ ужаснымъ стремленіемъ вырвавъ часть стѣны подлѣ дворца, разрушила до основанія двѣ тысячи церквей, монастырей и домовъ, поглотила три тысячи человѣкъ, и малая гавань наполнилась развалинами домовъ.

Послѣ Камезены, Палерма почитается древнѣйшимъ городомъ въ Сициліи. Епископъ Луцерскій полагаетъ, что она основана была во времена Папріарховъ. Онъ доказываетъ сіе одною Халдейскою надписью, найденною боолѣтъ тому назадъ въ царствованіе Вильгельма II, и переведенную на Латинскій и Испанскій языки. А какъ и нынѣ находятъ въ окрестностяхъ Палермы остатки надписей на семъ языкѣ; то Епископъ и заключаетъ, что городъ построенъ былъ Халдеями, въ первыхъ вѣкахъ опъ созданія міра; вотъ буквальный сей надписи переводъ: „Когда Исаакъ, сынъ Авраама, царствовалъ въ долину Дамской и когда Исаіа (Ejaïi), сынъ Исаака, управлялъ Идумеею, тогда великое число Евреевъ, послѣдуемыхъ жишелями Дамаска и Финикіи, приспало къ сему треугольному острову и поселилось въ семъ прекрасномъ мѣстѣ, которому и дали имя Pan- ormus.“

Епископъ перевелъ другую Халдейскую надпись, находящуюся на древнихъ западныхъ городскихъ вѣропахъ: переводъ сдѣланъ на Латинскомъ. Здѣсь сообщается оный опъ слова до слова на Рускомъ языкѣ: „нѣтъ другаго Бога кромѣ единого Бога: нѣтъ другой власши, кромѣ

сего самага Бога. Нѣтъ другаго побѣдителя кромѣ того Бога, копорому мы поклоняемся.“ Начальникъ сей башни есть *Сафю* (Sapru) сынъ Елифара (Eliphar), сына Исаи (Esaii), брата Іакова, сына Исаака, сына Авраама. Имя башни есть *Баухъ* (Bauch), а къ ней ближайшей *Фаратъ* (Pharat). На первой башнѣ были и другія надписи, но шакъ изгладились, что оныхъ, при всемъ стараніи, Фацелло разобрашь не могъ.

Одинъ ученый Палермскій Антикварій увѣряетъ, что Рап-ортус, на Халдейскомъ равно какъ и на Еврейскомъ, значить рай или прекрасный садъ, и что Греки, поселившіеся на томъ мѣстѣ, гдѣ жили первые, оставили городу прежнее его имя. Онъ присовокупляетъ къ тому, что Рап-ортус на Арабскомъ языкѣ означаетъ *Все - Вода*, почему и Арабы, обладавшіе онымъ, сохранили городу то же древнее названіе.

Въ архивѣ хранятся толстые томы о достопамятныхъ древностяхъ Палермы. Вотъ еще одна и послѣдняя басня, копорая, какъ относящаяся къ чести женщинъ, достойна быть здѣсь помѣщена. Испорики Сицилійскіе повѣствуютъ (неизвѣстно точно въ какое время и въ какое царствованіе), когда Палерма осаждена была Сарацынами, перпѣла голодъ, и у воиновъ не доставало матеріаловъ для дѣланія шевивы къ лукамъ, и когда городъ былъ уже въ томъ состояніи, что не могъ долѣе сопротивляться, одна женщина (имя также пропущено), изъ любви къ опече-

ству, предложила другимъ женщинамъ, пожертвовать для спасенія онаго волосами, дабы воины могли употребить ихъ на тепивы. Палермишанки обрѣзали прекрасные свои волосы, и какъ уже извѣстно, что нѣжный полъ есть и будешь первою побудительною причиною для возбужденія храбрости въ мужчинахъ; по воины Палермскіе, одушевленные сею великою для красоты и прелесшей жертвою, съ такимъ мужествомъ продолжали защищаться, что Сарацины были упомлены, разбины и городъ освобожденъ отъ осады. Палермишанки могутъ гордиться симъ славнымъ для нихъ происшествіемъ, воспѣлымъ, какъ того и ожидать должно, многими имъ преданными поэтами. „Волосы нашихъ женщинъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, всегда употребляются для тойже цѣли: но они нынѣ бросаютъ только тѣ стрѣлы, кои приуготовляются самимъ Купидономъ, и употребляются только для любовныхъ связей.

Минеральныя воды — произведенія — торговля.

На всемъ пространствѣ Сициліи найдется много минеральныхъ водъ; однѣ изъ нихъ слишкомъ горячи, другія снѣго холодно, что восходятъ одною степеню выше точки замерзанія, и однакожъ никогда не обращаются въ ледъ.

Во многихъ мѣстахъ острова находяпся испочники, на поверхности коихъ плаваешъ родъ масла; земледѣльцы жгущъ оное въ своихъ лампадахъ и употребляютъ на многія другія надобности. Испочникъ при Никосіи, называемый *il Fonte Canalotto*, заслуживаетъ особое примѣчаніе. Онъ всегда покрытъ бываетъ толстою смоленого свойства пѣною; поселяне употребляютъ оную, какъ самое дѣйствительное лѣкарство отъ сильныхъ простудъ и другихъ болѣзней. Вода одного небольшого озера при Назо, будучи чиста и прозрачна какъ стекло, имѣетъ удивительное свойство чернить всѣ вещи, въ оную погружаемыя. Сѣрныхъ банъ въ Сициліи очень много; въ Тримиши находящіяся почитаются лучшими. Онѣя бани славны были во времена Римлянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сициліи и на островахъ, близъ ея лежащихъ, изъ нѣдръ земли выходятъ испаренія. Въ большемъ отдаленіи отъ Эпны находятъ лаву, пемзу, и ноздреватые камни, извергаемые огнедышащими горами, почему и должно заключить, что Сицилія, такъ какъ и Липарскіе острова, произошла отъ подземнаго огня. Въ прѣхъ верспахъ къ западу отъ Палермы, у самаго морскаго берега, находяпся многіе горячіе ключи, копорые со дна моря съ такою силою выбиваюпся, что песокъ тамъ волнуешся, вода высокою до двухъ аршинъ очень горяча, а далѣе холодна какъ ледъ. Гдѣ глубина не

велика, шамъ испаренія выходяшъ опъ холодной, а не опъ шеплой воды.

Главное произведеніе и можно сказать богатство Сициліи есть пшеница. Почва земли безъ унавоживанія, и при дурномъ воздѣльваніи, споль плодоносна, что одна жашва обыкновеннаго урожая, даетъ для продовольствія всего народонаселенія, на семь и восемь лѣтъ впередъ. Сицилійцы молошатъ хлѣбъ, какъ у насъ Крымскіе Ташары, лошадыми, сохраняюшъ же оный совсѣмъ особеннымъ образомъ. Въ сухомъ грунтѣ высѣкаюшся погреба, пшеница потчасъ, какъ обмолашашъ, ссыпается въ сіи кладовыя, кошорыя на поверхности земли имѣюшъ небольшія опверстія; а дабы внѣшній воздухъ и дождь не могли проникнушъ въ погреба, опверстіе со шщаніемъ закрывается и хлѣбъ такимъ образомъ гораздо долѣе, нежели у насъ, сберегается.

Распеніе, кошораго зола пѣчитается наилучшею для дѣланія спекла содою, съ большимъ шщаніемъ здѣсь воздѣльвается и приносишъ поселянамъ большой прибышокъ. Дикой медъ особенно вокругъ Эшны собираемый, предпочитается другимъ и высоко цѣнишся. Сахаръ не составляетъ еще предмета для внѣшней торговли, но для домашняго употребленія, въ довольноомъ количествѣ расходишся. Солодковый корень и сокъ, изъ онаго выжимаемыи, также составляетъ предметъ выгодный для промышленниковъ; манна же есть конечно полезнѣйшее произведеніе Сици-

ліи. Сіе драгоцѣнное лѣкарство извлекается изъ деревъ, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ морскихъ ясеней. Въ Іюль мѣсяцъ въ продолженіи наибольшихъ жаровъ, на корѣ оныхъ деревъ дѣлають насѣчки, откуда вытекаеть густый сокъ, подобный прозрачной смолѣ, и скоро швердѣющій на солнцѣ. Зернистая манна, сама собою вытекающая изъ дерева, какъ наилучшая съ большимъ щаніемъ укладывается въ небольшія коробочки. Креспьяне насѣкають деревья всегда съ одной стороны, а другую оставляють для слѣдующаго лѣта. Каждое дерево даетъ въ годъ полфунта, и цѣлое сполѣтіе можеть такимъ образомъ приносить пользу.

Торговля, не смотря на войну, со времени пребыванія Короля столько улучшилась, что произведеній мануфактурныхъ и не обработанныхъ опускается уже вдвое болѣе прежняго. Сицилійцы имѣють достаточное число своихъ судовъ, но по преимуществамъ, даннымъ Англичанамъ, оныя большею частію остаются въ гаваняхъ безъ всякаго дѣла.

Сицилія, безспорно, есть наилучшая страна въ Европѣ: по справедливости назвать ее можно садомъ Европы. Почва земли отъ множества волканическихъ часпицъ чрезмѣрно плодотворна. Провинціи Валь да Ното и Валь ди Мацара изобилуютъ хлѣбомъ, а Валь ди Демона плодами. Повсюду произрастають превосходнѣйшій виноградъ, сахарный проспикъ, финиковыя, лиспашныя, масличныя,

апельсинныя и цитронныя деревья, а обыкновенныя, какъ то: персиковыя, миндальныя, фиговые, шелковичныя и пр. распусть безъ призору въ лѣсахъ. Удивительное множество испочниковъ и ключей, орошая и украшая сію прелестную страну, конечно не мало способствуетъ изобилію. Пажити въ окрестностяхъ Эпины, близъ Кашаньи, столь тучны, что скоту, дабы онъ не слишкомъ ожирѣлъ, принуждены бывающъ пускашь кровь. Луга и лѣса во всякое время года покрыты цвѣтами и душистыми куспарниками; лаванда, розмаринъ, лилей ясинъ и множество другихъ распусть здѣсь на открытомъ воздухѣ. Эпна есть первою причиною такого удивительнаго плодородія.

Море, окружающее Сицилію, доставляетъ изобильную ловлю рыбъ. Въ Мессинѣ въ великомъ уваженіи Угри, въ Палермѣ Тонъ, во всѣхъ другихъ портахъ Борбони, Макрель, Мечъ рыба и множество другихъ. Рѣки и малые испочники также изобилуютъ рыбою. Изъ дичи почищаются за лакомство Бекафиги и дикіе Павлины.

Царство ископаемыхъ стольже богато: однихъ мраморовъ считается 51 сортъ. Златоцвѣтные, зеленые, черные съ золотыми искрами почищаются лучшими. Яшмы, Агатъ, Порфиры, Карніоловы, Лаписъ-Лазури и другихъ драгоценныхъ камней считается до 500 родовъ. Въ нѣдрахъ горъ хранятся богатѣйшія жилы металловъ и полуметалловъ.

Король обратилъ нынѣ особенное вниманіе на обрабатываніе рудниковъ, которые въ правительствѣ Виццеровѣ большею частію были оставлены. Сѣра, квасцы, купоросъ, киноварь, пемза и прочія произведенія огнедышащихъ горъ приносятъ значительный доходъ. Каменная добываемая изъ озеръ при Марсала — фрапаниксъ и вывариваемая изъ морской воды соль, составляютъ наибогатѣйшую въпвъ торговли. Мыльный камень, который есть и у насъ въ Крыму, по свойству своему, употребляется крестьянами вмѣсто мыла.

Словомъ, Сицилія, изобилуя всѣми по потребностямъ для жизни и роскоши, въ рукахъ морской Державы, обращающей всегда наибольшее вниманіе на внѣшнюю торговлю и промышленность, могла бы скоро достигнуть до прежняго своего величія. Народонаселеніе ея, столь нынѣ малое по пространству, скоро уможилось бы, и Сицилія, не имѣя нужды заимствоватьъ опъ другихъ земель чѣмъ либо, пріобрѣла бы чрезъ оппускъ своего излишества великія богатства. Пребываніе Короля въ Палермѣ конечно принесло уже значительныя пользы; но многія злоупотребленія въ правленіи пребудутъ поспешеннаго исправленія. Война съ сильнымъ сосѣдомъ пребудетъ пожертвованіи несоразмѣрныхъ съ доходами, и благое намѣреніе Короля къ улучшенію всѣхъ частей народоправленія симъ не мало затрудняется. Сицилійцы тогда только могутъ почитать себя счастливыми, когда торговля бу-

дешъ освобождена отъ спѣснительныхъ, самопроизвольныхъ и часто перемѣняемыхъ налоговъ; когда для облегченія внутреннихъ сообщеній будутъ сдѣланы дороги, которыя въ гористыхъ мѣстахъ едва проходимы только для вьючныхъ ословъ; когда гражданская Управа будетъ основана на коренномъ и постоянномъ законѣ; когда власшь Королевская не будетъ имѣть препятствій дѣлать добро, а права дворянства и духовенства будутъ поставлены въ надлежащихъ предѣлахъ, и когда наконецъ богатство дворянства и нищета народа придутъ хотя въ нѣкоторое равновѣсіе.

Война съ Англіею — сдача фрегата Венуса Сицилійскому Правительству.

20 Ноября прибывъ въ Палерму, къ крайнему сожалѣнію нашему по осмотру найдено, что фрегатъ имѣлъ столь многія и важныя поврежденія, безъ исправленія коихъ не возможно было выйти въ море. Командующій фрегатомъ Капитанъ-Лейтенантъ Андреяновъ, представя Россійскому при Сицилійскомъ Дворѣ Министру Тайному Совѣтнику Дмитр. Павл. Тапищеву о необходимости приступить немедленно къ починкѣ фрегата, просилъ для скорѣйшаго окончанія оной, нужной помощи отъ порта. Въ слѣдствіе сношеній съ Сицилійскимъ Правительствомъ, посвезеніи пороха въ Королевскіе погреба, фрегатъ вошелъ въ гавань, разгрузился и къ 10 Декабря

руль былъ сдѣланъ новый, грошъ мачта, бушпришъ и бимсы, преснувшіе во время шпорма, первые укрѣплены шкалами, послѣдніе подпершы новыми пиллерсами, пробоины, полученныя въ сраженіяхъ, были забиты и обшиты новою мѣдью, пріюмъ перегруженъ, крѣйшъ-камора (*) исправлена и фрегатъ внутри и снаружи весь выконопаченъ.

По таковомъ исправленіи, получа на два мѣсяца провіаншъ мы гошовились идти въ портъ Ферраіо, гдѣ находился Капитанъ Командоръ Баратынскій съ кораблями св. Петромъ и Москвою, какъ вдругъ слухи о разрывѣ между Россіею и Англіею подтвердились официальнымъ сообщеніемъ, полученнымъ Англинскимъ Министромъ въ Палермѣ Г. Друммондомъ отъ поварища его изъ Вѣны. Извѣстіе сіе крайне опечалило Дворъ, и особенно шѣхъ жителей, кои равно привержены были какъ къ Рускимъ, такъ и къ Англичанамъ. Въ самое сіе время возвратилась въ Палерму и Англинская эскадра, крейсеровавшая у острова Маришимо, для недопущенія Французской эскадры возвратиться изъ Корфы въ Тулонъ (**). Министръ нашъ поручилъ до-

(*) Пороховой погребъ.

(**) Французскій Адмиралъ Гантомъ, снабдивъ Корфу военными снарядами, ускользнулъ отъ бдительности Англинскихъ крейсеровъ, и счастливо возвратился въ Тулонъ.

увѣренной особѣ развѣдать, почишають ли себя Англичане въ правѣ, по одному сообщенію Посла своего, пребывающаго въ Вѣнѣ, начинать военныя дѣйствія? Друммондъ, положишельно объявилъ, что война за разрывомъ воспослѣдуетъ непременно, что Вице-Адмиралъ Торнброу завладѣлъ нашимъ фрегатомъ, ошправившій оный въ Мальшу и послѣ сего, почишають ли оный плѣннымъ или свободнымъ, ожидають будуща дальнѣйшихъ предписаній отъ Лордовъ Адмиралтейства.

Объявленіе столь ясное и рѣшительное содѣлывало выходъ нашего фрегата невозможнымъ. Посланникъ Тапищевъ старался узнать отъ Сицилійскаго Министра иностранныхъ дѣлъ Маркиза Чирчелли, что намѣренъ дѣлать Дворъ его въ случаѣ начатія военныхъ дѣйствій между Россією и Англією? Отвѣтъ его сперва былъ двусмысленный; но когда спросили у него, можешь ли въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ оспаваться безопасно Россійскій фрегатъ въ Палермскомъ портѣ, онъ далъ удовлетворительный отвѣтъ. Желая еще болѣе убѣдиться въ чувствахъ Двора сего, Тапищевъ объяснился съ Королевою, которая ему отвѣтствовала: "Будьте увѣрены, что Король никогда не подниметь оружія противу Россіи; Императоръ Александръ былъ всегда нашимъ Покровителемъ и мы того никогда не забудемъ."

Между тѣмъ, хотя Россійская Миссія 17 Декабря и получила изъ Пешербурга офици-

альное извѣстіе о разрывѣ между Россіею и Англіею; но оное содержала вшайнѣ, въ той надеждѣ, что какое нибудь неожиданное происшествіе, принудя Англинскую эскадру выйти въ море, подастъ фрегашу возможность безпрепятственно отплыть въ Портъ Ферраіо, въ Неаполь, или въ другую какую дружественную гавань. Ожиданіе сіе было однакожь тщетно; Англинскій Министръ весьма упорно домогался, чтобы фрегатъ Венусъ и всѣ Россійскія купеческія суда, въ Сицилійскихъ портахъ находившіяся, были ему выданы. Король, изумленный такимъ смѣлымъ требованіемъ, съ неудовольствіемъ и рѣшишельно отказался отъ поступка столь противнаго чувствамъ его; но Англичане настоянія свои начали подкрѣплять угрозами. Друммондъ отказался отъ продолженія субсидій, платимыхъ его Дворомъ, а Главнокомандующій Англинскими войсками Генераль Муръ грозилъ, что не будетъ ограждать Сицилію отъ покушеній, дѣлаемыхъ Іосифомъ Бонапарте, присовокупить островъ сей къ Неаполитанскому Королевству. Россійскій Посланникъ видя, что ему долѣе въ недоумѣніи оставаться было не лзя, отнесся письменно къ Сицилійскому Министру и препроводя къ нему печатный экземпляръ съ манифеста, въ коемъ изложены были причины разрыва съ Англіею, требовалъ прямого и почнаго объявленія, какое участіе приметъ его Сицилійское Величество въ войнѣ сей. Отвѣтъ Маркиза Чир-

челли состоялъ въ томъ . „что Король , его „Государь, не можешь опдѣлить выгодъ Англіи „опъ своихъ собсвенныхъ , что порты Его „Величества будутъ впредь заперты для Рос- „сійскаго флага и что присутствіе фрегата „Венуса въ Палермѣ не совмѣстно нынѣ съ на- „стоящими обстоятельствомъ.“

Опивъшъ сей ясно обнаруживалъ безсиліе Короля Фердинанда и невозможность, въ ко- ей онъ находился, противуставъ волѣ Англичанъ, войска коихъ занимали Мессину, Сиракузы и почти всѣ главные порты и крѣпости Сициліи. Поведеніе Сицилійскаго Двора было слѣдовательно послѣдствіемъ положенія его и несчастной для него необходимости ; ибо безсомнѣнія союзъ съ Императоромъ Россійскимъ столько же полезенъ былъ Фердинанду, сколько разрывъ сего союза вреденъ для Его Сицилійскаго Величества. Россія же не имѣла надобности ни искать дружбы, ни опвращать разрыва съ безсильнымъ союзникомъ. Одно шокмо желаніе спасти какъ нибудь фрегатъ Венусъ и доставить намъ служившимъ на ономъ случай поддержать честь Россійскаго флага, заставило прилѣжно дѣйствовать почтеннаго Посланника нашего. Видя, что Маркизь Чирчелли, при всемъ своемъ благоразуміи, вѣрности къ своему Государю, и преданности къ Россіи , не можешь свергнуть ига Англичанъ, Министръ нашъ, для скорѣйшаго достиженія цѣли своей, обратился прямо къ Королю и Королевѣ. Но Маркизь, не полу-

чивши еще отвѣта на первую ноту свою, по настоянію Англичанъ, подалъ новую, коею требовалъ, чтобы фрегатъ непременно оставилъ Палерму въ теченіи одного дня. На сіе Министръ нашъ отвѣтствовалъ: что фрегатъ не можешь выдти изъ порта. когда на рейдѣ стоишь непріятельская эскадра; что послѣдствія сраженія между силами столь неравными не могутъ быть сомнительны; что фрегатъ, пришедъ въ портъ дружественный, въ ономъ останется, и что наконецъ Его Сицилійское Величество будетъ Императору Россійскому отвѣчать за всякое оскорбленіе, причиненное его флагу.

Во время сихъ переговоровъ, Капитанъ нашъ видя, что покровительство Короля, зависящаго отъ Англичанъ, было очень не надежно, рѣшился дождавшись крѣпкаго попутнаго вѣтра, ночью оставить Палерму и полагаясь на легкость фрегата достигнуть другаго болѣе безопаснаго союзнаго порта; почему и потребовалъ возвращенія своего пороха. Сицилійское Портовое начальство, сдѣлавъ въ ономъ сначала нѣкоторое затрудненіе, наконецъ приказало доставить намъ порохъ на своей канонерской лодкѣ; но Английскій Адмиралъ, не смотря ни на какое приличіе, лодку съ порохомъ задержалъ у своего корабля. Вскорѣ послѣ сего насилія, тогоже 27-го Декабря, служащій при посольствѣ Спальскій Совѣтникъ Пеш. Ив. Карповъ, прибывъ

на фрегатъ, увѣдомилъ насъ, что Англичане вознамѣрились ночью напастъ на фрегатъ, почему опъ имени Министра просилъ Капитана взять свои мѣры и, для безопасности, секретные сигналы и повелѣнія поручить ему.

На рейдѣ, на карпечный опъ нашего фрегата выстрѣлъ, стояли 5 линейныхъ Англинскихъ кораблей, изъ коихъ два были спопушечные, а два фрегата нарочно для насъ ходили подъ парусами при входѣ въ Палермскій заливъ. Въ семъ крайне затруднительномъ положеніи, когда ни уйти, ни получить пороха было совершенно не возможно, Капитанъ пригласилъ Офицеровъ на военный совѣтъ, и прилѣжно разобравъ всѣ мѣры и средства, служащія къ защищенію фрегата, мы согласно положили, и общимъ подписаніемъ рѣшеніе совѣта утвердили: 1) Остаться въ Молѣ, 2) на собственные деньги купить въ городѣ такое количество пороха, котораго было бы достаточно для мѣлкаго ружья и верхняго дека пушекъ; 3) если Англичане нападуть на фрегатъ линейнымъ кораблемъ, а не на шлюпкахъ и не абордажемъ, тогда разстрѣлавъ весь снарядъ, фрегатъ сжечь.

Лейтенантъ Насѣкинъ посланъ былъ увѣдомить о семъ Министра, что Капитанъ, Офицеры и весь экипажъ положили защищаться до послѣдней возможности, и рѣшились лучше взлѣсть на воздухъ, нежели сдаться Англинской эскадрѣ. Дмитрій Павло-

ничъ, восхищенный симъ извѣщеніемъ, пожавъ руку Насѣкину [опивѣчалъ: скажите вашему Капитану, что я узнаю въ немъ Рускаго! Намѣреніе ваше самое героическое; но я надѣюсь отвратить смерть храбрыхъ людей, сколькобы впрочемъ ни славна она была для нихъ. Если же не успѣю, то самъ буду на фрегатѣ и оконча дипломатическое мое дѣло, за счастье почну раздѣлишь съ вами вашу опасность.

Для приведенія въ исполненіе рѣшенія нашего, главнѣйшее затрудненіе было въ покупкѣ пороха. Уже вечерѣло, времени оставалось не болѣе прехъ часовъ. Мы разослали всѣхъ нашихъ знакомыхъ покупать въ городѣ порохъ. Капитаны Бокезскихъ корсеровъ, два брата Петровичи, первые привезли намъ своихъ при бочки, за ними одинъ за другимъ Датскіе и Греческіе шкиперы доставляли намъ, что сколько имѣлъ, и такимъ образомъ въ короткое время получили мы столько пороху, что могли дѣйствовать верхнимъ декомъ и 3 пушками нижняго. Датскіе шкиперы вызвались помочь намъ своими людьми; Бокезцы по ревности не хотѣли уступить имъ сего преимущества, и мы, въ самомъ дѣлѣ не имѣя нужды въ людяхъ, отказались отъ сего предложенія и просили снабдить насъ только однимъ абордажнымъ оружіемъ; онаго столько было на фрегатѣ доставлено, что каждый спрѣлокъ имѣлъ по три ружья и по два пистолеа, а дабы они могли стрѣлять скорѣе,

40 человекъ опредѣлены были только заряжать и подавать гошовыя ружья спрѣлкамъ. Бокезскіе, Греческіе и Датскіе шкиперы, дали намъ слово, что въ то время, когда Англинскія шлюпки пристанутъ къ фрегату, они нападутъ на нихъ своими, и какъ скоро фрегатъ будетъ зажженъ, они зажгутъ свои суда и пустятъ ихъ прямо на городъ.

По захожденіи солнца, фрегатъ, снабженный достапючнымъ количествомъ пороха и числомъ оружія, былъ обращенъ такъ сказать въ сухопутную крѣпость. На верхней палубѣ, для удобнаго спрѣлянія изъ ружей, сдѣланы подмости, на марсахъ и русленяхъ изъ офицерскихъ постелей брустверы; не нужные порты нижняго дека наглухо заколошили; между нижнихъ реевъ на веревкахъ подвѣшенъ былъ баластъ, который, когда непріятельскія шлюпки пристанутъ уже къ борту, долженъ былъ упасть прямо на оныя. Пистолеты, сабли, копья, бердыши, ломы и аншпуги, всѣ орудія смерти, были положены подъ руками. Въ шажкомъ оборонительномъ состояніи, мы надѣялись, что не легко будетъ взять насъ абордажемъ. Послѣ примѣрнаго ученья, когда всякой уже зналъ, что долженъ будетъ дѣлать въ сраженіи, Капитанъ приказалъ собрать всѣхъ людей на шканцы и просилъ Офицеровъ внушить имъ, сколь необходимо въ глазахъ чужестранныхъ народовъ, при первой встрѣчѣ и по объявленіи войны въ первомъ сраженіи съ Англичанами, пожертвовать жиз-

нію для спасенія чести флага Рускаго, и если въ неравномъ боѣ мы погибнемъ, то Англичане по крайней мѣрѣ не могутъ похвалиться, что побѣдили насъ, что взяли нашъ Венусъ: храбрые матрозы наши, изъ которыхъ нѣкоторые отличились еще въ прошедшую съ Шведами войну, на убѣжденіе сіе охотно отвѣчали: ради умереть Ваше Благородіе! не выдадимъ нашего Венуса пока будемъ живы.

Намѣреніе сжечь фрегаты произвело въ городѣ великое безпокойство, и какъ между тѣмъ всякой желалъ видѣть какъ Англичане будутъ нападать, а фрегаты и всѣ суда, въ гавани стоящія, будутъ горѣть, то множество экипажей и народа до свѣта стояли на набережной и на Молѣ. Маркизь Чирчелли сначала не вѣрилъ симъ слухамъ, но когда Министръ нашъ объявилъ ему словесно, что нападеніе Англичанъ на фрегаты будетъ сигналомъ всеобщаго пожара въ Палермскомъ портѣ, онъ столько былъ симъ озабоченъ, что немедленно поѣхалъ къ Друммонду и уведомилъ его о угрожавшемъ бѣдствіи. Оба Министра, ни мало не желая, чтобы угрозы сіи сбылись на самомъ дѣлѣ, сообщили о намѣреніи сжечь фрегаты Адмиралу Торнброу. Адмиралъ столько же какъ и Министры былъ изумленъ, и что бы въ точности увѣриться, около полночи осматривалъ фрегаты, и должно думать, что онъ не нашелъ возможнымъ взять фрегаты абордажемъ; ибо хотя около 2 часовъ пополуночи и собрались Англинскія шлюпки съ сол-

дашами у корабля Кенша, всѣхъ ближе къ намъ споявшаго; но когда у насъ ударили тревогу въ барабаны то онѣ опяшь разѣхались.

На разсвѣтѣ 29-го Генваря, Ровлей, Капитанъ 84-хъ душечнаго корабля Орла (Eagle) привезъ письмо, кошораго переводъ ошъ слова до слова здѣсь предлагаеися:

*Его Британскаго Величества корабль
Рояль-Соверинъ. Палерма.*

Государь мой!

Объявленіе войны между Великобританією и Россією даеши мнѣ право требовати ошъ васъ сдати Россійскій Имперашорскій фрегатъ Венусъ, подъ вашею командою находящійся, эскадрѣ Его Британскаго Величества, подъ моими повелѣніями состоящей.

При обшояшельствахъ, въ копорыхъ вы находишесь, побѣгъ и сопрошивленіе ясно не возможны и слѣдствіемъ бесполезнаго защищенія будетъ только вѣрная потеря храбрыхъ людей, вамъ подчиненныхъ. Потому надѣюсь, что не принудите меня къ прискорб-

ной необходимости, поддержать мое требование силою оружія. Ожидаю немедленнаго отвѣта и есмь

Государь мой!

Вашъ послушнѣйшій

покорный слуга

Едвардъ Торнброу.

*Вице - Адмиралъ синяго
флага и Командующій
эскадрою Его Британ-
скаго Величества въ Па-
лерисколѣ заливѣ*

1808 года Генваря 10. н. ст.

Капитанъ Ровлей вручивъ письмо, изустно припомъ объявилъ нашему Капитану, что онъ имѣетъ отъ своего Адмирала предписание дать время на размышленіе не долѣе, какъ шокмо до полудня; что ежели фрегатъ въ срокъ сей не будешъ сданъ эскадрѣ Его Британскаго Величества, тогда принужденными найдутся употребить силу. Капитанъ Андреяновъ подавъ руку Ровлею, сказалъ ему: „я отвѣтомъ „не замедлю, но вотъ вамъ мое честное слово, что фрегатъ мой никогда не будешъ „вашимъ!“ Попомъ оборотясь къ собравшимся на шканцахъ Офицерамъ и служилеямъ продолжалъ: Господа! ребята! мы вчера дали другъ

другу слово и шеперь, когда наступаетъ рѣшительная минута, конечно не опустимъ отъ него.,, На сіе Офицеры и весь экипажъ отвѣчалъ: умремъ всѣ и не сдадимся. Англинскій Капитанъ, удивленный симъ кликомъ, не спрашивая, что оный значить и не вступая въ разговоръ, пожелавъ намъ добраго утра, уѣхалъ.

Мнѣ поручено было отнести письмо Торнброу къ нашему Министру. Пришедъ въ домъ послѣдняго очень рано, я разбудилъ людей, но Дмитрій Павловичъ не спалъ, и услышавъ шумъ поспѣлъ ко мнѣ вышелъ. Министръ пробѣжавъ письмо Англинскаго Адмирала, спросилъ, чтожь вы намѣрены шеперь дѣлать? Капитанъ просилъ Ваше Превосходительство приказашъ написашъ по Англински или по Француски отвѣтъ, что мы ни подъ какимъ видомъ не сдадимся. На что писалъ по Француски, возразилъ Министръ, отвѣчайте ему по Руски, пусть себѣ читаетъ (*), а я чрезъ то выиграю часа чепыре времени, постараюсь избавить васъ отъ бѣды и надѣюсь, что фрегатъ не будетъ въ рукахъ непріятеля. Попросите Капитана, чтобы переговоры старался сколько можно замедлить, а я сей часъ ѣду къ Королю и Королевѣ предложитъ имъ послѣднее

(*) Сіе тѣмъ болѣе было справедливо, что Англичане сами ведутъ всѣ переписки съ чужестранными державами на своемъ языкѣ.

средство сохранить фрегатъ, честь флага и вашу. Будете покойны и шверды въ своемъ рѣшеніи, можете быть нынѣже вечеромъ мы вмѣстѣ посмѣемся надъ Англичанами.

Вотъ ошвѣшъ, кошорый поручено мнѣ было ошвезшъ Англическому Адмиралу:

Ваше Превосходительство.

Находясь въ гавани Его Величества Короля Сицилійскаго, союзной и намъ дружественной; зная права неупралишения и госпепримства, кои доселѣ отъ всѣхъ просвѣщенныхъ націй почиаемы были священными и ненарушимыми; я почиаю себя безопаснымъ отъ васъ. Имѣю честь быть

Вашего Превосходительства

Милоспиваго Государя!

покорный и послушный слуга

Кондрашій Андреяновъ.

Его Императорскаго Величества моего Всемилоспивѣйшаго ГОСУДАРЯ Капитанѣ-Лейтенантѣ и Командующій фрегата Венуса въ Палермской гавани.

1807 года Декабря 27 дня. С. Ст.

Имѣя на шлюпкѣ бѣлый флагъ, приспалъ я къ Рояль-Соверинъ. Капитанъ корабля, вспрѣшивъ меня у лѣстницы и не допустивъ караульнаго Офицера завязать мнѣ глаза, показавъ мнѣ руку сказалъ: вошъ какъ обстоятельство перемѣняющся и мы теперь непріатели; но однакожъ никогда конечно не будемъ врагами; Англичанинъ и Руской всегда будутъ уважать и любить другъ друга. Между шѣмъ подошли мы къ двери, шесть часовыхъ съ Офицеромъ отдали мнѣ честь, мы вошли въ каюту. Адмиралъ выступилъ впередъ, поклонился, разорвалъ пакетъ, развернулъ письмо, наморщилъ брови, поднесъ письмо ближе къ глазамъ, потомъ подошелъ къ окну, еще разъ посмошрѣлъ, хладнокровно улыбнулся и подавая оное Капитану сказалъ: похоже на Греческія литеры. Потомъ обернувшись ко мнѣ продолжалъ: я не умѣю чипать по Руски; вы говорите по Англински, то чтобы скорѣе кончить наше дѣло, объясните въ чемъ смыслъ письма вашего заключаеся? — Мнѣ поручено только вручить его Вашему Превосходительству. — Такъ вы хотите вести дипломатическую переписку. — Я молчалъ. — Адмиралъ взглянулъ на меня и уразумѣвъ, что я опивѣчать не хочу: закинулъ руки на спину, и началъ ходить по каютѣ; при каждомъ оборотѣ окидывалъ онъ меня съ ногъ до головы суровымъ взоромъ; я смосрѣлъ въ окно или опускалъ внизъ глаза. Адмиралъ ошановясь и подумавъ нѣсколько, наконецъ ош-

ривиспо сказалъ: пожалуйте обождите, я позову васъ когда будешь нужно. Я поклонился; вышелъ, меня проводили въ каютъ-компанію, знакомые Офицеры обступя меня спрашивали: чѣмъ вы кончили? ничѣмъ, и разговоръ обратился на посторонніе предметы. Подали чай, завпиракъ и газеты. Каждый Офицеръ приглашалъ меня въ свою каюту, потомъ водили меня по всему кораблю, считали сколько ядеръ попало въ него въ Трафалгарскомъ сраженіи и наконецъ показали прекрасный арсеналъ на кубрикѣ. Ружья, сабли, пистолеты, чистыя и свѣжыя какъ стекло; гвозди, рымы, блоки и прочія принадлежности расположены по стѣнамъ почто такъ, какъ въ галантерейной лавкѣ. Вышедъ на верхъ я посмотрѣлъ на часы и чепыре часа уже прошло. Какъ Англичане и у Министра своего не могли видно сыскать, ктобы перевелъ письмо, то меня въ сіе время позвали къ Адмиралу въ каюту.

Садитесь; вы не ходите сдаваться? такъ началъ Торнброу, и конечно думаете, что я не имѣю права взять фрегата вашъ силою или на что нибудь надѣетесь? — Мы сначала полагали, ошвѣчалъ я, что вы для одного фрегата не нарушите должнаго уваженія къ Королю, которому не возможно, какъ казалось, предать насъ въ руки непріятеля; надѣялись, что Его Величество не потерпитъ, чтобы въ его гавани, въ его глазахъ, оскорбленъ былъ флагъ шого Императора, который два раза возвращалъ ему престолъ; но теперь мы знаемъ ваше

намѣреніе, и его мысли, не ожидаемъ ни отъ кого ни какой помощи и почиаемъ себя обязанными исполнить то, что долгъ намъ повелѣваетъ. — Оставимъ разсужденіе, возразилъ Адмиралъ и заключимъ шѣмъ, что вы должны сдаться, ибо переговоры наши иначе кончиться не могутъ. — Одно средство, которое отъ имени Капитана осмѣливаюсь предложить Вашему Превосходительству, можете васъ и насъ избавить отъ нареканія: позвольте фрегату выйти изъ Палермы; позвольте намъ воспользоваться принятымъ морскими державами правомъ и послѣ 24-хъ часовъ, не нарушая сихъ правъ, не оскорбляя Короля, мы въ море, а не въ гавани сражались рѣшимъ кому предъ кѣмъ спустить флагъ. Адмиралъ, никакъ не ожидавшій такого предложенія, взглянувъ на Венусъ, видный въ окно, сказалъ: *the bird, which is in a cage, more value than in air*, птичка въ кліпкѣ всегда лучше нежели на волѣ. Не правда ли, что фрегатъ вашъ весьма легокъ на ходу? но не уже ли вы думаете ускользнуть отъ цѣлой эскадры? Я не могу однакожъ, продолжалъ Адмиралъ, нѣсколько подумавъ, согласиться на предложеніе ваше, во первыхъ, что обязался бы отвѣтомъ моему Правительству за напрасное пролитіе крови тогда, когда могу и безъ онаго достигнуть своей цѣли; во вторыхъ изъ личнаго уваженія къ Рускому мужеству, и щадя жизнь храбрыхъ вашихъ людей, въ другихъ случаяхъ могущихъ съ пользою служить своему Отечеству, я не опшимаю

у васъ чеспи, предлагая сдать ся цѣлой эскадрѣ; а не одному кораблю. — Вашему Превосходительству уже извѣстно, что мнѣ поручено только дославить вамъ письмо и съ отвѣтомъ вашимъ возвратиться. — Очень хорошо, я дамъ отвѣтъ, но послѣдній, послѣ котораго не приму никакихъ возраженій и предложеній.

Капитанъ, пригласивъ меня въ свою каюту, какъ кажется, имѣлъ порученіе уговорить меня. Вотъ разговоръ мой съ нимъ; не уже ли въ самомъ дѣлѣ вы хотите защищаться противу пяти кораблей перваго ранга; мужество въ семъ случаѣ не у мѣста; любящему свое Отечество, должно беречь жизнь для лучшихъ обстоятельствъ. Сдать ся превосходному въ силахъ непріятелю опіюдь не безчестно, я вамъ могъ бы привести многіе на сіе примѣры, но скажу только одинъ: въ прошедшую войну два нашихъ корабля въ туманѣ сошлись съ Испанскимъ флотомъ и сдались безъ драки. Рускіе, отвѣчалъ я на сіе, безъ сраженія никогда не сдаются. Но въ нынѣшнемъ положеніи возразилъ Капитанъ, кому нибудь изъ насъ надобно уступить, и это конечно вамъ. Если Капитанъ и Офицеры согласятся, продолжалъ Капитанъ, сдать ся безъ сраженія; то не будутъ имѣть причины жаловаться на плѣнъ. Вы въ Англіи будете въ гостяхъ, вездѣ хорошо приняты, и я особенно съ моей стороны предлагаю вамъ домъ мой въ Лондонѣ. — Свободнымъ, а не плѣннымъ, я былъ бы обязанъ благодарить за вѣжливосшь

вашу Г. Капишанъ; но теперь повторяю вамъ, что я не уполномоченъ вести переговоры и чтобы не тратить напрасно словъ, прошу позволишь мнѣ возвратиться на фрегатъ. Тутъ доложили Капишану, что ѣдетъ Министръ Друммондъ.

Я прохаживался на шканцахъ съ Офицерами, какъ вдругъ подняли сигналъ и вскорѣ со всѣхъ кораблей барказы съ верпами пошли къ кораблю Егль. Это значило, что рѣшились взять Венусъ силою. Подошедъ къ Капишану я просилъ его доложить Адмиралу, не угодно ли ему будетъ дать мнѣ не медля отвѣтъ. Его Превосходительство, отвѣчалъ мнѣ Капишанъ, желаетъ, чтобы вы остались здѣсь, а шлюпку вашу можете опустить. Остались здѣсь? не уже ли Г. Капишанъ, вы хотите задержать меня? напомните Его Превосходительству, что я парламентаръ и кто повѣритъ, что меня задержали? поварищи мои подумать могутъ, что я самъ по своей волѣ у васъ на кораблѣ остался. Надѣюсь, что Англинскій Адмиралъ безъ нужды и безъ причины такъ безчестить меня не пожелаетъ. Успокойтесь, показавъ мнѣ руку, сказалъ Капишанъ, поѣзжайте; очень впрочемъ жалю, что вы будучи уже ранены, не хотите избавить себя опасности, которой могли бы избѣгнутьъ.

Во время, какъ я находился на Англинскомъ Адмиральскомъ кораблѣ, Капишанъ нашъ ѣздилъ къ Министру, прося его не оставить свою помощь. Дмишрій Павловичъ отвѣчалъ

ему, я съ своей стороны по долгу службы, сдѣлаю все, что будетъ возможно; ѣду сей часъ къ Королю и предложу ему послѣднее средство избавить васъ отъ рукъ Англичанъ; впрочемъ вы люди военные, и если предложеніе мое Королемъ принято будетъ, а вы не разсудите оному послѣдовать; въ такомъ опасномъ случаѣ сами собою располагать должны.

По возвращеніи моемъ на фрегатъ во 2-мъ часу по полудни, когда корабль Егль, началъ уже завозами тянуться къ гавани, изъ города показалась скачущая конница, потомъ артиллерія и наконецъ пѣхотная гвардія Короля Сицилійскаго; на всѣхъ крѣпостяхъ, чего прежде не дѣлывали, подняли флаги. Множество экипажей спояли на Марино, окна и террасы домовъ, обращенныхъ къ гавани, покрыты были народомъ. Какъ фрегатъ споялъ у оконечности Молы и могъ быть ашакванъ съ лѣваго борща, то мы, дабы закрыть корму, подтянулись ближе къ пристани, и носомъ упираясь на корабль Архимедъ, спали въ такомъ положеніи, что корабль сей, и за нимъ споявшіе два Неаполитанскіе фрегата, при зажженіи Венуса, должны были вмѣстѣ съ нами летѣть на воздухъ. Министръ нашъ, воспользовавшись замедленіемъ переговоровъ, успѣлъ спасти насъ отъ алчности Англичанъ. Онъ предложилъ Королю, фрегатъ нашъ взять лучше себѣ, нежели отдать его въ своей гавани Англичанамъ

Его Величество, объемлемый страхомъ и желая сохранить дружество съ обоими своими могущественными союзниками, съ благодарностію принялъ сіе предложеніе Г. Тапищева. Въ претѣмъ часу по полудни, когда корабль Егль былъ уже опъ гавани на своемъ выспрѣлѣ, прибылъ къ намъ на фрегатѣ уполномоченный опъ Сицилійскаго Минисперства, Полицеймейстеръ Палермскійкавалеръ Каспрони и вмѣспѣ съ нимъ опъ Миниспра нашего секретаръ посольства Алек. Яков. Булгаковъ. Первый именемъ Короля объявилъ: что фрегатѣ со всѣми принадлежностями, какія приняты будутъ, по заключеніи мира, возвратятся нашему правительству, Офицеры и служители, когда согласятся сдатьъ безъ сраженія, которое должно быть пагубно всему Палермскому порту, не будутъ почищаться плѣнными, а госпями и при первомъ случаѣ, по полученіи опъ Императора Россійскаго соизволенія, или останутся до заключенія мира съ Англіею въ Палермѣ, или возвращаются въ Россію; доставленіе и содержаніе по Рускому шпану, Король беретъ на себя. Секретаръ Посольства подтвердилъ, что Дмитрій Павловичъ исходатайствовалъ для насъ сію капитуляцію и мы можемъ оною воспользоваться. Капитанъ, призвавъ всѣхъ Офицеровъ и служителей на шканцы, объявилъ о предложеніи Короля и требовалъ согласія. Матрозы отвѣчали, что они согласны, если предложеніе будетъ принято Капитаномъ и

Офицерами. Какъ условіе было самое удовлетворительное, то Капитанъ, по общему согласію, объявилъ Полицеймейстеру, что фрегатъ на сбереженіе вручается Королю Сицилійскому. Кавалеръ Касирони призвалъ съ корабля Архимеда 10 человекъ солдатъ, и въ то самое время, когда Англинскій корабль Егль обращивался бортомъ къ Венусу, дабы открыть огонь, вмѣсто нашего поднялъ былъ на фрегатѣ Сицилійскій флагъ. Оставя на фрегатѣ своемъ караулъ (*), мы переѣхали на Молу, взяли съ собой флагъ и опдали ему честь залпомъ изъ ружей и крикомъ ура! Наслѣдный Принцъ Леопольдъ съ Герцогомъ Гессенъ-Филипсвальскимъ, первые подѣхали къ нашему фронту, и благосклонно разговаривали съ Капитаномъ и Офицерами, благодарили насъ, что избавили Короля отъ большаго неудовольствія и поспѣшъ приказали Бригадиру начальнику порша помѣстивъ машрозовъ въ упразднившемся монастырѣ, близъ Молы находившемся, а для Офицеровъ нанять домъ въ городѣ.

Англичане, видя себя такъ искусно обманутыми, все негодованіе свое обратили на

(*) Фрегатъ послѣ былъ сданъ Сицилійскому Правительству по описи, за общимъ подписаніемъ уполномоченнаго отъ порта чиновника, нашего Капитана, Ревизора и Секретаря посольства Алек. Яков. Булгакова.

Сицилійской Дворъ, а особливо на Королеву, которую они называли душею Руской партіи. Друммондъ, оскорбленный неудачею, жаловался Ея Величеству, но Королева отвѣчала ему: „Мы поссорились за Англію съ Россіею и должны съ сею сильною державою нести бремя войны; справедливость требуетъ, чтобы мы пользовались и преимуществами, съ войною сею сопряженными, а потому и требовали мы, чтобы фрегатъ Венусъ сдался намъ. Кто можетъ у насъ оспаривать сію добычу?”

Министръ нашъ возвратившись опъ Короля и Королевы въ то самое время, когда на Венусъ подняли Сицилійскій флагъ, подалъ ношу Маркизу Чирчелли, въ коей между прочимъ было сказано: что предложеніе, сдѣланное сего ушра Капитану фрегата Венуса Англинскимъ Адмираломъ и двѣ ношы опъ Сицилійскаго Двора служатъ доказательствомъ, что онъ дѣйствуетъ съ Англіею совокупно противъ насъ; что сколь велика ни была бы храбрось Рускихъ, фрегатъ не имѣющій даже пороху, не можетъ сразиться съ пятью линейными караблями и не можетъ прошивуспать морскимъ и сухопутнымъ силамъ цѣлаго Государства, что пролитіе крови въ семъ случаѣ было бы безразсудно, и что по симъ уваженіямъ Руской фрегатъ вручается Его Сицилійскому Величеству. Министръ оканчивалъ ношу, что слагаетъ съ себя званіе Посланника, снимаетъ съ дома своего гербъ

Россійскій (*), оспаваясь въ Сициліи токмо до времени, какъ частное лице.

Король искренне благодарилъ Г. Тапищева за то, что доставилъ Его Величеству средство дать Государю Императору доводъ своей неліцемерной преданности, не подвергая себя мщенію Англичанъ. „Что дѣлать намъ оспровишнямъ, сказалъ Король, гдѣ много воды, пушъ много и Англичанъ! „Хотя чрезъ нѣсколько дней, по настоянію Г. Друммонда, прислали къ монастырю, мапрозамъ нашими занимаемому, Сицилійской караулъ и предложили ружья сложить въ магазейнъ, пушъже въ казармѣ находившійся; но солдатамъ позволили носить песаки, въ инструкціи же караульнаго Сицилійскаго Офицера было сказано: охранять насъ отъ Англичанъ, не допускать подозрительныхъ людей въ казармы и быть въ полномъ распоряженіи у дежурнаго Россійскаго Офицера. Посему при смѣнахъ Сицилійскій Офицеръ рапортовалъ нашему, а солдаты его, копорые спояли на часахъ у воротъ монастыря, повиновались нашимъ мапрозамъ, вмѣстѣ съ ними отправлявшимъ караулъ. Словомъ, съ нами обходились какъ съ друзьями и не почиали насъ плѣнными. Такимъ образомъ кончилось къ удо-

(*) Во всей Италіи Дипломатическій Агентъ выставляетъ обыкновенно на воротахъ дома, имъ занимаемаго, Гербъ своего Государства.

вольствію обѣихъ споронъ дѣло, которое безъ присутствія духа Россійскаго Министра и рѣшительности Капитана Андреянова могло бы имѣть весьма невыгодныя для насъ послѣдствія. За таковой подвигъ Тайный Совѣтникъ Тапищевъ, при возобновленіи дружественныхъ сношеній, былъ награжденъ отъ Короля орденомъ св. Фердинанда, а Секретарю посольства А. Я. Булгакову пожалованъ орденъ св. Константина.

До отъѣзда Дмитрія Павловича обходились съ нами очень снисходительно; всѣми удовольствіями, какія имѣли въ продолженіе пребыванія нашего въ Палермъ, обязаны мы достопочтенному сему Министру. Онъ представилъ насъ Королю и Королевѣ, рекомендовалъ нѣкоторымъ особамъ Двора, которыя въ отсутствіе его могли удовлетворять нуждамъ нашимъ, любилъ, что бы мы чаще были у него и старался доставить намъ пріятное времяпровожденіе. По отъѣздѣ Министра, мы сей часъ почувствовали, что лишились ходатая и защитника. Едва оставилъ онъ Палерму, людямъ уменьшили положенную порцію, потомъ временно спали удерживать и сію, такъ что мапрозы наши принуждены были искать работою пропитанія. Дюку де Бельмонте, котораго загородный домъ находился близъ казармъ, Рускіе оставили по себѣ памятникъ; ибо то, что предполагалъ онъ окончить въ годъ, команда наша сдѣлала ему въ два мѣсяца. Каменный утѣсъ былъ взорванъ, обдѣланъ и

обращенъ въ Англинской садъ, долженствую-
щій, по предполагаемому плану, служишь наи-
лучшимъ украшеніемъ окрестностей Палер-
мы. Офицерамъ не давали никакого содержа-
нія и спороною подсылали подговаривать ма-
шровъ въ Англинскую службу. Непріятность
слѣдовала за непріятностію. 3-го Морскаго пол-
ка рядовой Епифановъ, по старому знаком-
ству съ Англинскимъ сержантомъ зашедъ
съ нимъ въ пракширъ, выпилъ лишнюю чар-
ку. Англичанинъ замѣшивъ, что паварищъ его
довольно веселъ, предложилъ ему принять Ан-
глинскую службу и въ задашокъ давалъ ему нѣ-
сколько червонцевъ. Епифановъ понялъ для
чего такъ усердно его подчивали. Принявъ
червонцы, бросилъ оные ему въ глаза, вылилъ
на голову изумленного сержанта оспальное
вино и вышолкалъ его изъ пракшира на ули-
цу. Англинскіе наборщики, никакими хитро-
стями не успѣвши подкупить ни одного изъ
машровъ нашихъ, осмѣлились наконецъ брать
ихъ силою на корабли свои; и одинъ разъ
схвативши трехъ машровъ, не успѣли у-
весить ихъ; ибо карауль близъ Арсенала быв-
шій вступился за нашихъ; Англичане полу-
чивши помощь съ своего брига, прогнали
было Сицилійскихъ солдатъ; но путь подо-
спѣли изъ казармы наши машрозы, началась
драка, которая къ счастію кончилась только
тѣмъ, что дерзкихъ изрядно поколошили,
принудили бѣжать и опнявъ у нихъ шлюпку
изломали оную въ щепы. Въ другой разъ въ

самомъ городѣ, схватили было нашего мапроза; но чернь отбила его, шунъ едва не дошло до кинжаловъ и каменьевъ; къ счастію полиція подоспѣла во время, и до драки не допустила. Сіи поступки не могли бытъ скрыты отъ Короля; они возбудили въ немъ справедливое негодованіе. Его Величество приказалъ караулъ при казармѣ нашей удвоить, и не пускать Англинскихъ мапрозовъ далѣе Арсенала.

По необходимости принуждены мы были, кромѣ работы въ саду Дюка де Бельмонте, запрещать людямъ нашимъ выходить изъ казармъ; они хотя чрезъ сіе и лишились многихъ другихъ выгодъ; однакожь не только не ропсали на нужду, но съ твердостію отказались отъ предложеній, дѣлаемыхъ имъ даже чрезъ караульныхъ у казармы Сицилійскихъ солдатъ, вступивъ въ Англинскую службу, и на послѣдокъ къ концу пребыванія нашего въ Палермѣ, повинувшись приказанію Капитана не выходили даже за ворота. Когда стороною дали знать мапрозамъ, что если они хотятъ, то не смотря на запрещеніе Капитана, имъ позволятъ выходить для своихъ работъ, кому куда угодно будетъ и даже отпускаютъ ихъ однихъ безъ Офицеровъ въ Россію; то къ чести всего экипажа должно сказать, что они предложеніе сіе отвергли съ неудовольствіемъ и объявили, что они изъ повиновенія своихъ начальниковъ не выдутъ, и безъ нихъ и въ Россію возвратиться не хотятъ. Послѣ сего неудачнаго опыта съ людьми нашими, подъ ви-

домъ недоспашка денегъ, предложили Офицерамъ выдать только имъ однимъ жалованье; но мы также объявили, что одни безъ служителей, не хотимъ имѣть прошиву ихъ никакихъ выгодъ и хотя въ деньгахъ имѣли крайнюю нужду, но отъ принятія оныхъ отказались. Всѣ наши бѣды, какъ мы полагали, происпекали отъ Маркиза Черчелли, дѣйствовавшего въ угодность Англичанамъ. Онъ услышавъ, что мы отказались отъ жалованья и опасаясь, чтобы жалобы наши не дошли до Королевы, призвалъ къ себѣ Лейтенанта Насѣкина, по знанію Италіянскаго языка рекомендованнаго ему отъ Дмитрія Павловича для нужныхъ сношеній нашихъ съ Правительствомъ, ласково предложилъ ему: отправивъ Капитана съ Офицерами, для коихъ, какъ онъ сказалъ, и судно уже готово; а людей, какъ скоро сыщется другое, отпустивъ вслѣдъ за нами съ условіемъ, чтобы мы Офицеры напередъ дали честное слово не служить въ продолженіи войны прошиву Англичанъ. Насѣкинъ, понявъ къ чему клонится такое предложеніе, отвѣчалъ: Офицеры безъ людей, равно и они безъ насъ, какъ уже вамъ извѣстно, не могутъ и не должны согласиться одни безъ другихъ отправившись куда либо, и мы не только не дадимъ честнаго слова не служить прошиву Англичанъ, но и прошиву васъ; ибо мы Сицилійцамъ не сдавались, мы здѣсь не плѣнные и слово Короля отпустивъ насъ при первомъ случаѣ, безъ всякаго условія, должно

быть свято исполнено. Министръ, огорченный такимъ опвѣтомъ, началъ угрожать. Насѣкинъ повторилъ ему, что онъ, равно и его товарищи, привыкли уже не спрашиваться и самой смерти; конечно не убоясь однѣхъ угрозъ Министра, которому должно знать, что всякое насиліе, отъ стороны его Правительства Рускимъ сдѣланное, будетъ не только несправедливостъ, но и неблагодарностъ; и что онъ, полагаясь на праводушіе Короля и Королевы, смѣло опровергаетъ и впредь не приметъ никакихъ симъ подобныхъ предложеній. Маркизь сколько смутился сими послѣдними словами Насѣкина, что выходя изъ своего кабинета, во гнѣвъ ему сказалъ: если такъ, то могу увѣригъ васъ, что можете завтраже перемените вы понъ Римлянина; я имѣю средства, заставитъ васъ дѣлать то, что мнѣ нужно.

Угрозы сіи ничего не обѣщали намъ хорошаго. Капитанъ знавши, что Министръ можетъ обвинить насъ предъ Королевою, въ угодностъ Англичанъ, поступить съ нами какъ ему вздумается, пригласилъ къ себѣ на квартиру всѣхъ Офицеровъ, дабы согласиться какъ опразить сіи нападки Маркиза. Въ сіе время дежурный Офицеръ прислалъ сказать, что команда проситъ всѣхъ Офицеровъ прийти въ казарму. Это насъ очень удивило. Капитанъ будучи не здоровъ, поручилъ старшему Лейтенанту Мѣльникову разыскать, кто первый осмѣлился сдѣлать такое предложеніе

и наказашъ въ примѣръ другимъ. Но должно представить наше негодованіе, когда караульный Сицилійскій Офицеръ, встрѣпившій насъ за ворами монашья, съ поропливостію и въ великомъ страхѣ объявилъ, что онъ не знаетъ, что дѣлать; что мапрозы наши не слушаютъ его и нашего дежурнаго Офицера, что самовольно отперли магазейнъ и разобрали по рукамъ сложенное въ ономъ оружіе. Едва вошли мы въ казарму, безпорядочной шумъ, при первомъ голосѣ начальниковъ утихъ, и всѣ безъ малѣйшаго нехотѣнія, по приказанію Г. Мѣльникова, тотчасъ стали во фронтъ. Когда мы, разумѣется въ великомъ гнѣвѣ, начали выговаривать и спрашивать, кто осмѣлился подать голосъ къ неповиновенію и бунту Мапрозы Копшевъ, Аванасьевъ, солдаты Епифановъ первые вышли передъ фронтъ, занима самъ боцманъ и еще человекъ десять лучшихъ, исправнѣйшихъ и добраго поведенія людей. Первый изъ нихъ Копшевъ такъ начинаетъ: напрасно Ваше благородіе называете насъ бунтовщиками, извольте выслушать и вы увидите, что мы никогда не думали выйти изъ повиновенія; ибо очень знаемъ, что безъ начальниковъ какъ безъ головы, а паче здѣсь на чужой сторонѣ, мы всѣ пропадемъ. Правда, мы безъ просу взяли ружья и порохъ; но взяли его для защиты васъ, а не для другаго чего. Вамъ извѣстно, что мы отказались одни безъ васъ отправиться въ Россію, теперь мы слышимъ,

что всѣхъ Г. г. Офицеровъ хотѣли посадить въ тюрьму, а насъ силою отдасть на Англинскіе корабли; мы опасаясь исполненія того или другаго, и какъ квартиры ваши въ городѣ слишкомъ отъ казармъ удалены, то мы и осмѣлились просить васъ къ себѣ съ шѣмъ, чтобы или защищаться противу приѣснаенія, или неразлучно съ вами идти въ тюрьму, и что теперь прикажете, мы все готовы исполнить. Послѣ угрозы нашихъ, когда уже все было приготовлено къ строгому наказанію начинщиковъ, изумленіе, переходъ отъ гнѣва и огорченія къ радости и удовольствію, представить и описать не возможно. Когда Копшевъ простыми словами, но смѣло объяснилъ мысли всѣхъ своихъ товарищей, и когда нѣкоторые изъ Офицеровъ примолвили: однакожъ то онъ положивъ шапку на земь сказалъ: я начинщикъ, меня одного и наказывайте. При семъ словѣ и самые строгіе изъ насъ невольно опустили глаза внизъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ краснорѣчиваго молчанія, когда съ одной стороны поражены были справедливостію представленія, съ другой со смиреніемъ ожидали приговора начальническаго и наказания, никто изъ Офицеровъ не смѣлъ въ другой разъ повторить многозначущее однакожъ Я едва могъ удержаться, чтобы не обнять Копшева, и дожидаль съ нетерпѣніемъ, что скажутъ старшіе меня, а когда сіи, какъ бы по невольному движенію, сказали: „Копшевъ! ты правъ.“ То я подошелъ къ нему

сказалъ: Копшевъ ты молодецъ, славной мап-розъ, ты благородный человекъ. Всѣ Офицеры, перемѣня потомъ тонъ, смягчивъ голосъ, какъ бы не смѣя приказывать такой командѣ, которая благородною рѣшимостію и преданностію заслужила нашу признашельность, старались ласковыми словами внушить, что взявшись за оружіе было бы дѣло безразсудное, что такой поступокъ будетъ намъ пагубенъ, и что мы до рѣшенія нашей участи, останемся въ казармѣ и на квартеры не пойдемъ. Послѣ сего напрозы безъ малѣйшаго противорѣчія, сложили оружіе на прежнее мѣсто. Сицилійскій Офицеръ, ожидавшій дурныхъ для себя послѣдствій, будучи въ восхищеніи отъ такой скорой перемѣны въ расположеніи людей и для него непонятной подчиненности, ломая руки восклицалъ о! *che Gente, che Gente!* (какой народъ!). Когда Бригадиръ, которому мы поручены были, по увѣдомленію караульного Офицера пріѣхалъ, то мы ему объявили о угрозахъ Министра и о своемъ намѣреніи остаться съ мапрозами въ казармѣ и ни подъ какимъ видомъ съ ними болѣе не разлучаться, Будьте покойны отвѣчалъ Бригадиръ, Король, а особенно Королева васъ столько уважаетъ, что Министръ не осмѣлился употребить противу васъ насиліе; онъ по печальной для всѣхъ насъ зависимости отъ Англичанъ, старается угрозами побудить васъ къ какому либо безпорядку, дабы представитъ оной Королю, разлучить васъ съ людьми, сдѣлать

пѣмъ угодность Друммонду, а болѣе Торнброу, которому очень хочется имѣть на своихъ корабляхъ Русскихъ мажорзовъ.

Дабы и впредь оградить себя отъ нападковъ Маркиза Чирчелли, на другой же день по болѣзни Капитана пять Офицеровъ пошли во Дворецъ съ прозбою. Королева удостоила принять насъ первыхъ. Когда мы введены были въ ея кабинетъ, Ея Величество уже ожидала насъ у самыхъ дверей, и взявъ бумагу, не читая ее, милоспиво сказала: „объясните мнѣ, въ чемъ ваша нужда, я за удовольствіе почту во всемъ удовлетворить васъ.“ Когда Насѣкинъ въ короткихъ словахъ пересказалъ разговоръ его съ Министромъ, то Королева отвѣчала: „Я не понимаю, почему сдѣлали вамъ эту непріятность: впрочемъ кажется когда опускаютъ Францускихъ Офицеровъ, то они очень охотно даютъ честное слово; но и то правда, что они никогда его и не держатъ.“ Насѣкинъ въ отвѣтъ на сіе осмѣлился представить Ея Величеству, что въ царствованіе Екатерины II, былъ примѣръ, что одинъ Офицеръ находясь въ плѣну у Шведовъ, и давши слово въ продолженіи войны не служить противу ихъ, по прибытіи въ Россію былъ за то оставленъ отъ службы, Ея Величество благосклонно выслушавъ отвѣчала: очень вамъ вѣрю, и сіе ваше обыкновеніе не давши честнаго слова похваляю; но вы у меня не плѣнные; надѣюсь, что вы сами такими себя не почитаете, боюсь одна-

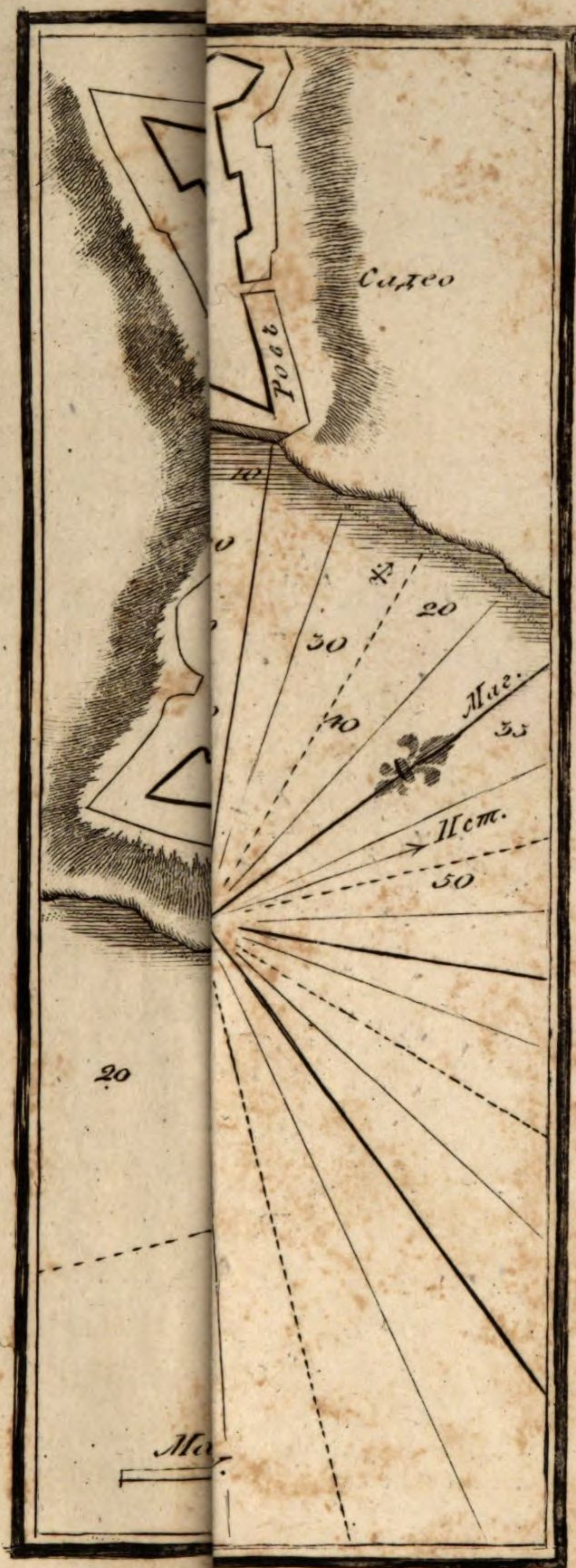
кожъ, не огорчили ли васъ чѣмъ либо болѣе, нежели словами; ибо намъ не возможно Рускихъ почищать своими непріятелями; одинъ Богъ и вашъ Императоръ моя единая надежда; шакъ, одинъ Александръ, продолжала она съ чувствомъ и поднявъ къ небу глаза, одинъ только онъ твердая опора припѣсненныхъ и только ему одному возможно прекратитъ сей хаосъ. . . . Успокойтесь, я опущу васъ безъ всякаго условія, какъ моихъ друзей; выбирайте гавань, куда будетъ способнѣе васъ доставить и вы немедленно отправитесь. Обѣщаніе Королевы было въ точности исполнено; намъ выдали все что слѣдовало, сверхъ положеннаго по нашему морскому уставу. Король за доброе и примѣрное поведеніе людей, которые въ пятидесятичное пребываніе въ Палермѣ, заслужили общую похвалу, пожаловалъ намъ особенно на пухевыя издержки, и наконецъ послѣ многихъ неудовольствій, по желанію нашему, на двухъ нанятыхъ купеческихъ Австрійскихъ судахъ 12-го Апрѣля 1808 года мы отплыли въ Триестъ, гдѣ стояла эскадра Капитанъ-Командора Салпанова. Такимъ образомъ съ честію, съ оружіемъ и барабаннымъ боемъ, перебрались мы на суда, на копорыхъ на большой мачѣ подняли мы Россійской, а на передней бѣлой переговорной флагъ.

На пути отъ Палермы до Триеста.

Нѣчто о Мессинѣ.

При тихомъ вѣтрѣ и пасмурной погодѣ оставили мы Палерму. Обширный городъ сей, въ нѣкоторомъ отъ него удаленіи, представляется въ наилучшемъ видѣ. Гавань, наполненная кораблями, великолѣпныя зданія, обнесенныя стѣною, видъ и всѣ окрестности столицы, въ 10 ми миляхъ отъ оной, имѣющъ прекраснѣйшее положеніе. Въ вечеру мы проходили островъ Успику, напоминающій смѣлостъ Варварійскихъ разбойниковъ и слабостъ Неаполишанскаго правительства. Корсеры обыкновенно приспавали къ сему острову, на коемъ есть солдаты для стражи и небольшая крѣпость для охраненія солдатъ; не смотря на сіе до водворенія Англичанъ въ Сициліи, Алжирцы безнаказанно брали суда въ самой гавани Палермской.

Ночь была прекраснѣйшая, мы плыли съ попутнымъ вѣтромъ и располагали завтра бытъ въ Мессинѣ; но небо опредѣлило иначе и море также. При разсвѣтѣ, 15-го Апрѣля, когда находились мы между Липарскими островами и Сициліею, вѣтръ сильный и противный развелъ большое волненіе, горизонтъ покрытъ былъ мрачными тучами; мы лавировали у острова Липари, гдѣ, какъ говорятъ, Эоль заключилъ въ пещеру вѣтры; но въ этотъ день они были на свободѣ. Шхиперъ нашъ подошедъ весьма близко къ берегу, отъ прибоя волнъ не успѣлъ

поворотить противъ вѣтра (черезъ овершпагъ) и спускаясь по вѣтру чуть не посадилъ судна на камень. Отъ неудачи сей, шхиперъ потерялъ голову; кричалъ, суешился и не зналъ что дѣлать; мапрозы его вынесли la Madonna (образъ Богородицы), поставили ее къ мачтѣ и начали молиться о прекращеніи бури; но въ самомъ дѣлѣ вѣтръ былъ не такъ силенъ; неловкость мапрозовъ и поропливосць шхипера были причиною напраснаго шума. Капитанъ нашъ прогналъ шхипера въ каюту, Италіанцевъ его оставилъ молиться, а своимъ мапрозамъ приказалъ опправлять должностъ. Къ полудню вѣтръ отошелъ, сдѣлался попутный, и мы смотря то на одну, то на другую сторону, наслаждались скорымъ ходомъ, и съ удовольствіемъ глядѣли на свѣжнюю пѣну, которая клубилась и клокошала вокругъ судна. Къ вечеру вѣтръ началъ уменьшаться, мы шли вдоль зеленѣющагося берега Сициліи. На одной сторонѣ мелькали города, деревни и монастыри, а съ другой синѣлись Липарскіе острова, изъ которыхъ четыре извергали дымъ, наподобіе курильницъ, поставленныхъ на гладкомъ сполѣ. Ночь была темна, но тиха и пріятна. Стромболи изрѣдка выбрасывалъ пламя. Видъ сей представлялъ взору такую картину, для изображенія которой трудно найти художника. Изверженіе огнедышущей горы дѣлаетъ сильное впечатлѣніе въ томъ, кто еще не привыкъ къ оному. Непомянутому покажется, какъ Италіанцы

могутъ шутить и весело пѣть близъ оныхъ. Что можешь быть въ природѣ ужаснѣе землетрясенія? Твердѣйшаго гранита горы, коихъ вершины въ облакахъ, до основанія разрушающся, переменяющъ видъ и даже мѣсто, а человекъ, сія персть земная, не смопрятчши на ежегодное разрушеніе вокругъ его распротраняемое, бодрствуетъ прошиву всего, и близъ такихъ горъ спокойно наслаждается жизнью. Должно согласишься, что ничего нѣтъ храбрѣе привычки.

14-го Апрѣля. Когда мы вошли въ Мессинской проливъ и находились посреди пучинъ, вѣтръ, бывшій до сего времени довольно свѣжъ, вдругъ уменьшился. Наше судно, держась ближе къ Фаро, успѣло обойти косу благополучно, другое же, на коемъ находился Лейтенантъ А. М. Мельниковъ съ половиною экипажа, попало въ самой сильной водоворотъ, и было выброшено на Калабрскій берегъ. Французская бапарея, построенная на семъ берегу, не смопрятч на то, что на суднѣ подняты были Россійскій и бѣлой переговорной флаги, открыла огонь сначала ядромъ, потомъ картечью. Въ защиту нашего судна, Англичане начали стрѣлять изъ одной пушки большого калибра, поставленной у маяка Фаро; каждое ядро изъ оной падало прямо на Французскую бапарею. Такимъ образомъ союзники приняли насъ, какъ враговъ, а непріятели, уважая переговорной флагъ, защищали какъ друзей. Оставляю всякому судить, что мы при семъ чувствовали. Хотя

судно спояло уже на мѣли и слѣдовательно было во власпи Французовъ; но они стрѣлять не переставали; почему Капитанъ Андреяновъ послалъ на шлюпкѣ Лейтенанта Насѣкина для объясненія съ Французами. Лейтенантъ, не смотря на ружейный и каршечный огонь, приспалъ къ берегу и тогда съ батареи перешали стрѣлять. Францускій Офицеръ, командовавшій батареею, извинялся, что онъ прешей дивизіи нашъ флагъ почелъ Англинскимъ. Прекрасное извиненіе! Судно повреждено было въ мачпахъ, два Италіанскихъ мапроза, спрятавшіеся въ прюмъ, были тамъ убиты ядромъ; а изъ нашихъ, споявшихъ на палубѣ ни одного не убито и не ранено.

Прибывъ въ Мессину, Капитанъ послалъ меня съ письмомъ къ Англинскому Генералу, командующему гарнизономъ и крѣпостью, просить, чтобы позволилъ посласть нѣсколько лодокъ для снятія судна съ мѣли; если же сіе окажется не возможнымъ, то команду нашу перевестъ въ Мессину, откуда для отправленія въ Тріестъ нанять другое купеческое судно. Я пріѣхалъ сначала на бранвахпу. Капитанъ бранвахшеннаго фрегата сказалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ еще повелѣнія пускать насъ на берегъ, что онъ для испрошенія сего, сей часъ ѣдетъ къ Генералу и можетъ пакесть отъ Капитана нашего вручить ему и немедленно доставить отвѣтъ. Англинскій Капитанъ вскорѣ возвратился и объявилъ мнѣ, что Генералъ охотно согласился удовлество-

ришь всѣ наши желанія; но сомнѣваясь, чѣмъ Французы шакже благосклонно приняли наше предложеніе; ибо они, не уважая ни какого флага, берутъ всѣ суда, какія по несчастію печеніемъ бросаетъ на ихъ берегъ; находилъ за необходимо нужное ошобратъ напередъ мнѣніе Францускаго Генерала, командовавшаго авангардомъ въ Реджіо; и если Капитану нашему угодно для сего сношенія послать своего Офицера; то, для перевозу его въ Реджіо, будетъ дана лоцманская лодка. Лейтенантъ Насѣкинъ въ тошѣже день былъ опправленъ и 18-го Апрѣля возвратился съ неблагопріятнымъ опзывомъ. Францускій Генераль не хошѣлъ вѣришь, что бы Англичане съ добрымъ намѣреніемъ оказывали намъ свои услуги; и думалъ, что за шакое снисхожденіе, они, когда оба судна будутъ въ Мессинѣ, задержатъ оныя и насъ возмутъ въ плѣнъ; и что онъ самъ собою не можешъ рѣшишь на удовлетвореніе прозьбы нашего Капитана. Курьеръ, посланный въ главную квартиру, въ Козенцѣ бывшую, привезъ слѣдующее рѣшеніе главнокомандующаго Генерала Француской арміи: „Авспрійское судно задержатъ, людей же нашихъ, на немъ находящихся, опправитъ чрезъ Неаполь, Римъ и Анкону въ Венецію, гдѣ стоить наша эскадра. Для сопровожденія дашь Францускаго офицера, коему приказатъ, по шребованію Лейтенанта Мельникова, доспавлять все нужное. Въ семъ непріятномъ для насъ обстоятельствѣ, опкрываешся нѣкоторымъ образомъ причина

дѣйствій и поступковъ Англичанъ и Французовъ. Ненависть сихъ двухъ націй, конечно происходитъ отъ самолюбія и соперничества. Кто много думаетъ только о себѣ, тотъ не можетъ быть справедливъ къ другому, и вотъ причина, вотъ источникъ довольно мушный ненависти унижающей оба народа. Англичане винятъ Французскъ; Французы бранятъ Англичанъ; и тѣ и другіе и правы и виноваты. Въ нѣкоторыхъ однакожъ случаяхъ должно оправдать Англичанъ; они иногда уважаютъ права народныя и бывають вѣжливы; Французы, подражая Наполеону, пренебрегаютъ всѣми ушавами и бывають вѣжливы только на словахъ.

Едва мы вошли въ гавань, какъ Графъ Кауницъ (сынъ Министра), Австрійскій Посланникъ при Сицилійскомъ Дворѣ, первый посѣтилъ насъ и предложилъ свои услуги. Капитанъ съ благодарностію оныя принялъ; ибо хощя и оставался въ Мессинѣ нашъ Консулъ Манзо, но онъ будучи частнымъ лицомъ не смѣлъ къ намъ показаться. На другой день мы сами отыскали его кварширу, у него денегъ не было и помощь Графа была очень кспаша.

Приуготовленіе Французовъ сдѣлать высадку на Сицилію, остановило торговлю. Англическіе купцы были въ великомъ безпокойствѣ. Нѣкоторые изъ нихъ колониальные свои товары продавали за безцѣнокъ; другіе, болѣе дальновидные, скупали оныя, и не обманулись

въ разщопѣ. Наполеонъ дѣлалъ великія пріугошовленія въ Калабріи для покоренія Сициліи, точно съ тоюже цѣлію, какъ послѣ Амійенскаго мира, изъ Булони, не имѣя корабельнаго флота, на канонерскихъ лодкахъ (быть можешъ и на воздушныхъ шарахъ) хопѣлъ высадишь войска въ Англію и вдругъ со всею арміею обратился на Австрію; и Сицилія была также только ошводомъ для нападенія на Испанію.

Иждивеніемъ и шрудами Англичанъ, всѣ укрѣпленія Мессины нынѣ приведены въ лучшее сослояніе. Вмѣсто прогулки, я пошелъ осмашривать поршъ и крѣпоспи. Гавань Мессинская (*) подобная ковшу, есть наипрекраснѣйшая по мѣстоположенію, безопаснѣшая по удобности и конечно можешъ почесшься изъ числа лучшихъ въ свѣшѣ. Противу Палацашы, сославляющей полкруга, закрѣпившись канатами за набережную, спояшъ военные и купеческіе корабли. Груншъ повсюду иль, глубина близъ берега къ городу отъ 8 до 35, по средиже гавани простираешся до 60 сажень. Узкая песчаная коса (**), загибающаяся противу набережной также въ полкруга, образуетъ обширной бассейнъ съ единспвен-

(*) Смотри карту.

(**) Баснословные Греческіе писатели повѣствуютъ, что Сатурнова коса, упавъ на сіе мѣсто, начертила сію фигуру.

нымъ входомъ шириною въ 220 сажень. Пучина Харибды, сильнымъ своимъ печеніемъ иногда запрудняетъ входъ въ гавань; но корабли могутъ оспанавливаться и внѣ оной, имѣя только одну оспорожностъ, а именно, когда положатъ якорь, тотчасъ должно укрѣпиться канатами за берегъ; ибо съ онаго вѣтры дуютъ сильными порывами. Карантинное зданіе по назначенію своему построено въ удобномъ мѣстѣ; оно соединяется съ косою подъемнымъ мостомъ. Мессинской фаросъ (маякъ), зажигаемый каждую ночь, посланъ для показанія плаващеламъ ошмѣли *Танхдонѣ*, копорой крайне беречься должно, потому что Харибда, здѣшними жишелами Гарафаро называемая, дѣйствуетъ въ семъ мѣстѣ весьма сильно. Укрѣпленія съ морской стороны составляють сильную защиту; но съ сухаго пути, хотя городъ обнесенъ стѣною и сухимъ ровомъ, а на горѣ построена цитадель, не можетъ однакожъ выдержатъ порядочной осады.

Мессинцы почищаются въ Италіи за наилучшихъ плаващелей въ искусствѣ семъ, они достигли до невѣроятности. Мальчики, на глубинѣ 30 сажень, ныряя достаютъ усприцы со дна моря. Здѣсь рассказываютъ про нѣкотораго Коласа, уроженца сего города, будшобы онъ могъ ходитъ по морскому дну прошивъ печенія, могъ ловитъ рыбу и нѣсколько дней могъ плаватъ, не выходя на землю, ошъ чего и прозванъ былъ рыбою. Если бы произ-

шесствіе сіе не утверждено было многими Сицилійскими писателями, по оное можно бы почесть за баснь Греческаго воображенія. Король Фридрихъ, посѣщая Мессину, желалъ быть очевиднымъ тому свидѣтелемъ. Коласъ учинилъ два опыта, и своимъ долгимъ пребываніемъ подъ водою, привелъ зришелей въ изумленіе. Любопытство Короля стоило наконецъ бѣдному Коласу жизни. Фридрихъ, желая наградишь его, приказалъ большую золотую чашу бросишь въ самую Харибду. Коласъ нырнулъ и погибъ.

Окрестности Мессины очень пріятны; кругомъ города видны прекрасныя гулянья. Дороги въ Палерму и Таормины обсажены пѣнисными деревьями. Возвращаясь изъ Цитадели въ городъ, взошелъ я на вершину одного холма, и остановился, дабы насладиться прелестнымъ видомъ, опшуда опкрывавшимся. Городъ былъ подъ ногами. Проливъ представлялъ глазамъ величественную рѣку, между двумя хребтами горъ медленно текущую. Оба берега покрыты шучными нивами, виноградниками, городами, селами, монастырями и двумя красивыми фаросами. Съ каждой стороны зрѣніе ограничивается высокими горами, одѣшыми плодоносными рощами. Всѣ поля, луга и холмы около Мессины покрыты шучнымъ прилиспвенникомъ, душистыми распѣніями, куспарниками розъ и другихъ цвѣтовъ кошорые наполняютъ воздухъ пріятнѣйшимъ благовоніемъ. Въ самой гавани нѣтъ того

непріятнаго запаха, опъ морской воды происходящаго, который во многихъ приморскихъ городахъ безпокоитъ обоняніе. Сильное движеніе воды въ проливъ конечно тому причиною.

Проходя городомъ, я зашелъ въ одну старую Готическую церковь, что на площади, гдѣ стоитъ монументъ Карла III, отца нынѣшняго Короля Фердинанда IV. Церковь сія украшена Греческою мозаикою, очень посредственнаго вкуса, а нѣсколько спашуй кажутся нынѣшняго дѣла и довольно изрядны. На мозаическомъ полу проведена полуденная линия, раздѣленная на знаки зодіака, и числа. Въ спѣнѣ церкви пробитъ узкій прорѣзъ, лучи солнца проникая въ оный и досягая полуденной черпы, показываютъ вмѣстѣ мѣсяцъ, число и истинный въ Мессинѣ полдень.

Въ Италіи, каждый городъ имѣетъ особенный свой церковный праздникъ. Мессина опличается шоржествомъ, опправляемымъ въ день Успенія, 15-го Августа. Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ былъ очевидцемъ сего спранаго обряда; я предлагаю здѣсь его замѣчаніе. На горѣ, въ концѣ большой улицы, сооружается деревянная машина въ видѣ конуса, вышиною въ 7 сажень. Основаніе машины ушверждено на капкахъ, къ копорымъ придѣланы шесперни, обращающія нижній кругъ, а за нимъ и всѣ другіе круги на одной оси съ нижнимъ укрѣпленные. Машина украшается померанцовыми вѣтвями, цвѣтами въ горшкахъ

и разноцвѣтными бумажками. До сѣмъ мальчиковъ, въ бѣлой длинной одеждѣ съ привязанными на плечахъ крыльями, представляющіе Ангеловъ, сядящія между цвѣтами на горизонтальныхъ колесахъ, изображающихъ небесные круги. На верхнемъ кругѣ, надъ хоромъ Херувимовъ, старецъ въ пурпуровой одеждѣ съ поддѣланною сѣдою бородою представляетъ Вседержителя; подлѣ него сядящія юная дѣва, облеченная въ драгоцѣнныя ризы, какія у насъ пишутъ на образахъ Богородицы; дѣвица, представляющая главное лице, Божію мать, должна быть прекрасна и непорочна; и для сего избирается дѣвица десяти или одиннадцати лѣтъ изъ бѣдныхъ. Народъ, сколько можетъ помѣститься на улицѣ, взявшись за веревки тянущія машину подъ гору къ соборной церкви. Лишь только машина тронется, круги начинаютъ двигаться; представляющіе Ангеловъ, одни поютъ, другіе ѣдятъ апельсины, иные рѣзвящіяся, а большая часть закружившись засыпаютъ. Пушечная пальба возвѣщаетъ начало процессіи, народъ шествующій на главной улицѣ, по коей везутъ машину; набожные бросающіяся ницъ на мостовую, и машина чрезъ нихъ проѣзжаетъ. Изъ оконъ домовъ вывѣшивающія разноцвѣтные шелковые покровы, женщины осыпаютъ цвѣтами машину, она представляетъ видъ огромнаго движущагося замка, занимающаго всю ширину улицы. Процессія сія останавливается на каждаго сѣмъ шагахъ; народъ обращается

къ сидящей на верху дѣвицѣ и становится на колѣни. Оркестры музыки играютъ въ сіе время гимны въ честь Богородицы. По окончаніи обѣдни, когда дѣвица выходитъ изъ церкви, опускается ей честь залпомъ изъ маленькихъ морширокъ, называемыхъ *Масколи*; она ходитъ попомъ по всѣмъ церквамъ и домамъ, гдѣ дарятъ ее деньгами или вещьми на приданое. Въ сей день дѣвица имѣетъ право освободить преслупника, хотя бы онъ приговоренъ былъ къ смерти. Сія дѣвушка вздумала посѣтить и Рускіе корабли. Хотя шаквое посѣщеніе и запрещено Петромъ Великимъ, однакожь ей не можно было отказать, и она получила въ подаяніе гораздо болѣе, нежели другія предшественницы ея въ прежніе годы. По сему сопровождавшіе ее говорили: „*наша Богородица счастлива, что Рускіе пришли къ ея празднику.*“ На другой день два бумажныхъ великана прогуливаются по городу. Одинъ изъ нихъ представляетъ мужчину, другой женщину въ преспиранномъ нарядѣ. Народъ, а болѣе женщины кланяются въ землю симъ бумажнымъ кукламъ. О происхожденіи сего обряда сказываютъ слѣдующее: Когда Графъ Рожеръ завоевалъ Сицилію у Сарациновъ, въ то время находился въ Мессинѣ начальникъ оныхъ съ женою исполинскаго роста, весьма любимый народомъ. Въ честь имъ установлена сія процессія. Непоспѣжимо, какъ въ Каполической землѣ позволяютъ

народу такіа шалости; но вездѣ свои обычаи, ихъ ссуждашь не можно.

19-го Апрѣля. Оспавя Мессину и обошедъ мысъ Спаршивеншо, мы держались близь берега. Вѣтры были тихіе, погода пріятнѣйшая. Эшна три дня была у насъ въ виду; надъ нею неподвижно стояло густое облако дыма. Крупныя и высокія Калабрскія горы, съ обожженными вершинами, касающимися облаковъ; дикія скалы, нависнувшія надъ моремъ; скашы горъ и долины, между ими заключенныя, покрышыя зеленью, плодоносными дубравами, виноградниками, замками, селеніями, монастырями и крѣпостями, разнообразя мѣстоположеніе, предспавляюшъ попеременно веселые и грозные виды. Природа является здѣсь во всемъ своемъ великолѣпіи и богатствѣ и посреди ужасовъ своихъ нравишся взору; но жишь въ сихъ едемскихъ садахъ совсѣмъ другое дѣло. Признаюсь, я чувствую великое отвращеніе отъ здѣшнихъ землетрясеній, и можно ли спокойно оспаваться на такой землѣ, которая почти безпрестанно шрясается подъ ногами? Съ чѣмъ можно сравнишь опасеніе бышь раздавлену собственнымъ домомъ?

23-го Апрѣля прошли Оспраншо и вспупили въ Адриатическое море. Поелику ночью вѣтры дуюшъ здѣсь съ берегу, то держались мы къ оному какъ можно ближе. Тихая ночь при полнолуніи дѣлала плаваніе наше

очень пріятнымъ. Судно, движимое легкимъ вѣтеркомъ, наполнявшимъ верхніе паруса, плыло и уступающіе сгоньки въ хижинахъ на бережныхъ селеніяхъ мелькали, появлялись и исчезали. Иногда подходили мы такъ близко къ берегу, что слышенъ былъ говоръ людей. Матросы наши, ошъ бездѣйствія, собравшись на палубѣ въ кружокъ, пѣли заунывныя пѣсни. Печальные звуки оныхъ, сливаясь съ тихимъ журчаніемъ воды, производимымъ бѣгомъ судна, напоминали мнѣ о милой родинѣ. Кому не пріятно, знакомыми звуками, простыми выраженіями народныхъ пѣсней, переносишься въ опечесство и на минушку забываешь разлуку съ онымъ?

Въ полночь я сошелъ въ низъ, но ошъ жару и духоты не могши уснуть, скоро вышелъ на верхъ. Кто привыкъ плавать на военномъ кораблѣ, тому на купеческомъ суднѣ очень не понравится. Первой уподобишь можно большому дому, имѣющему всѣ удобства и выгоды; вшорое, низкой хижинѣ, гдѣ тѣсно, грязно и все бѣдно. Къ утру 24 Апрѣля вѣтеръ не много посвѣжѣлъ. Волны, по взбѣгая на берегъ, по сливаясь съ онаго, шумомъ своимъ напомнили намъ, что мы должны нѣсколько ошъ берега удалиться. Алый блескъ зари открылъ предъ нами прекрасные виды. На воспокѣ сумракъ уступалъ свѣту; небо горѣло пурпуровымъ огнемъ. Море было гладко, какъ зеркало; на западѣ близъ насъ, видѣнъ былъ низменный берегъ, покрытый

красноватымъ пескомъ. Мы проходили Бриндизи, облака дыма выходя изъ трубъ прямымъ столбомъ, клубились вверхъ. Туманъ лежалъ на опдаленныхъ поляхъ; но лишь солнце показалось на горизонтѣ, видъ сей началъ измѣняться. Земныя испаренія и теплоша верхнихъ слоевъ морской воды, восходя въ окружающій ее холодный воздухъ, подымались къ небу легкимъ прозрачнымъ туманомъ. Золотые лучи солнца, проникая туманъ, разширялись; свѣтъ увеличивался, пары исчезли и по мѣрѣ возвышенія солнца, какъ сквозь флеровой завѣсъ, опдаленные предметы поспешенно освѣщались; мракъ уступалъ свѣту, и наконецъ весь берегъ открылся въ настоящемъ видѣ.

Подъ всѣми парусами, тихо, незыблемо плыли мы извиваясь близъ берега, по обходили мысъ, по входили внутрь небольшого плеса. Неаполитанское Королевство со стороны Адриатическаго моря представляло вѣзору обширную равнину, раздѣленную полями и лугами. Цѣпь Апенинскихъ горъ синѣлась вдали. Провинція Пулія, которую мы проходили, очень плодоносна; изъ нее опускается большое количество пшеницы. Съ великимъ нетерпѣніемъ желали мы видѣть Баръ, гдѣ почіютъ мощи Чудотворца Николая. Небольшой городокъ сей мы проходили очень близко. Въ честь великаго угодника, какъ покровителя плавателей, мы сдѣлали при выспрѣ-

ла, въ монастырѣ отвѣчали на наше привѣспіе звономъ колокола; Италіанцы пали на колѣна, всѣ наши мапрозы также молились. Мы очень жалѣли, что не могли основаться, дабы послужить святому молебень. За Баромъ безпрестанно вѣспѣвались селенія и города, мѣста классическія и любопытныя; но вѣспѣ довольно освѣжѣлъ и мы только глазами мѣрили городъ Канны, гдѣ гордые Римляне были разбиты славнымъ Аннибаломъ. Долина, гдѣ было сраженіе, нынѣ называется *кровавое поле* (Pezzo di Sangue); у Манфредоніи равнина оканчивается горою Санъ Анжело, копорая по высотѣ своей очень издалека открывается и служитъ мореходцамъ лучшею примѣною для опредѣленія мѣста на картѣ.

Изъ Сифантскаго залива, что у Манфредоніи, мы пошли поперекъ Адриатическаго моря. Миновавъ ос. Пелагосъ, перемѣнили путь къ сѣверу и прошедь между островами Сантъ-Андрея и Лисса, спали держаъ вдоль Далматскаго Архипелага. Островъ Помо, лежащій посреди моря, по виду и положенію своему заслуживаетъ особенное вниманіе. Когда море тихо, онъ открывается небольшимъ плавающимъ шаромъ, а по приближеніи къ нему показывается похожимъ на яблоко. Онъ находится къ сѣверу отъ Сантъ-Андрея и къ западу отъ Лезино (*)

(*) Лезина древле назывался Фарія (Pharia): на немъ родился Димитрій Фалерскій.

въ равныхъ разстояніяхъ по 30-ти иш. миль; на многихъ картахъ означенъ далѣе или ближе сего; посему въ пасмурную погоду и ночью крайне беречься должно, дабы не найши на него. Острова Коронаша, Гросса, Премеда, Санего, Юнія и Оссеро (*), съ моря представляющъ одни голые камни, изрѣдка видна на нихъ зелень и признаки обиталищъ. Для кораблей нѣтъ въ нихъ приспаней, но для малыхъ судовъ весьма много. На сихъ по островахъ въ древнія времена жили Либурнійцы, кои на своихъ легкихъ лодкахъ прославились морскими разбоями. Страбонъ повѣствуетъ, что нравы сихъ Либурнійцевъ и вообще всѣхъ Иллирійцевъ не различествовали отъ другихъ варваровъ; они сражались подобно Гетамъ, были очень храбры и долго сопротивлялись Римлянамъ. Когда сіи принудили ихъ перейши на твердую землю въ Далмацію, а потомъ далѣе въ горы, то они для пропитанія своего занялись земледѣліемъ. Наиболѣе обрабатывали виноградъ, а изъ овса дѣлали крѣпкое пиво, называемое *Сабая*. Отъ сего-то Императоръ Валенцій, родомъ Иллиріянинъ, въ насмѣшку назывался *Сабаярусъ*.

(*) Оссеро нѣкоторые древніе Географы называютъ Абсиртіумъ (Absyrtium), и производятъ имя сіе отъ Абсирта, брата Медеи, которая, дабы убѣжать отъ отца своего, за нею гнавшагося, убила на семь островъ брата, и раздробленные члены его разбросала по дорогѣ.

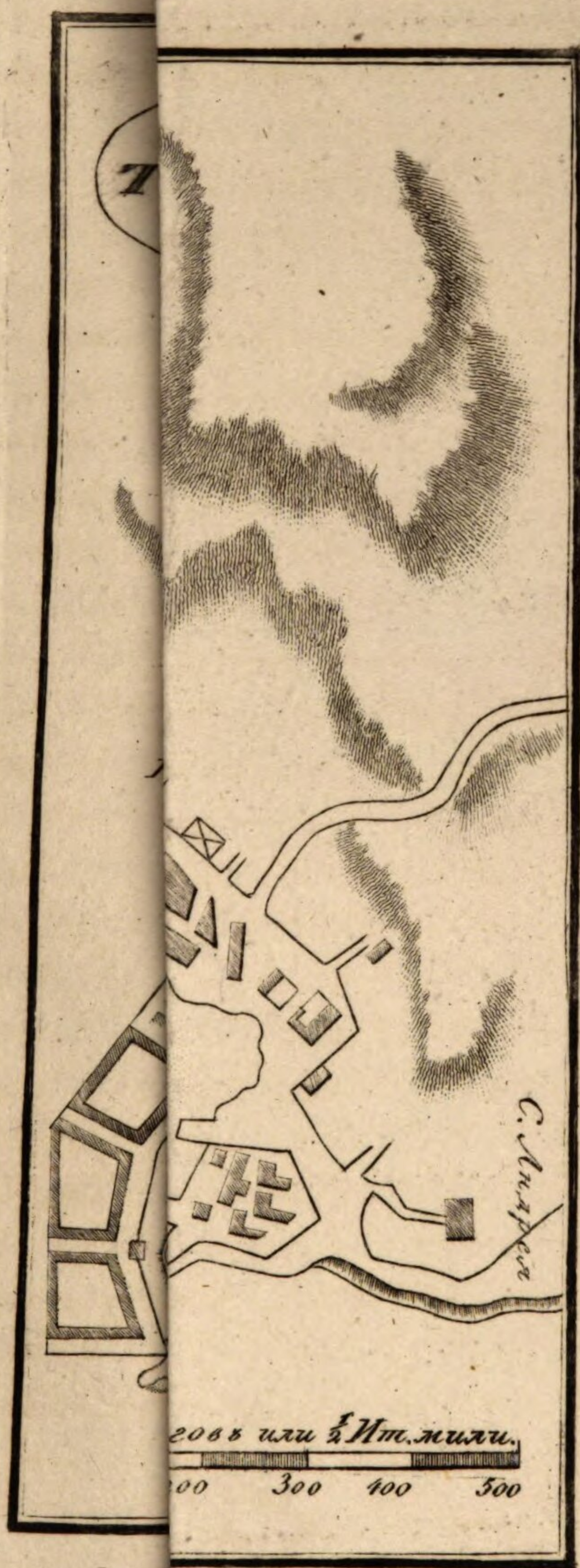
Проходя Поло, (что въ Испріи) близъ ко-
ей еще видны оспашки Римскаго театра, мы
вспрѣшились съ Англинскимъ шендеромъ (*),
блокирующимъ Венецію. Англичане, опросивъ
насъ, пожелали счастливаго пути. Островъ
Лисса, занимаемый Англичанами, предша-
вляетъ великую удобность къ наблюденію все-
го Адриатическаго моря; ибо островъ сей, нахо-
дясъ въ центрѣ моря, имѣетъ весьма покой-
ную гавань (Жоржіо) и небольшую крѣпость
которую защищать можно одною ротой сол-
датъ. Когда обошли мы мысъ Салворъ, и ког-
да открылись Тирольскіе Альпы, столь вели-
чественно облегающіе Италію; то изъ Пирамо,
также для опроса, выходила Французская ка-
нонерская лодка. 30-го Апрѣля, имѣвъ въ про-
долженіе всего плаванія тихіе и переменные
вѣтры, бросили мы якорь въ Триестъ. На рейдѣ
стояла тогда эскадра подъ начальствомъ Капи-
танъ-Командора Ив. Ос. Салпанова. Оную соспа-
вляли слѣдующіе корабли: 1) Параскевія о 74
пуш. Капитанъ-Командорскій. 2) Уріиль 80-пуш.
Капитанъ Мих. Быченскій. 3) Сед-ель-Бахръ
80 пуш. Капитанъ Сульменевъ. 4) Азія 66 пуш.
Капитанъ Бороци; фрегаты: 5) Легкій о 44
пуш. Капитанъ Повалишинъ. 6) Михаилъ о
44 пуш. Капитанъ Снаксаревъ. 7) Корветъ
Діомидъ о 24 пуш. Капитанъ Палеолого.

(*) Малое военное судно съ одною мачтою.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ТРІЕСТѢ.

Портъ и укрѣпленія.

Вѣнскій Дворъ, съ давняго времени, желалъ имѣть военный портъ, искалъ средствъ, дабы что нибудь значить въ числѣ морскихъ Державъ. Полишика его постоянно стремилась къ утвержденію своего могущества силою флота и вѣншною торговлею; но прекрасное сіе предположеніе, по обстоятельству, долго оставалось безъ исполненія. Наконецъ Императрица Марія Терезія, рѣшилась воспользоваться выгоднымъ положеніемъ Тріеста, которой былъ тогда небольшою городъ. Въ 1750 году положено въ немъ основаніе корабельной верфи; построены магазейны для складки товаровъ, казармы, гошпиталь; выданы великія суммы для сооруженія укрѣпленій и другихъ общественныхъ зданій; и въ короткое время Австрійскій флагъ явился на Средиземномъ морѣ и возвѣстилъ о существованіи Тріеста. Въ царствованіе Іосифа II, городъ объявленъ вольною гаванью; множество иностранныхъ и Австрійскихъ купцовъ съ значительными капиталами поселились въ немъ. Произведенія южной Германіи, Леванта, Египта, Италіи и Сициліи обратились къ нему, обогатили и украсили его; и Тріестъ сдѣлался опаснымъ соперникомъ Венеціи, которой торговля съ сего времени начала упадать.

Заливъ, образуемый мысомъ Салвора (что въ Испріи) съ одной, а Венеціанскимъ берегомъ съ другой стороны, называется Тріеспскимъ. Городъ лежитъ въ самомъ углу Адриатическаго моря, по наблюденію, учиненному въ 1806 году Генераломъ Барономъ Цахомъ, въ широтѣ 45 град. 38 мин. 8 сек., и 11 гр. 26 мин. 56 сек. долгошы восточной, счишая отъ Парижскаго меридіана. Поспроенная на опмѣли каменная насыпь (*), съ башареею на краю оной, примыкающая къ старому карантину, мало прикрываетъ гавань отъ морскихъ вѣтровъ, которые разводящъ въ оной неправильное волненіе, причиняющее немалые убытки. Не проходитъ года, чтобы сильными югозападными вѣтрами не разбило отъ 20 до 30 судовъ. Бора, по причинѣ высокихъ горъ, окружающихъ Тріеспъ, дуетъ прямо съ берега съ такою ужасною силою, что не смотря на малую глубину и твердый грунтъ, корабли иногда срываетъ съ прехъ якорей и ломаетъ мачты. Въ зимнее время, Боры продолжаются по двѣ недѣли сряду, и хоша по чрезмѣрной жестокости сего вѣтра волненія въ гавани не бываетъ, но поверхность моря покрывается сѣдою пѣною, брызги, срываемые съ воды, несетъ въ высоту на три сажени. Въ окрестностяхъ Тріеста вѣтеръ сей причиняетъ ужасныя опусхошенія, въ го-

(*) Смотри карту.

родѣ срываешь крыши съ домовъ, на улицахъ опрокидываешь экипажи. Новый карантинъ, или иначе Санша Тереза называемый, определенъ для судовъ, приходящихъ изъ зараженныхъ чумою мѣстъ. Въ бассейнѣ, раздѣленномъ на три части, не болѣе 20 кораблей помѣщаться можешь; глубина его три сажени, а вороша для входу въ оный очень узки. Въ каналѣ, находящемся посреди города, глубины двѣ сажени; въ ономъ суда нагружающа и разгружающа. Нѣсколько пушекъ, поставленныхъ на молѣ сшараго карантина и вокругъ бассейна новаго, защищаютъ городъ и гавань съ морской стороны. Два вѣшкихъ укрѣпленія, называемыхъ цитаделью, построенныхъ на крупомъ холмѣ надъ самымъ городомъ, не могутъ ни себя, ни городъ защитить; ибо подлѣ цитадели есть высопы, господствующія оною, а городъ почти кругомъ открытъ. Смотри на укрѣпленія Тріеста, скажешь можно, что оныя построены для одного вида.

Карантинъ.

Сколь пріятно переходишь изъ страны въ страну, сшоль иногда и малое препятствіе огорчаетъ насъ. Съ крайнимъ непременіемъ считали мы минушы, когда придемъ въ Тріестъ;—пришли—и могли шолько на него сморѣть. Лишь бросили якорь, Карантинный Чиновникъ съ Консуломъ нашимъ Г. Пел-

легрини, объявили намъ непріятную вѣсть, что мы должны цѣлыя при недѣли сидѣть въ карантинѣ и ни съ кѣмъ не сообщаться. Канонерская лодка, защищающая Брандвахтенный постъ, къ намъ приблизилась; спорожъ, называемый здѣсь *Гвардіано*, взошелъ на судно, приказалъ Шхиперу ввести оное въ бассейнъ, а намъ съ людьми перебраться въ старую лазаретъ. Мы повиновались и тотчасъ начали перевозиться. На первомъ дворѣ, куда насъ ввели, было довольно народу, но всѣ отъ насъ бѣгали; самъ нашъ *Гвардіано*, опчаяннымъ крикомъ напоминалъ, чтобы мы не приближались къ чужимъ людямъ. Это сначала насъ забавляло, а потомъ крайне наскучило; ибо ходили за нами, такъ сказать, по пятамъ; малѣйшее движеніе замѣчали и ни на одну минушку не упускали изъ виду. Карантинный начальникъ просилъ насъ убѣдительно съ терпѣніемъ покоряться карантинному уставу; ибо за малѣйшее упущеніе, нарушившій законъ, подвергается лишенію жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть ужаснѣе чумы? Отъ одного зараженнаго не только городъ, но цѣлое государство можетъ пострадать; отъ единого прикосновенія могутъ погибнуть тысячи народа. Посему чрезмѣрная осторожность и строгость есть въ семъ случаѣ благоразумна.

Въ 1812 году, по справедливости названномъ годиною испытанія, когда любезное Отечество наше терзаемо было лютыми врагами, въ то самое время, когда Москва заня-

па была Французами, въ Одессѣ и Теодосіи
 открылась чума. Служа тогда въ Черномор-
 скомъ флотѣ, я былъ по несчастію свидѣтелемъ
 и очевидцемъ печальныхъ слѣдствій сего бича
 человѣческаго рода. Язва, постепенно заража-
 ла всѣ члены тѣла, знаки ея были ужасны,
 распространеніе скорое, слѣдствія почти
 всегда смертельны. Человѣкъ, получившій за-
 разу, сначала чувствуетъ тошноту, круженіе
 головы, потомъ начинается рвота, тѣло по-
 крывается красными пятнами, которыя ско-
 ро чернѣютъ, и когда въ пахахъ покажется
 карбункулъ, (черный чирей), тогда уже во
 внутреннихъ существуетъ антоновъ огонь
 и смерть неминуемо послѣдуетъ. При пер-
 выхъ припадкахъ, человѣкъ лишается разсудка,
 душа теряетъ свои силы, тѣло же кажется,
 получаетъ опъ того новыя, и больной совер-
 шенно ослабленный переноситъ жесточай-
 шія мученія. Сильныя судороги, рвота, непре-
 станное иканіе, бессонница терзаютъ больна-
 го. Но это еще не все: нестерпимый жаръ сжи-
 гаетъ ихъ внутренность; съ воспаленными
 на выкатѣ глазами, сѣсенною грудью, по-
 мершвѣлымъ лицомъ, издавая зловонное дыха-
 ніе, съ запекшеюся на устахъ нечистою кро-
 вью, опчаяннымъ воплемъ требуютъ они во-
 ды, льда и не возмогши утолить палящей ихъ
 жажды, въ испугѣ рвутъ одежды, гры-
 зутъ зубами тѣло свое, и въ бѣшенствѣ валя-
 ются по землѣ. Большая часть умирала въ
 пятый или седьмой день, иные чрезъ

одни или двое супки, а нѣкоторые въ при или чешыре часа. Слабое утѣшеніе тому, кто выздоравливалъ опъ сей болѣзни; онъ представлялъ взору несчастный только остатокъ самаго себя. Анапольцы, вызвавшіеся лѣчить больныхъ, безъ боязни ходили по лазаретамъ, лѣчили разными средствами и замѣчено, что одно лѣкарство производило дѣйствія спасительныя и вредныя; многіе зараженные были однакожъ ими возвращены къ жизни, и ни одинъ изъ сихъ великодушныхъ людей не погибъ. Когда оказались явные признаки чумы; когда городъ окруженъ былъ военною стражею и прекращено сообщеніе съ окрестностями, никакимъ перомъ не возможно описать ужаса, объявшаго жишелей. При началѣ видимы были доспойные подражанія примѣры материнской нѣжності, дѣтской привязанности и великодушныхъ пожертвованій. Изъ многихъ я приведу только одинъ. Полковникъ Ребокъ, примѣтивъ на ребенкѣ своемъ знаки заразы, спѣшилъ подать ему помощь, вымылъ его уксусомъ, употребилъ всѣ другія предохранительныя средства; но скоро почувствовалъ и самъ припадки. Онъ объявилъ о томъ полиціи, заперся въ своей комнатѣ, зашопилъ печку, сжегъ свое платье и все принимающее заразу, и на другой день умеръ. Послѣ такового печальнаго опыта, лишь только въ какомъ домѣ оказывалась чума, тотчасъ полицейскіе служилы, вымазанные дегтемъ, и въ кожаныхъ

плащяхъ, раздѣляли здоровыхъ отъ больныхъ и подъ сомнѣніемъ находящихся. Можешь ли бытъ что жалоспнѣе, когда дѣтя ошривали отъ груди матери, сына ошлучали отъ отца, и почтеннѣйшіе узы не были уважаемы. Было много трагическихъ и чувствительнѣйшихъ явленій. Здоровые одни запирались въ домахъ, другіе жили за городомъ въ палаткахъ и землянкахъ. Городъ обратился въ пустыню; нѣкоторыя дома сожгли, у другихъ выбиты были окна, никто не смѣлъ выйти на улицу и спрашивался встрѣтившись съ другомъ. Одна бѣдная чернь раздирающимъ голосомъ требовала пищи. Въ сіи несчастныя дни умирающему нѣкому было закрыть глаза, и жестокая смерть не извлекала уже болѣе слезъ.

Послѣ многихъ несчастныхъ случаевъ, произшедшихъ отъ дурнаго раздѣленія карантинныхъ въ большихъ торговыхъ городахъ Италіи, Франціи и Испаніи, построенныхъ несообразно назначенію и цѣли оныхъ, можно сказать, что Тріестскій карантинъ, какъ по удобству строенія, такъ и по порядку и чистотѣ въ немъ наблюдаемому, справедливо почищается въ числѣ лучшихъ въ Европѣ. Тутъ все придумано къ лучшему; раздѣленіе комнатъ для людей и магазины для товаровъ сдѣланы такъ, что и при самомъ покушеніи нѣтъ возможности перейти изъ одного отдѣленія въ другое; вездѣ своды, высокія стѣны, рогашки, дворы, / ка-
лишки и замки. Нѣкоторыя подробности о

успройсвѣ Триестскихъ карантинъ, думаю, не будутъ бесполезны многимъ чипашелямъ. Они построены по краямъ города и каждый обнесенъ высокою стѣною. Новый карантинъ раздѣленъ стѣнами на два кваршала. Чумный кваршаль съ кладбищемъ совсѣмъ споймъ особо. Въ другихъ дворахъ чумнаго кваршала, въ одномъ помѣщаются люди, въ другомъ кладутся шовары. Товары и экипажъ одного судна помѣщаются раздѣльно отъ другихъ. Машинеры и пассажиры, если въ числѣ ихъ есть подозрительные, до совершеннаго увѣренія, что они здоровы и чумы въ нихъ нѣтъ, сажаются каждый особо въ комнашу, предъ кошорою есть небольшой дворикъ, запираемый желѣзною калишкою; подлѣ калишки сдѣлано окно, въ которое приспавы на длинной желѣзной лопаши подають пищу. Словомъ сказать, чумной кваршаль представляетъ острогъ. Когда на пришедшемъ суднѣ шхиперъ объявитъ, что у него есть чума, то судно введя въ бассейнъ, тотчасъ разгружаютъ. Товары развѣшиваютъ въ рѣшетчатыхъ сараяхъ. Люди оставя свое платье, (кошорое сжигаютъ), вымывшись, выпригши волосы и окурившись, занимають каждый по одной комнашѣ, гдѣ они находятъ новое платье, курильницу, дрова для камина и все нужное. Судно остается пусное, на немъ открываютъ люки и для лучшаго сообщенія воздуха въ шрюмъ прорубаютъ боршны и каждый день снаружи и внутри обливаютъ морскою водою. Съ хлоп-

чапою бумагою, какъ наиболѣе удерживающею въ себѣ заразительность, поступаютъ съ великою оспорожностію. Каждый пакъ разбирается по споламъ и полатямъ, а пряденая развѣшивается на жердочкахъ въ рѣшетчатомъ магазейнѣ, стѣною огражденномъ. Воротаютъ бумагу каждый день, не входя въ магазейнъ, а сквозь двери или рѣшетку, длинными желѣзными вилами. Къ сей опасной работѣ, равно какъ и къ выгрузкѣ судна, окуриванію онаго и поваровъ каждый день на щепъ хозяина опредѣляющіяся преступники, осужденные на смерть или по согласію для выгрузки поваровъ допускающіяся матросы того же судна. Во второмъ кварталѣ, раздѣленномъ на два двора, назначенномъ для судовъ, пришедшихъ изъ зараженныхъ чумою мѣстъ, сдѣланы такіе же сараи для поваровъ, и такіе же раздѣленія въ домѣ для людей назначенномъ, съ тою только разностію, что экипажъ одного судна, если нѣтъ на матрозахъ ни какихъ признаковъ чумы, помѣщается въ большой комнатѣ. Во второмъ кварталѣ есть часовня, колодезь съ прекрасною водою и особый дворъ, назначенный для сада. Карантинные чиновники живутъ на отдѣленномъ дворѣ. Они входятъ въ чумной и во второй кварталъ особыми дверями, наблюдаютъ вездѣ порядокъ, доставляющъ пищу, но всегда съ тою оспорожностію, что къ больнымъ или выдерживающимъ карантинъ близко не подходятъ. Прислуга и работники чумнаго квартала,

по прекращеніи заразы, не прежде ошпуска-
ются въ городъ, какъ выдержавъ сами каран-
тинъ.

Старый лазарешъ, находящійся на запад-
номъ краю города, опредѣленъ для пассажи-
ровъ и людей пришедшихъ изъ портовъ, въ
коихъ нѣтъ никакой заразительной болѣзни.
На первомъ дворѣ, построено двуэтажный
домъ, раздѣленный на восемь отдѣленій, по
четыре отдѣленія въ каждомъ этажѣ. Че-
тырьмя воротами входящъ на дворъ, кото-
рый перегороденъ на 4 части. Окна нижня-
го этажа обращены на галерею внутри сихъ
дворовъ. Входъ въ комнаты сего этажа так-
же со двора. Входы въ верхній этажъ и окна
онаго обращены на улицу. Такимъ образомъ
въ восьми отдѣленіяхъ могутъ помѣститься
пассажиры съ 8 ми судовъ; а если нужно, то
каждое отдѣленіе можетъ раздѣлено быть на
двѣ части такъ, что въ каждое изъ 16-ти
отдѣленій будетъ особый выходъ. Внутри дво-
ра къ одной стѣнѣ пристроена небольшая
церковь, куда входитъ одинъ только Священ-
никъ; а живущіе въ домѣ могутъ молиться
каждый съ своей галереи, обращенной на
дворъ. Во всякое отдѣленіе помощію трубъ
проведена вода. На второмъ дворѣ стараго
лазареша построено двуэтажное зданіе, раз-
дѣленное на 4 большія комнаты, въ коихъ
помѣщаются люди, принадлежащіе одному суд-
ну. Въмѣсто оконъ сдѣланы въ стѣнахъ жалу-
зи. По очереди позволяющъ выходить для

прогулки на дворъ, наблюдая, чшобы люди одного срока не мѣшались съ другими, кои послѣ или прежде поступили въ карантинъ. Впрочемъ, никто не лишается удовольствія видѣшся съ своими пріятелями. Переговорное мѣсто есть длинный узкой чепвероугольникъ, коего одна сторона опстоитъ опъ другой на 3-сажени; по одну сторону спановашся пришедшіе изъ города, а по другую изъ карантина. Желаящіе говорить наединѣ, входятъ въ домикъ перегороденный двумя рѣшешками, при выходѣ городской жишель подвергается осмотру. Тракширъ построень внѣ карантинной стѣны; сквозь малое окно огороженное рѣшешкою, на желѣзной лопащѣ подающъ кушанье и все, что кому угодно. Вещи, принимающія заразу, прежде должнаго очищенія, изъ карантина не выпускающся.

Въ продолженіе полишическаго нашего заключенія, хопя мы и ни въ чемъ не имѣли нужды, но лишась свободы, терпѣли большую скуку. Послѣ 10 ши дней, нашъ Консулъ Г. Пеллегрини выхлопопалъ и самъ объявилъ намъ о нашемъ освобожденіи. Мы шакъ сему обрадовались, что обнимали Консула и карантиннаго Директора [какъ своихъ друзей, копорыхъ давно не видали. За нами съ эскадры прислали кашеры, и мы опредѣлены были на корабль, Седъ-ель-бахръ, куда команда и офицеры, исключая двухъ, были перевезены.

Взглядъ на городъ.

Опрасль Алпійскихъ горъ, называемыхъ Юліевы, коихъ вершины предсавляющся обнаженными; крушыя скалы, покрышыя зеленью и украшенныя загородными домами, амфиштеатромъ величественнымъ и пріятнымъ, спускающся къ гавани. Мало городовъ сколько дѣятельныхъ каковъ Тріестъ. Большія фуры безпрестанно движущся по улицамъ, обозы одни поднимающся, другіе спускающся подъ гору въ городъ; у Саницы (карантинная контора), гдѣ корабли ошдають и принимаютъ грузъ и въ таможенныхъ магазинахъ, въ кошорыхъ складывають товары для отправленія за границу и во внутрь Имперіи, можно видѣть почти всѣ произведенія Италіи, Леванта, Англіи и Германіи. На биржѣ суепа и сорище такое, какого вообразишь себѣ не можно. Купцы, кошорые спѣшають отправить свои товары, шеряють шерпѣніе ошъ вялости Нѣмецкихъ извощиковъ, множество любопытныхъ толпится на площади, и все эшо вмѣстѣ составляетъ видъ разнообразный и одушевленный. Я шущъ замѣтилъ, что поденщики, называемые здѣсь *факинали*, переносять товары съ приспани на повозки съ ошмѣнною ловкостію. Двое или чешверо изъ нихъ на шеспахъ поднимають тяжелыя бочки и спупая съ ноги на ногу въ ладъ, бѣгущъ съ ними, какъ съ легкою ношею. Свободная шорговля обогатила здѣсь всѣ состоя-

нія гражданъ, особенно ремесленный и прудящійся классъ народа. Въ Тріестѣ не видно нищихъ и все дышетъ изобиліемъ. Какъ въ городъ позволено все привозить, по расщепистые продавцы запрещенныхъ товаровъ, чрезъ тайную продажу оныхъ, не находятъ выгоды дѣлать свои обороты; купцы не имѣютъ нужды прибѣгать къ хитросплетамъ, а таможенные тамошники по необходимости собираютъ (*) и отдають все сполна въ государственную казну, кою симъ благоразумнымъ постановленіемъ пользуешься и выгодами своими ни съ кѣмъ не дѣлишься.

Тріестъ опличается отъ Италіанскихъ городовъ опрятностію и простотою. Наружность домовъ, во вкусѣ новой архитектуры, не уступаетъ лучшимъ нашимъ Петербургскимъ зданіямъ. Жалюзи, коими въ жары закрываютъ окна вмѣсто ставней, придаютъ домамъ особенный видъ. Дворы здѣсь очень малы, многіе дома и совсѣмъ ихъ не имѣютъ, почему хозяева принуждены содержать свои экипажи и лошадей въ общей канюшнѣ построенной за городомъ. Тріестъ раздѣляется на старый и новый городъ, первый расположенъ по горѣ вокругъ цитадели, ули-

(*) Пошлины съ товаровъ, вывозныхъ изъ Тріеста, взимаются только при отправленіи оныхъ въ внутренне города Австріи.

цы въ немъ узки и грязны, дома низки и малы. Тупъ живушъ большею часпію Евреи и бѣдный народъ. Новый городъ построень вокругъ гавани на ровномъ мѣстѣ; въ немъ улицы широки, вымощены плитникомъ и всегда очень чисты. Главная улица, идущая вдоль города, называется (*strada del Ponte Rosso*) улица краснаго моста. Площадь *st. Antonio* украшена хорошимъ водометомъ. На восьми-угольномъ подножіи поставленъ Коринѣскій, сполбъ съ спашуею св. Антонія, вокругъ подножія нѣсколько мраморныхъ фигуръ, кои безпрестанно источаютъ воду. На другой площади близъ канала, водометъ бьетъ воду чрезъ Непшуну спашую. Два сіи фонтана снабжаютъ жишелей прекрасною водою, кошорая подземными трубами проведена изъ водохранилища, находящагося близъ города по дорогѣ въ Боскетто. Театръ, Биржа и домъ Карчіоти, отличаются отъ прочихъ зданій какъ огромностію, такъ и изяществомъ архитектуры. Наружность театра проста; а внутренность и маскарадная зала съ хорами, не послѣднія были бы и въ хорошей столицѣ. Биржа, гдѣ купцы каждый день собираются для своихъ дѣлъ, есть зданіе огромное и великолѣпное. На куполѣ видѣнъ сгарающій фениксъ, окруженный эмблемами торговли. Между красивою колонадою портика, обращеннаго на площадь, стояшъ двѣ колосальныя спашуи, очень изрядной работы. У одной, къ сожалѣнію, носъ

немного поврежденъ. Домъ Карчіопши занимаешъ цѣлой кварталъ по каналу и набережной. Онъ имѣешъ проспую и пріятную наружность; всѣ украшенія онаго составляютъ два портика, поддерживаемые Іоническими колоннами. Въ 1770 году, когда Графъ Орловъ командовалъ флотомъ, сей Карчіопши, избѣгая мщенія Турокъ, оставивъ опечесство свое Морею, со 100 кіаспрами поселился въ Тріесшъ, и торгуя сначала бурками, (*) попомъ служа прикащикомъ, шрудомъ и прилѣжаніемъ пріобрѣлъ въ 30 лѣтъ споль значительный капиталъ, что почищается теперь богашѣйшимъ купцомъ въ Тріесшъ.

Соборная церковь св. Августина, признаемаго покровителемъ города, находящаяся на горѣ близъ цитадели, естъ древнее Готическое зданіе весьма простое и ничѣмъ неукрашенное. Здѣсь всѣ вѣры терпимы, каждое исповѣданіе имѣешъ свою церковь; но оныя вообще очень не богаты; я ни въ одной не замѣшилъ ничего опличнаго.

Въ Тріесшъ спроятся купческія суда. Ошлогоспъ берега замѣняешъ спатели (**) и суда спускающія совсѣмъ вооруженныя. Здѣшніе мастера спроятъ большіе шлюпы и бри-

(*) Матроскій капоть съ капишономъ.

(**) Покатый помость, на которомъ строятся корабли.

ги, очень красиво и прочно. Мачшовые сараи наполнены пилеными деревьями, по большой части кленовыми и масличными, несравненно тверже и легче нашего дуба; доставляемый сюда изъ Далмаціи горный дубъ очень тяжелъ и крѣпокъ. Тріеспскія суда, кромѣ красивой наружности, близкой къ военнымъ судамъ, легки на ходу, и поднимающъ грузу болѣе Идріопскихъ, а менѣе Дашскихъ и Англинскихъ.

Тріеспскіе жители представляютъ смѣсь народовъ. Ихъ составляютъ Нѣмцы, Италіанцы, Греки, Славяне, Французы и Жидаы. Каждый живетъ по своему и вообще очень расчетливо. Кромѣ немногихъ дворянскихъ фамилій, и нѣсколькихъ выходцевъ, опъ всѣхъ краевъ Европы сюда пришедшихъ и здѣсь поселившихся, прочіе граждане занимаются торговлею. Вездѣ множество лавокъ, наполненныхъ товарами. Трудолюбіе и промышленность ходитъ здѣсь съ веселымъ лицомъ. Купечество въ образѣ жизни сообразуется съ дворянствомъ; дѣши ихъ воспитываются наилучшимъ образомъ. Самые небогатые имѣютъ хорошій видъ и обращеніе. Молодые люди честнаго поведенія и прилѣжные къ должности, очень скоро приобретаютъ независимое состояніе. Они сначала опредѣляются къ богатымъ Негоціантамъ писцами, и когда научатся порядку дѣлъ и бухгалтеріи, тогда поручается имъ грузъ одного судна, вмѣсто жалованья опредѣляется имъ десятая часть прибыли. Послѣ одного удачнаго

обороша, они уже имѣютъ маленькой капиталъ, который при каждомъ рейсѣ (*) увеличивается. И такимъ образомъ случается, что чрезъ десять лѣтъ и менѣе, не имѣвшій ни копейки, пріобрѣтаетъ до ста тысячъ рублей.

Двухлѣтнее ваше пребываніе въ Триестѣ доставило намъ многія знакомства; но кромѣ Славянъ, которые принимали насъ какъ родныхъ, мы рѣдко пользовались приглашеніемъ другихъ. Въ лучшихъ дворянскихъ домахъ, гдѣ бывають вечернія собранія, новому гостю, еще не коротко знакомому, покажется очень скучно. Тутъ обыкновенно старушки сядутъ играть въ лото, старики въ карты, молодые люди разговариваютъ о погодѣ или много что о театрѣ. Все это такъ принужденно, что если бы влюбленные не имѣли въ сихъ собраніяхъ полной свободы класаться въ своей любви, нисколько не обращая на себя симъ вниманіе другихъ; то не многіе были бы въ состояніи выдержать столь скучное положеніе. Всего удивительнѣе есть то, что хозяйинъ, хозяйка и дѣти поочередно выходятъ въ другую комнату пошухоньку кушать, а гостей, кромѣ воды, ничемъ не потчуютъ. О благословенная матушка Россія! еслибъ ты была и не мое отечество, я всег-

(*) Рейсъ значитъ возвращеніе судна въ свой портъ. Говорится, на одинъ рейсъ, то есть, туда и обратно.

да бы похвалилъ швое госпепріимство! На-
 прасно мы ищемъ онаго на чужбинѣ, шамъ
 нѣшъ и шѣни Руской привѣпливоспи. Пеше-
 шествовашъ, безспорно, полезно и доспа-
 вляешъ многія разнообразныя удовольствія;
 но жишъ только на своей родинѣ хорошо и
 пріятно.

Приглашашъ въ домъ на завтракъ или о-
 бѣдъ, здѣсь и въ обычаѣ нѣшъ; посему-шо за-
 ведено множество иракшировъ и кофейныхъ
 домовъ; они опъ ушра до вечера наполнены
 людьми. Каждое сословіе купцовъ по націямъ
 имѣешъ свой Казино (кофейный домъ); куда
 собираюшся они чишашъ газетш, пишъ кофе,
 шоколадъ, играшъ въ каршы, на биліардѣ, пол-
 ковашъ о своихъ дѣлахъ и о полишикѣ. Здѣсь,
 какъ и въ Италіи, можно сказать, ведутъ
практирную жизнь. Не многіе держашъ споль
 дома; цѣлыя семейства обѣдаюшъ и ужина-
 юшъ въ респораціяхъ. Женщины также слѣ-
 дуютъ сему обыкновенію и не думаюшъ, что-
 бы это было для нихъ неприлично; напрошивъ
 онѣ находяшъ въ семъ много выгодъ. Тупъ пре-
 лести ихъ всегда на позорищѣ, кокецство въ
 дѣйствіи, и умъ ихъ пріобрѣтаешъ шу гиб-
 коспъ и свѣтскоспъ, кошорыя научаешъ ихъ
 ни опъ чего не краснѣшъ и все обращашъ въ
 шутку или смѣхъ. Красавицы придумали какія-
 то общія выраженія, съ помощію коихъ и
 обыкновенный ихъ разговоръ дѣлаешся пріят-
 нымъ и занимательнымъ.

Отъ образа жизни, какую здѣсь ведутъ женщины, происходишь, какъ мнѣ кажется, другой обычай, достойный замѣчанія. Чтобы избавишься шума и крику и бышь болѣе свободною, машь (не думаю однакожь, чтобы всякая) дѣшей своихъ съ ушра опиущаетъ съ нянькою въ пансіонъ, въ кошоромъ за весьма умѣренную плату, оспаюпся онѣ весь день, а ввечеру возвращаются домой. Я любилъ смотрѣть на сіи *магазинны дѣтей*. Представте себѣ группу прекрасныхъ малютокъ шрехъ, чепырехъ и пяти лѣтъ, ползающихъ и прыгающихъ на мягко наспланномъ ховрами полу, и дабы они падая не могли ушибишься, по и спѣны на аршинъ отъ пола пакже обипы. Дѣвочки большихъ лѣтъ, подъ надзоромъ мадамы, въ другой комнашѣ занимаюпся рукодѣліемъ, къ какому кошорая способна; другія рѣзвяпся или играютъ въ куклы.

Боскетто-Сант-Андреа.

Въ Тріеспѣ мы имѣли всѣ удовольствія, какія можно найши въ большихъ городахъ. Театръ, балы, маскарады и прогулки въ Боскетто и Сант-Андреа, въ продолженіи года слѣдуютъ одни за другими. Наемныя кареты и коляски хотя и очень дешевы, но ихъ употребляютъ только въ дурную погоду; ибо дамы не спыдятся здѣсь ходишь пѣшкомъ. Чтобы не потеряшь ниши обыкновеннаго время препровожденія, я начну съ

лѣшнихъ прогулокъ и кончу зимними увеселеніями.

Лѣтомъ на восходѣ солнца торговки въ крахмаленныхъ чудныхъ чепцахъ, расставляющъ на площади столики и скамейки, раскладываютъ на нихъ зелень, плоды, сливки, масло и мягкіе хлѣбцы разныхъ видовъ и формъ. Хозяйки въ упренномъ неглижѣ, сопровождаемыя горничными съ корзинками и кувшинчиками въ рукахъ, приходятъ для покупки; за ними являющіяся молодые люди и площадь скоро обращается въ залу собранія. Ходящъ взадъ и впередъ, разговаривающъ, кавалеры предлагающъ дамамъ свѣжіе плоды или приглашающъ въ кофейной домъ, и часто чашка шоколада доставляетъ неожиданное знакомство. Должно однакожъ признаться, что шутъ предпочтительнѣе гоняющъ за милостивыми служанками, которыя очень искусно успѣваютъ для своихъ госпожъ покупашъ запасъ для обѣда на щепъ волокишъ. Бѣлокурокы, съ голубыми глазами и розовыми щеками Нѣмки, съ своею холодношью и скромношью, много выигрываютъ у живыхъ и ловкихъ Испаліанокъ, и скорѣе пріискиваютъ себѣ паспушковъ. Впрочемъ и шѣ и другія, сколько я могъ замѣтить, не возвращающъ домой съ пустыми корзинками.

Каждый праздникъ, въ Боскешто, небольшой рошѣ, находящейся въ двухъ верспахъ отъ города, собирается множество людей. Одни, сидя въ кругу, услаждаютъ вкусъ мо-

роженымъ, жареными цыплятами, спаржею и сладкими пирожными, курятъ табакъ и пьютъ пиво, другіе, по дорожкамъ скромно прогуливаются съ своими семейспвами, иные, сидя подъ шѣнію деревъ, читають, не удоспюивая проходящихъ взора своего. Молодые поселянки, однѣ продають свѣжія сливки, масло и плоды; другія на лугу кружашся въ караводахъ или вальсируютъ; дѣвочки, въ красныхъ корсетахъ, подносятъ тому, кто имъ приглашенъ, букетъ цвѣтовъ; музыка въ разныхъ мѣстахъ гремитъ, танцующіе платятъ музыкантамъ по два гроша. Въ трактирѣ читають газетны, шутятъ, пють вино или играютъ на биліардѣ. Все это вмѣстѣ представляетъ простой сельской праздникъ. Не доходя Боскешто, спрѣляютъ изъ ружей въ цѣль, шутъ гарнизонные офицеры, большею частію шучные собою, съ философскимъ взоромъ, и гордымъ видомъ, насмавляютъ молодыхъ негоціантовъ очень щеголевато одѣтыхъ, какъ держатъ ружье, какъ прицѣливаются и проч. Днемъ дамы и кавалеры ходятъ только одни за другими, молчатъ и довольспвуются одними взорами; къ вечеру же, когда лучшая часть публики разъѣдешся, между оставшимися начинаются разговоры и скоро водворяется щасливое согласіе. Когда музыка умолкнетъ и сумракъ вечера увеличитъ шѣни въ рощѣ, повсюду начинаетъ показываться пара за парой, и скорыми шагами скрываются они въ разные спороны; одни

идуть на гору, другіе подъ гору, иные возвращаются по дорогѣ въ городъ, а другіе, сѣвши въ наемную карету, ѣдутъ далѣе въ лѣсъ. Не столь щасливые, съ электрическимъ потрясеніемъ въ сердцѣ, кланяются красавицамъ очень низко, и если у которыхъ изъ сихъ нѣтъ чего дурнаго въ мысляхъ, то она покраснѣвши, или взглянувъ важно, или пошупивъ глаза, или отворотившись, краснорѣчивымъ молчаніемъ изъясняетъ отказъ. Если же которая взглянетъ умильно и ласково, то предлагая ей услуги проводитъ домой или ивши въ пражиръ вмѣстѣ ужинаетъ. Здѣсь и самыя записныя прелестницы не иначе сданы, какъ только тому, кто имъ понравился, или наконецъ тому, кто имъ надоѣстъ своею рѣшительностію. Въ Триестѣ довольно сего рода Вакханокъ; но онѣ не нападаютъ какъ фуріи на проходящихъ, напропивъ имѣющъ свой тонъ, вкусъ, разборчивость, и въ своемъ классѣ могутъ почесаться насмоящими смиренницами. Здѣсь живость и пылкость Испаніанская примѣтно умѣряется Нѣмецкою холодностію. Природныя Триестянки или пріѣзжающія изъ окрестностей, такъ свѣжи лицомъ, такъ бѣлы и румяны, что если вспрѣвшись счастливый случай, то по неволѣ обрадуешься.

Въ Сант-Андре ходятъ прогуливаться всякой день, лѣтомъ ввечеру, зимою въ полдень. Тутъ нѣтъ ни сада, ни рощи и ни какой зелени. Прослая дорога идешь близъ

берега ; видъ на море отсюда очень хорошъ, и по сей причинѣ и по близости мѣста сего отъ города, собирающіяся шуда гуляшъ лучшія общества. Кромѣ устрицъ, только что пойманныхъ, молодого вина, называемаго Рифоско (Rifosco), вѣпчины, сыру и пива, которыми подчиваютъ въ небольшемъ прачширѣ съ двумя комнатами и о двухъ эшажахъ, ничего другаго доспать не можно ; нѣтъ никакихъ другихъ увеселеній. Сюда ходяшъ только для того, чтобы ходишъ, видѣшъ море и корабли.

Окрестности Триеста очень пріятны, вокругъ видны сады и уюнные загородные дома. Въ нѣкоторыхъ садахъ я видѣлъ много сшашуй ; въ одномъ кажется было оныхъ болѣе, чѣмъ деревьевъ. Въ убранствѣ домовъ не видно роскоши. Вкусъ здѣшнихъ господъ ограничивается проспошою и опрятствомъ. Я часшо выходилъ за городъ любовашъся прекраснымъ его положеніемъ. Зеленые холмы, за ними дикія голыя горы на одной сторонѣ, и величественный городъ и грозный видъ на морѣ съ другою, составляющъ великолѣпную картину. Здѣсь въ большемъ употребленіи шакъ называемый *Пикникъ*. Небольшое число пріятелей, соглашающіяся провести день въ какой либо деревни. Приглашающъ дамъ, и каждый, въ назначенный часъ, пріѣзжаетъ на мѣсто съ узломъ, въ коемъ, по условію, должно бышъ или жаркое или пирожное, вина и конфекшы. Дамы обязывающіяся привозишъ только то, что

своими руками они могутъ пригото­вить. Кавалеры должны доставлять вина и шому подобное. Располагаются въ какой нибудь хижинѣ, въ саду или на лугу. Одна изъ дамъ избирается хозяйкою; она повелѣваетъ всѣмъ и каждый дѣлаетъ то, что умѣетъ. Одинъ носитъ воду, другой рубитъ дрова, претѣтъ жаритъ арпишоки или накрываетъ столъ. Въ сихъ занятіяхъ прекрасная женщина все одушевляетъ; съ какимъ удовольствіемъ каждый старается угодить ей. Отъ ея взора, кажется, и садъ безъ тѣни, и лугъ безъ зелени получаютъ новыя прелести.

Т е а т р ъ.

Быть въ Италіи и не сказать чего нибудь о театрѣ, о шомъ удовольствіи, которое есть лучшее и пріятнѣйшее времяпрепровожденіе, было бы не просишельно. Италія по справедливости должна назваться опечесивомъ театральныхъ зрѣлищъ. Здѣсь чествуютъ славнаго пѣвца или пѣвицу болѣе, нежели индѣ искуснаго и счастливаго Генерала. Актеры раздѣляются на классы; они воспитываются въ театральныхъ Академіяхъ; первокласные служатъ образцомъ хорошаго обращенія. Знаменитѣйшіе Господа принимаютъ ихъ въ своихъ домахъ съ отлич­нымъ уваженіемъ, и всѣ другіе считаютъ за честь имѣть актеровъ въ своемъ обществѣ. Въ Италіи въ рѣдкомъ городѣ нѣтъ театра,

лучшіе только принадлежатъ правительству, прочіе строятся и содержатся или по подпискѣ или однимъ частнымъ лицомъ. Сіи послѣдніе почти всегда разоряются; ибо наемъ ложъ, креселъ и мѣстъ въ партерѣ очень умѣренъ. Въ Триестѣ, когда червонецъ ходилъ по 18 флориновъ (*), за входъ въ партеръ брали 48 крейцеровъ (48 коп.), ложа въ первомъ ярусѣ стоила 5 рублей; для бенефисовъ цѣна не возвышается, но при входѣ въ театръ каждый даетъ актеру сколько разсудитъ. По причинѣ низкой цѣны за входъ, театры всякой день бывають полны и актеры самые посредственные получаютъ достаточное жалованье. Первокласные же, по мѣрѣ ихъ искусства, опъ однихъ бенефисовъ въ короткое время пріобрѣтають большое состояніе. Вопръ почему хорошаго пѣвца или пѣвицу рѣдко можно слышать внѣ Италіи; ибо въ семъ царствѣ изящныхъ искусствъ умѣють цѣнить и поощрять таланты.

Трагедіи ограничиваються представленіемъ оперъ Метастазіевыхъ, изъ которыхъ выпускаются аріи. Сочиненія другихъ авторовъ суть слабыя подражанія или переводы. Трагедіи Метастазія наполнены высокими мыслями, и трагическими красотами; стихи его благородны и величественны; въ нихъ столько же гармоніи, сколько въ музыкѣ, и столько

(*) Рубль.

нѣжности, что его оперы могутъ служишь образцемъ для спиховорцевъ нѣжнаго и понкаго вкуса. Сколь ни славны творенія Метастазія, но если трагедія должна порогашь или ужасашь душу важностію приключеній, чрезвычайными, но не романическими положеніями, то Италіанская Мелпомена должна уступить преимущество Англинской и Нѣмецкой. Кажется хладъ сѣвера болѣе способенъ производить истинныхъ трагиковъ, нежели благораспоренный воздухъ юга. Для трагедій Метастазіевыхъ до сего времени не было въ Италіи хорошихъ актеровъ и, кажется, не будетъ; они рождены для оперъ. Сколько мнѣ ни случалось видѣшь актеровъ, хорошими здѣсь называемыхъ, они были всѣ очень посредственны. Большею частію говорятъ съ большимъ напряженіемъ, въ поступи ихъ и шлодвиженіяхъ есть нѣчто благородное, но слишкомъ много живости, кажется они очень поропаясь кончить, въ чемъ и правы. Италіанская публика не весьма уважаетъ трагедіи и драмы; во время представленія оныхъ прѣзжаютъ въ театръ не для того, чтобы слушать, но чтобы видѣться съ знакомыми. Обыкновенно, по окончаніи представленія, театральная дирекція разыгрываетъ лотарею, удерживая для себя изъ собранной суммы четвершую или пятую часть. Тутъ зрители, опивѣчая или спрашивая, какой номеръ вынулся, сами спановаятся актерами.

Комедіи Гольдонія, называемаго Ишаліанскимъ Мольеромъ, имѣють много жару въ дѣйствіи и связи въ произшествіяхъ, но для Ишаліанцовъ, какъ они сами замѣчаютъ, мало комическаго. Сочиненія другихъ авторовъ также хороши, но слабы прошиву Гольдоніевыхъ. Въ Ишаліи вообще мало актеровъ съ истиннымъ талантомъ, но буфовъ, самыхъ смѣшныхъ и презабавныхъ очень много. Оригинальные и чудные въ своемъ родѣ фарсы, гдѣ Арлекинъ играетъ славную роль, есть по истиннѣ снранное произведеніе веселаго ума. Въ сихъ національныхъ комедіяхъ, большею частію только четыре дѣйствующихъ лица: *Сьіорѣ Панталоне*, богатый Венеціанскій купецъ въ маскѣ съ большимъ краснымъ носомъ; *Бригелла* слуга; *Арлекинѣ*, въ дурацкомъ пестромъ плащѣ, съ валенымъ колпакомъ на головѣ, въ черной полумаскѣ и съ деревянною шпагою за поясомъ. *Кололибина*, постоянная его пріятельница. Роль Арлекина трудна по тому, что онъ какъ любимое чадо публики, долженъ всѣми родами шутокъ, испорченнымъ Ишаліанскимъ нарѣчіемъ, во что бы ни стало смѣшить зритель, и должно отдавать имъ справедливостъ, что они очень хорошо въ этомъ успѣваютъ. Во время сихъ представлений, рукоплесканія почти не умолкаютъ и Арлекинъ заслуживаетъ и пріобрѣтаетъ оныя, какъ говорится, въ потѣ лица своего; ибо большею частію они говорятъ роль свою собственно отъ себя, не заимствуя отъ

сочинителя. Это однакожь не такъ трудно, какъ сначала показаться можетъ; Арлекинъ за-тверживаетъ десятка два или при самыхъ глупыхъ, низкихъ, простонародныхъ шутокъ, по-ловицъ и острыхъ словъ, въ которыхъ споль-много двумысленнаго, сполько оскорбитель-наго для женщинъ, что, я не понимаю, какъ имѣющъ терпѣніе ихъ слушать. У насъ, ко-нечно, запрешили бы ихъ и въ лубошномъ теа-трѣ подъ качелями. На примѣръ, Арлекинъ объясняется въ любви Коломбинѣ самымъ не-обыкновеннымъ образомъ, и когда она ему оп-казываетъ, онъ хочетъ умертвить себя. За-труднясь въ выборѣ рода смерти, по обык-новенію Арлекиновъ, пришворяясь всегда го-лоднымъ, глуповатымъ и шрусомъ, онъ пишетъ себѣ надгробную самую непристойную. . . . Обращеніе его съ Коломбиною слишкомъ без-церемонное, онъ ее обнимаетъ и бьетъ дере-вяною шпагою или руками по чему бы ни попало Острыя слова Арлекина большею частію ограничиваются сравненіями, иногда самыми плохими. Однажды рассказывая по-варищу своему Бригеллѣ, какъ онъ укралъ капошъ, лежавшій въ одномъ домѣ на постелѣ, капошъ сей уподобляетъ онъ женщинѣ и пу-блика ему аплодируетъ Впрочемъ такое безстыдство актеровъ ни мало не удивишель-но; ибо и въ обществахъ говорятъ очень воль-но, хотя и не воевѣхъ вообще; ибо благовос-питанные Испаліанцы въ разговорахъ своихъ строго наблюдаютъ благопристойность. Я

не смѣю упоминать о родѣ кляшвы, на которую и дамы отвѣчаютъ такого же рода восклицаніемъ безъ малѣйшаго замѣшательства. Многіе Арлекины очень хорошо и легко танцуютъ, и въ семъ родѣ я видѣлъ пресмѣшныхъ и забавныхъ. Въ роляхъ Арлекина бывають фарсы испинно комическіе. Всего забавнѣе видѣлъ его Королемъ. Представте себѣ, что Арлекинъ сидитъ на тронѣ, судитъ народъ, распоряжаесть; но по какому-то случаю несутъ мимо его блюдо съ макаронами и Арлекинъ забываетъ, что онъ Царь, спремглавъ оставляетъ престоль, съ жадностію бросаесться на любимое свое кушанье и оставшееся на блюдѣ кладетъ въ карманы на запасъ.

Спросить къ театральнымъ зрѣлищамъ до того въ Италіи распространилась, что и самый Каполицизмъ ей уступаетъ. Въ великій постъ представляють комедіи, драмы или Трагедіи: право не знаю какъ ихъ называть; ибо они ни то, ни другое. Піэсы сіи заимствуются изъ Библіи или изъ житія святыхъ. Я видѣлъ на театрѣ св. Терезу; содержаніе піэсы было самое грѣшное; были явленія противныя вкусу и нравственности. Непонятно, какая цѣль, какое намѣреніе было сочинителей подобныхъ симъ *Трагико-комико-драмъ*? весьма полезно, ежели христіанскія добродѣтели, искреннее покаяніе угодниковъ Божіихъ описываются въ наилучшемъ видѣ, искуснѣйшимъ перомъ; но пороки, погрѣшности ихъ, какъ мірскихъ людей, выведенные на сцену предъ

взоры публики, оскорбляютъ вѣру и вѣрующихъ. Можно ли безъ нарушенія должнаго уваженія къ святынь, безъ нарушенія пристойности видѣть на сценѣ распутную женщину, сгарающую порочною страстію, кающуюся тогда уже, когда грѣхъ ее оставилъ; видѣть свящую въ первомъ дѣйствіи бесѣдную съ любовникомъ, а въ послѣднемъ отказывающуюся отъ суеты міра сего, и наконецъ видѣть ее при смерти окруженною Ангелами, черпями и вмѣстѣ арлекиномъ. Конечно, шаховыя піесы суть порожденіе вольнодумства, и порожденіе самое безобразное.

Въ прагическихъ операхъ, Италіанская музыка являеца въ своемъ блескѣ. Тушь чувства, производимыя прагическими явленіями очаровываются согласіемъ музыки. Трагическая опера, по декораціямъ столь близкимъ къ натурѣ, и по своимъ блестящимъ одеждамъ, безъ всякаго увеличиванія, по испинѣ есть нѣчто весьма великолѣпное. Мало городовъ, которые могли бы собрать нужныя издержки для сихъ представлений. Велюппи, первый Сопрано, получалъ въ Тріестѣ за каждое представленіе 1000 флориновъ; изъ 40 представлений два бенефиса и сверхъ того экипажъ, споль на шесть персонъ и гардеробъ. На декораціи и одежды не щадящъ издержекъ. Къ сожалѣнію самыя богатые костюмы иногда не приличествуютъ представляемому лицу; но главный недоспашокъ сихъ оперъ есть тошъ, что Сопрано, такъ названные полuche-

ловѣки, занимающіе первую степень на театръ, по своей тѣлесной нестройности и болѣе женскому, нежели мужскому голосу, совсѣмъ неспособны представлять роль знаменитыхъ героевъ древности. Всего страннѣе, пока къ тому не привыкнешь, покажется то, что герой уже заколовшійся и умирающій продолжаетъ пѣть такъ громко, что голосомъ своимъ покрываетъ и громъ оркестра и громъ рукоплесканій. Спрасть къ пѣнію была причиною обычая жестокаго и безполезнаго. Родители, забывая природу и человѣчество, желая доставить дѣтямъ своимъ славу и богатство, отдають ихъ въ театральныя Академіи, гдѣ изъ 20 жертвъ, едвали удаются двѣ съ хорошими голосами. Сіи полу-мушны имѣють всю силу и звонкость мужскаго и всю нѣжность и гибкость женскаго голоса. Велюппи, воспитанникъ Санъ-Карловскаго въ Неаполѣ театра, первокласный Сопрано, удивлялъ Тріестъ своими героическими аріями; въ нѣжныхъ и любовныхъ онъ оказывалъ верхъ искусства; рулады, его, трели, пониженіе и возвышеніе голоса столько необыкновенны силою, пріятностію и выраженіемъ, что по окончаніи имъ лучшей аріи осыпають его изъ ложъ цвѣтами, конфетками и бросають на сцену кошельки съ червонцами. Но признаюсь, я не всегда былъ согласенъ съ сими воспоргами паршера; мнѣ казалось, что если бы Велюппи въ нѣкоторыхъ выходкахъ своихъ пѣлъ болѣе обыкновеннымъ голосомъ, то онъ съ

своимъ искусствомъ, скорѣе и лучше пронуль бы сердца слушателей. Велюппи не только пѣніемъ, но и самою игрою пріобрѣлъ себѣ славу; два шаланпа, копорые рѣдко бывають вмѣстѣ; ни одна лучшая пѣвица не смѣла на театръ пѣшь съ нимъ вмѣстѣ. Корея также, какъ и онъ, соспоя въ первомъ классѣ, рѣшилась наконецъ соспязаться съ нимъ, и можетъ бышь опять ошибаюсь, но думаю, что никакой полу-мущина не можетъ пѣшь съ такою душою, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ она въ трагедіи (Траянъ въ Дакіи) пѣлась съ нимъ Арію: (*Se tu mi lasci, o caro, io moro, nel tu opartir mi sento, mi sento morir*). Если ты меня оставишь, о милый другъ мой, я умру, разспаваясь съ побою чувствую, чувствую уже смерть въ груди моей. Представше себѣ Корею, высокаго роста, спашную и полную женщину, въ великолѣпной царской одеждѣ, осыпанную жемчугами и драгоценными камнями, прелестную, въ горести и слезахъ, имѣющую голосъ сладкій, пріятный, нѣжный, выразительный, и судите, можетъ ли какой бы то нибыло полу-человѣкъ такъ сильно пронуль, пошряспи, сердце? Можетъ ли самъ Велюппи не усшупить преимущества госпожѣ Сеси (*Imperatrice Sessi*), когда она поетъ въ оперѣ (Меропа) Арію: (*Carì mei figli venite!*) Милыя дѣти! придише въ мои объятія

Опера Буфа есть можетъ быть лучшее украшеніе Италіянскаго театра. Въ сихъ

операхъ выводяшъ на сцену всѣ сцѣпленія хипроспей любви и волокишства. Одинъ въ нихъ недоспашокъ, что разговоры, которые поюшъ на распѣвъ (recitativo), крайне утомительны и скучны. Слова въ аріяхъ часто не имѣюшъ никакого смысла, но при громѣ прекрасной музыки, къ щаспію, никшо ихъ не слышишъ. На каждую изъ сихъ оперъ сочинено по нѣскольку музыкъ славнѣйшими Композиторами. Доспоинство музыки въ операхъ и балешахъ споль велико, что оно только одно превосходишъ всѣ другія. Ишаліянцы рождены музыканшами; они имѣюшъ отъ природы нѣжнѣйшія чувсхва къ музыкѣ и шо, что у насъ пріобрѣшаешся ученіемъ, у нихъ, даже у простаго народа, кажешся природнымъ. Таланшъ сей у Ишаліанцевъ никшо оспоривашъ не можешъ; музыка ихъ въ превосходной степени изображаешъ нѣжностъ, любовь, печаль, страхъ и ревностъ; но въ другихъ болѣе героическиххъ спрасяхъ, есть нѣчто помное, женоподобное; и если Ишаліянцы успупаюшъ Французамъ въ военныххъ маршахъ, Нѣмцамъ въ нѣкоторыхъ шрудныхъ піесахъ съ варіаціями, то они во всѣхъ другихъ родахъ музыки далеко ихъ превосходяшъ. Искусство музыкальное конечно наиболѣе Ишаліанцамъ обязано своимъ совершенствомъ.

Балешы не успупаюшъ въ славѣ операмъ. Блеспящія одежды, превосходныя декораціи, а болѣе всего, неподражаемая небесная музыка, пріятнѣйшимъ образомъ дѣйствуюшъ на

зришеля. Первокласные танцоры и танцовщицы, легкостію и пріятностію движеній очаровываютъ взоры; паншомима ихъ имѣетъ чувства. Извѣстные *гротески* легки, смѣлы и сильны; имъ удивляющся и повсюду похваляютъ; но мнѣ не нравятся ихъ шакъ называемые смерпные скачки (*Salto mortale*). Они мѣшаютъ наслаждаться танцами вѣрокладныхъ танцовщицъ. Сіи театральныя Граціи прекрасныя, стройныя, полуобнаженные, весьма опасны для сердецъ. Взоры опличаютъ одну за другою. Сердце не можетъ избрать, не можетъ одну другой предпочесть, и воображеніе представляетъ чувствамъ, каждую изъ нихъ попеременно красавицею. *Розина*, первая дѣвица оперы Буфо; и *Королина*, первая танцовщица, какъ роза и лилія между цвѣтами, опличались опъ прочихъ красою и вмѣстѣ непорочнымъ поведеніемъ. Нѣтъ правила безъ исключенія, и въ Италіи есть 17-ти лѣтнія милыя актрисы, осмѣливающіяся не любить. Басси, первый Буфъ въ оперѣ, превосходный актеръ, какихъ въ Италіи мало. Онъ Фениксъ въ своей роли. Шутки его исполнены остроумія, въ нихъ нѣтъ ничего непристойнаго; двусмысленныя слова онъ никогда не договаривалъ, краснорѣчивая его паншомима дополняла наилучшимъ образомъ то, что ему должно было сказать, и милыя дѣвицы могли восхищаться его игрою, могли смѣяться опъ души, не имѣя причины краснѣть опъ сшуда. Въ оперѣ Пертаншино, Басси опли-

чался пѣніемъ; въ другой же оперѣ, гдѣ онъ игралъ роль Дурандо, превосходилъ всѣхъ и игрою и пѣніемъ. Въ наше время въ Тріестѣ были лучшія, самыя дорогія труппы. Выходя изъ театра, копорой посѣщаль всякой почти день, я чувствовалъ себя всегда въ хорошемъ расположеніи.

Театральныя труппы обыкновенно нанимаются на два или на три мѣсяца; въ продолженіи сего времени по 40 представлений сряду, исключая комедій и трагедій, играется одна и таже пьеса; по сему - по избираемыя актерами новыя пьесы для своихъ бенефисовъ, очень много выигрываютъ. Каждая труппа имѣетъ своего Профессора музыки или композитора танцовъ или поэта. Сей послѣдній есть самое жалкое и бѣдное твореніе. Я не смѣю объявить обыкновенную цѣну, платимую за ихъ оперу Буфо, ибо тогда принужденъ буду сказать, что творенія сіи и того не стоятъ. Они обыкновенно выбираютъ по нѣскольку актовъ изъ лучшихъ сочиненій, и на скорую руку сшиваютъ нѣсколько дѣйствій вмѣстѣ. Превосходная музыка замѣняетъ собою всѣ недоспаки. Здѣсь даже и не любопытствуютъ о имени сочинителя новой оперы, а спрашиваютъ чья музыка? Авторы комедій и трагедій получаютъ болѣе; но какъ драматическія творенія не весьма уважаются, то новое сочиненіе хорошо принимается только по тому, что оно ново, и

самое лучшее рѣдко переживаетъ два, при представленіи и почти никогда болѣе не возвращается на сцену.

Карнавалъ.

Карнавальныя увеселенія продолжающіяся отъ Рождества до великаго поста. Съ непрерывнымъ ожиданіемъ сего времени. Маскерадъ, главная забава карнавала, выдуманъ только для любовныхъ шалостей и всякаго рода дурасства. Въ продолженіе сихъ дней безстыдства, молодые люди имѣютъ всѣ удобства къ удовлетворенію спрасей; развратъ, прикрытый маскою, не удерживается болѣе приличіями. Женщины отъ утра до вечера заняты бывають приготовленіемъ нарядовъ изъ магазейна хитросей; онѣ выбираютъ лучшія для обману и ни о чемъ болѣе не помышляютъ, какъ объ однихъ способахъ нравиться и привлечь на себя вниманіе.

Лишь наступаетъ вечеръ, маскерадныя лавки, великолѣпно освѣщенныя, наполняются дамами и кавалерами. Маскерадный балъ открывается по окончаніи театральнаго представленія; но обыкновенно приходятъ въ маскерадъ при наступленіи ночи, а расходятся съ разсвѣтомъ. Нигдѣ, какъ только въ Италіи, не можно видѣть такого разнообразія и замысловатости въ одеждахъ. Гогаршovy каррикатуры суть только слабое подражаніе Италіанскаго маскерада. Ничего не можетъ быть за-

бавнѣе, какъ видѣшь въ смѣшеніи всѣ народы міра въ своихъ одеждахъ: Римлянъ, Грековъ, монаховъ различныхъ орденовъ, Индѣйцевъ, дикихъ Американцевъ, боговъ, богинь, амуровъ и чершей, между кошорами ходяшь въпренныя мѣльницы, башни и Харонъ въ лодкѣ разѣзжаетъ по залѣ. Изъ характерныхъ масокъ, знатный господинъ съ большею свитою, играетъ первую ролю. Шпатель его соспавляють разнаго званія особы: Поэтъ слѣдуетъ за нимъ съ кипочю стиховъ; онъ иногда чипаетъ забавныя саширы, Арлекинъ и Паяцо опличаются оспрыми шутками, избранными изъ лучшихъ сочиненій; музыканты имѣють головы Индѣйскаго пѣшука; конюшій, егеръ и кухмистеръ, каждый играетъ свою ролю, которую знатный господинъ въ удовольствіе публики заспавляетъ ихъ говоришь, что походитъ на нѣкоторый родъ комедіи, соспавленной изъ разныхъ смѣшныхъ сценъ. Всякая маска прешворяетъ свой голосъ и вообще соглашаетъ лице свое съ одеждою. Докторъ раздаетъ двусмысленныя рецепшы ошъ всѣхъ родовъ болѣзней, слѣдующій за нимъ аптекарь предлагаетъ лѣкарства погашать или воспламенять любовь. Оракуль несетъ урну, изъ кошорой желающіе вынимають на заданное ими ошвѣшь въ стихахъ, какіе у насъ пишушся на конфектныхъ билетахъ. Изъ всѣхъ масокъ въ продолженіе карнавала одна заслужила гром-

кое рукоплесканіе. Это была женщина одѣшая по послѣдней модѣ съ зеркаломъ въ рукахъ. На розовыхъ ленточкахъ, привязанныхъ къ длиннымъ носамъ, она вела за собою семь мужчинъ, изъ коихъ каждый представлялъ щеголя, философа, воина, купца, доктора, судью и Царя.

Въ полночь маскарадная зала наполняе­ся до того, что съ трудомъ можно ходишь. Въ такой шѣсношѣ, пришедшіе вмѣстѣ, разлучаются въ разныя спороны, многіе даюшъ волю рукамъ. Женщины, ходящія безъ мужчинъ, ни мало шѣмъ не обижаются, почиая, что въ маскарадѣ такія непристойности должны бышъ терпимы. Желаящія избѣгнушъ оскорбленій, масокъ не надѣвають, и къ симъ оказы­ваютъ должное уваженіе. Свободное обра­щеніе въ маскарадахъ проспирается до того, что женщины подъ смиренною одѣждою монашенки, смѣло говоряшъ то, чего опъ ихъ пола никакъ ожидать было бы нельзя. Мужчины ни мало не зашрудняются въ словахъ, и предложе­нія ихъ принимаются или опровергаются почти въ слухъ. Замаскированныя скоро сыскива­ютъ знакомства, выходятъ въ другую залу пишъ кофе или шоколадъ, попомъ въ маске­радной лавкѣ перемѣнивъ нарядъ, въ наемной каретѣ ѣдутъ куда имъ угодно; или въ теа­тральномъ трактирѣ берутъ особую комна­ту . . . Въ два часа за полночь, маскированные возвращаются въ залу въ прежнихъ наря-

дахъ, сыскиваютьъ своихъ подругъ, и ни матери, ни опцы, ниже мужья ни мало не беспокояшся, гдѣ они были и что дѣлали. Вотъ, какъ мнѣ кажется, истинная причина того, почему съ такимъ нешерпѣніемъ ожидають карнавала. Щасливы мы, что всѣ наши увеселенія чужды сей развращенности нравовъ.

Въ продолженіе масленицы бываетъ общій маскарадъ, увеселеніе очень спранный и забавный. Послѣ обѣда весь городъ въ экипажахъ, пѣшкомъ и верхомъ на ослахъ и коровахъ являешся въ маскахъ. Обыкновенные и маскарадные экипажи въ нѣсколько рядовъ ѣздящъ по главной улицѣ. Въ маскарадные экипажи запрягаютъ различныхъ живошныхъ, какъ то: быка и козла, корову и лошадь; всѣ они обвѣшиваются попонами, цвѣтами, побрякушками, къ инымъ придѣлывается по двѣ головы и проч. Балконы и окна, украшенные вывѣшенными коврами, занимаются дамами. Кавалеры, запасшись мѣлкими сухими конфетами, фазолью, бобами, цвѣтами и шишками, бросають то или другое (смотря по красотѣ и уваженію) прямо въ лицо дамъ. Сильный градъ конфетъ предпочтительно сыплется на красавицъ, и удивительно, какъ въ продолженіе сего сраженія, остающся у нихъ цѣлы глаза. При наступленіи вечера, дамы замаскировавшись ходящъ изъ дома въ домъ съ посѣщеніемъ, спараясь сколько можно, чтобъ и самые коротко знакомые не могли ихъ уз-

нашъ. Въ сіе время дѣлаются знакомства съ такими людьми, коихъ никогда лица не увидишь. Бываютъ обманы довольно забавные; встрѣчаются случаи, которые всегда оставляютъ пріятное воспоминаніе.

Въ продолженіе карнавала фокусники забавляютъ народъ различными представленіями. Собачій балетъ, кукольная комедія, кабинетъ восковыхъ спашуй показываются на площадяхъ. Балансеры, несгораемый человѣкъ, и пому подобное, иногда показываютъ свое искусство на театрѣ. Ученыя канарейки наиболѣе мнѣ понравились. Тиролецъ подъ музыку заставляешь ихъ маршировать, беретъ ими бумажную крѣпость, изъ которой стрѣляютъ изъ пушекъ. Взявъ крѣпость разстрѣливаютъ дезертира, который по учиненіи изъ пушечки выстрѣла, падаетъ мертвымъ; но когда Тиролецъ положишь его къ себѣ на руку, канарека вдругъ вспорхнетъ и запоетъ. Удивительно, какъ споль малую пшичку успѣваютъ приучить къ повиновенію и къ различнымъ движеніямъ, несвойственнымъ ей породѣ. Всего пріятнѣе, когда они числомъ до тысячи, всѣ вмѣстѣ поютъ подъ органъ и умолкаютъ вдругъ, когда Тиролецъ погрозитъ имъ проточкою.

Подземный гротъ въ Липцахъ.

Удивительной подземной гротъ въ Липцахъ въ 24-хъ верстахъ отъ Триеста по до-

рогѣ къ Фіуму, возбудилъ во многихъ любопытство. Согласившись наняли мы коляски и въ числѣ одиннацати человѣкъ рано утромъ отправились къ грошу. Дорога сперва вела насъ мимо загородныхъ красивыхъ домовъ, между пріятными садами; но скоро принуждены мы были подыматься на высокую каменную гору, состоящую изъ плинника, совершенно голаго. Солнце пекло, зной былъ несносный, шагомъ вспащившись на вершину, мы основались, дабы дать отдохнуть уставшимъ лошадямъ. Мы укрылись подъ шѣнію прехъ или чешырехъ деревъ, съ нами были трубки и пиво. Одыхъ былъ пріятнѣйшій. Видъ съ горы вокругъ представлялъ различные предметы. Къ востоку тянулся хребетъ горъ, изрѣдка поросшій мѣлкимъ лѣсомъ, почва земли близъ насъ состояла изъ безплоднаго камня. Бѣдные жилища сихъ горъ имѣютъ свое пропитаніе отъ продажи угольевъ; почему и называютъ ихъ *Карбонарами* (угольниками). Къ сѣверу вдали видѣнъ былъ сѣдой хребетъ Фріульскихъ горъ, также черныхъ и нагихъ, какова и та, на копорой мы находились. Близъ Триеста часть моря, окруженнаго высокими скалами, отъ преломленія солнечныхъ лучей, въ спокойной водѣ блестѣла какъ зеркало. До деревни Безовицы, не было ни какого признаку обитаемости. Вездѣ видѣнъ былъ голый камень, кремнистыя скалы печально стояли посреди пустыни, мрачная пишина

царствовала вокругъ насъ. Проѣхавъ Безовицы, я вдругъ перенесся изъ ада въ рай; шущъ взору моему представились плодоносные сады, прекрасныя рощи и многочисленныя по зеленымъ лугамъ пасущіяся стада, и я не скупая болѣе палящимъ зноемъ, не примѣшилъ какъ прекрасною аллеею пріѣхалъ въ Липцы, небольшое селеніе, очень красиво выстроенное. Напившись кофе, и заказавши обѣдъ, мы съ проводникомъ пошли въ гробъ.

На ровномъ усыпанномъ множествомъ каменьевъ полѣ, проводникъ показалъ намъ глубокую яму, вокругъ обросшую мѣлкимъ кустарникомъ и сухою травою. Одинъ за другимъ начали мы спускаться въ гробъ. Я спустился на нѣсколько шаговъ внизъ, и непроницаемый мракъ принудилъ меня идти осторожнѣе; придерживаясь за неровности высунувшихся каменьевъ, я не прежде спускалъ ногу внизъ, какъ ощупавъ мѣсто палкою. Слыша голоса, а не видя никого, боясь, чтобы сверху кто не поскользнулся и паденіемъ своимъ не увлекъ бы въ пропасть меня и впереди идущихъ, съ безпокойствомъ началъ я кликать поварищей. Въ сіе время проводникъ зажегъ факель и вдругъ разлился вокругъ насъ свѣтъ. Съ полчаса мы шли извилистыми переходами, стѣны пещеры по сближались, по расширялись столько, что пламя факела не освѣщало дальнихъ угловъ. Наконецъ сошли мы на самый низъ гроба въ глубину до 300 сажень и зрѣлище чудное и великолѣпное по-

разило взоры наши. Стѣны грота, покрышыя накипью окаменѣвшей воды, отражая огонь факела, горѣли ослѣпляющимъ, неподражаемымъ свѣтомъ, только для мудрой руки природы возможнымъ. Мы находились въ кристальномъ подземномъ чертогѣ великолѣпно освѣщенномъ. Своды грота, мѣстами восходили до такой высоты, что свѣтъ не достигалъ оныхъ; нѣсколько не весьма толстыхъ столбовъ изъ чистаго хрустала, поддерживали всю тяжесть обширныхъ сводовъ, съ коихъ, какъ бы прилепленные къ нимъ, висѣли другіе столбы, угрожающіе паденіемъ. Игра природы образовала на стѣнахъ многія фигуры, подобныя бюстамъ, пиццамъ и живописнымъ. Посреди грота куча камней, чистыхъ и прозрачныхъ какъ стекло, походивъ на колоссальную спящую, поставленную на кругломъ подножіи. Спалакшины сіи такой разливали свѣтъ, такими яркими горѣли огнями, что не возможно было долго на нихъ смотрѣть. Холодъ и сырость, происходящія отъ капающей со сводовъ воды, были столь чувствительны, что мы скоро всѣ передрогли и поспѣшили выйти изъ грота. Палящее солнце скоро потомъ принудило насъ снять мундиры, и мы пришедъ въ прачиръ снова искали прохлады, чтобы съ удовольствіемъ побѣждать.

Поступки Французовъ въ Тріестъ.

Когда намѣреніе Наполеона лишить Бурбоновъ послѣдняго пронаему удалось; тогда великодушный Испанскій народъ, не могши перенести столь наглої обиды, именемъ Короля Фердинанда VII, рѣшился съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои права и свободу. Революція жестокая по дѣйствіямъ, но справедливая по оскорбленію, возбудила геройское мужество въ душахъ благородныхъ Испанцевъ. По объявленіи Іосифа Бонапарша Королемъ Испанскимъ не было уже сомнѣнія, что Наполеонъ, уничтожая царство за царствомъ, предположилъ покорить всю Европу. Императоръ Австрійскій, въ обезпеченіе своей независимости, нашелъ необходимымъ сослалъ сильное земское войско, которое въ случаѣ войны могло бы съ пользою служить вмѣстѣ съ арміею его. Дворянство, духовенство, купечество и народъ не щадили пожертвованій, ревностно и охотно исполняли волю своего Императора. 18 Іюня 1808 года Эрц-Герцогъ Іоаннъ прибылъ въ Тріестъ для формированія земскаго ополченія; Его Высочество удостоилъ посѣщеніемъ наши корабли и принялъ былъ съ надлежащею сану Его почестію.

Наполеонъ не успѣвъ въ одну кампанію покорить Испаніи, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1809 года требовалъ, чтобы Австрійскій Императоръ распустилъ свое земское войско, и военные громы раздались близъ насъ. При открытіи

военныхъ дѣйствій, Австрійское оружіе увѣнчано было блистательнѣйшимъ успѣхомъ. Эрц-Герцогъ Іоаннъ при фоншанѣ Фредо (что въ Фріулѣ) разбилъ Принца Евгенія столь сильно, что Французы до самаго Адиджа не могли ни на одной позиціи остановиться. Жители Италіи (*) съ радостію приняли Австрійскія войска; не было сомнѣнія, что Королевство Италіанское въ непродолжительномъ времени было бы освобождено; но судьба повелѣла иначе. Наполеоново счастье вскорѣ вознаградило ему сію потерю, Поспѣшно подкрѣпивъ опсшупившія въ Баварію свои войска новыми корпусами, онъ разбилъ у Регенсбурга Эрц-Герцога Карла, Главнокомандующаго большою Австрійскою арміею. Потеря Вѣны и опсшупленіе Принца Іоанна изъ Италіи въ Венгрію, было слѣдствіемъ несчастной битвы у упомянутого города: 6 Маія Французы вступили въ Тріестъ съ условіемъ не требовать опъ города никакой контрибуціи, кромѣ 800 порцій въ день; но едва Австрійская армія нѣсколько удалилась опъ Тріеста, требованія со дня на день начали увеличиваться: по нужно было нѣсколько лошадей, по нѣсколько бочекъ вина, по сухарей. Начали ходить полки, одинъ

(*) Въ Тріестѣ Гоферь, въ Вестфалии Маіоръ Шиль, въ Италіи многочисленныя толпы народа возстали противу Французовъ; неоспоримое доказательство ихъ тиранскаго правленія.

другаго хуже, солдаты оборванные, босикомъ и въ вешошкахъ съ однимъ ружьемъ на плечѣ, требовали одѣжды. Когда граждане Триеста потеряли терпѣніе, когда Австрійскіе гражданскіе чиновники, остававшіеся въ городѣ и утвержденные новымъ правительствомъ въ своихъ должностяхъ, напомнили о условіи; то Французы сняли съ себя личину и начали брать все силою. Впервыхъ объявили, что бы жишели всякое оружіе сдали въ арсеналъ, и когда такимъ образомъ обезпечили себя отъ бунта, на первый разъ потребовали только 50.000 флориновъ, но не прошло дня, еще 100.000. Потомъ съ оружіемъ въ рукахъ, обобрали въ лавкахъ сукно, полотно, нанку и сапожной шоваръ, собрали всѣхъ поршнихъ и сапожниковъ и пока они не обмундировали двухъ полковъ, держали ихъ подъ карауломъ въ казармѣ. Въ прежнюю войну (1800 года) Массена придумалъ для скорѣйшаго обмундирования солдатъ еще лучшее средство. Для какого-то торжества входъ въ маскарадъ позволенъ былъ безъ плаши. Когда маскарадная зала наполнилась, гренадеры съ примкнувшими шшыками выгнали кавалеровъ вонъ изъ залы, а женщинамъ, вмѣсто увеселенія, предложили, снявши маски, заняться шитьемъ рубашекъ. Благородныхъ дамъ, до шѣхъ поръ не выпускали изъ залы, пока они вмѣсто себя не представили служанокъ и нѣсколько денегъ. Бѣдныя женщины сидѣли въ залѣ подъ карауломъ цѣлую недѣлю, а послѣ отосланы

были мышь казармы. . . . Каждый Генераль, копорый приходилъ на короткое время въ Тріеспъ, налагалъ контрибуцію для своего содержанія. Одинъ изъ Генераловъ, взявъ оную, пригласилъ Австрійскихъ чиновниковъ къ себѣ на обѣдъ; и когда послѣ спола Президентъ магиспраша опкланялся Генералу, то на лѣспницѣ былъ оспановленъ Адъютанпомъ, копорый вручилъ ему щепъ съ приказаніемъ заплашишь по оному за сполъ и угощеніе. Офицеры не уступали своимъ Генераламъ, они брали у хозяевъ своихъ все, что имъ нравилось, иногда дарили его шѣми вещами, кои запруднишельно было имъ взять съ собою. Одинъ Офицеръ проходящей партіи, увидѣвъ на балконѣ дамъ, вошелъ въ домъ, и безъ обиняковъ сказалъ хозяину, что онъ любитъ хорошенькихъ женщинъ и попому у него ночуетъ. Адвокатъ Розетши (хозяинъ дома) спросилъ у него билешъ на кварширу? что за билешъ, отвѣчалъ Французъ; пригоповъ мнѣ на шесшь персонъ ужинъ, и чпобъ было шампанское и бургонское. На другое утро, Французскій Офицеръ, взявъ нѣсколько бѣлья, уложилъ въ свой чемоданъ, надѣлъ новые хозяйскіе сапоги, а свои, изношенные, въ знакъ дружбы, подарилъ Адвокашу.

Когда Жуберъ Генераль - Инпендантъ Французской арміи прибылъ въ Тріеспъ, по бѣдствія еще большія, припѣсненія неслыханныя, опягошѣли на бѣдныхъ жишеляхъ. Я желалъ бы умолчать о хищническихъ поступкахъ,

весьма печальныхъ и невыгодныхъ для чести націи, называвшей себя великою и просвѣщенною; и какъ такого рода злодѣянія происходящъ всегда отъ правительства или лучше правителя Деспота, то хощя по пословицѣ: „лежащаго не бьютъ“ я долженъ бы покрыть завѣсою произшествія, коихъ былъ очевидецъ и коими сердце мое тогда раздиралось; однакоже почипаю нужнымъ дать соотечественникамъ моимъ понятіе, что могли бы мы прешерпѣть тогда, когда подобно Нѣмцамъ остались бы въ своихъ домахъ? Чего жители Москвы должны были бы ожидать, если бы наши гражданскіе чиновники остались при своихъ должностяхъ, и были бы обязаны грабить своихъ друзей, отца, мать и себя самихъ? Сравнивая бѣдствія всей Европы съ поперею нашею и Испанцевъ, пусть чишапели сами скажутъ, лучше ли или хуже мы сдѣлали, что предали огню свои дома, что оставляя занятые непріятелемъ города пустыми, лишили его средства содержать себя на чужой щепъ; и наконецъ, не отъ того ли мы побѣдили почипавшаго себя непобѣдимымъ Наполеона, что наше Правительство, подобно мужественнымъ Испанцамъ, приняло другія мѣры и способы для сопротивленія ему?

На другой день прибытія въ Тріестъ Жуберта, Французы конфисковали Англинскіе повары; вмѣстѣ съ оными опняты были частію и Нѣмецкіе, по произволу Францускихъ комиссаровъ названные Англинскими. Дабызасіи

товары выручишь наличныя деньги, продали часть оныхъ съ аукціоннаго торга. Купившимъ выдали свидѣтельства и билеши на свободный сихъ товаровъ пропускъ и продажу безъ пошлины во Французскихъ владѣніяхъ. Тріестскіе капиталисты, думавшіе симъ оборотомъ обогатиться, обмануты были самымъ необыкновеннымъ образомъ. На границѣ Италіянскаго Королевства товаровыхъ были установлены; свидѣтельство, данное Жубертомъ, имененные чиновники объявили ничтожнымъ, и бѣдные купцы, очень еще довольны были и тѣмъ, что за половинную цѣну противу аукціонной покупки могли продать свои товары Маршалу Массенѣ и нѣкоторымъ другимъ Французскимъ Генераламъ... разумѣется, что товары, принадлежащіе *Маршалу*, были тотчасъ пропущены.

По взятіи Вѣны, Наполеонъ наложилъ на Тріестъ 50 милліоновъ флориновъ контрибуціи. Хотя сначала полагали, что городъ едва ли четвертую часть сей суммы можетъ выплатить, однакоже Жубертъ доказалъ противное; въ два мѣсяца онъ собралъ болѣе 20 милліоновъ, частью деньгами, а прочее съѣстными припасами и другими потребностями. Жубертъ систематически и постепенно, такъ сказать, высасывалъ деньги. Во первыхъ наложена была небольшая контрибуція, которую въ три дни удобно и уплашили, потомъ подъ разными предлогами въ три раза взято было еще нѣсколько денегъ, и когда у бѣднаго и посредственнаго состоянія нечего уже бы-

ло брать, тогда приступилъ Жубертъ къ насильственнымъ займамъ, то есть, у богачей отняли до половины ихъ капиталъ, предославъ имъ чрезъ посредство своего Магистрата, сдѣлать уравнительную раскладку и со временемъ взыскать съ своихъ согражданъ. При сихъ насильственныхъ займахъ, если кто отказывался платить, то, дабы принудить его, употребляли такъ называемую военную *эксекуцію*. Въ первый день приходили въ домъ пять человекъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ, хозяинъ, кромѣ пищи, слишкомъ прихотливой для солдата, долженъ былъ въ тотъ же день заплатить каждому изъ нихъ по 5 флориновъ. На другіе сутки прибавлялось еще пять солдатъ, кои получали по 10 флориновъ. На третій день 15 солдатамъ выдавалось по 15 флориновъ каждому, и такъ далѣе. Если чрезъ пять дней, хозяинъ не вносилъ положенной на него контрибуціи, то на шестой Коммисаръ бралъ у него серебро или какія другія вещи, которыя удобнѣе и выгоднѣе можно было продать. Не случалось почти никогда, или весьма рѣдко, чтобы кто могъ въ продолженіи пяти дней выдержать всѣ грубости и неисповѣства солдатъ. Они обыкновенно располагались въ лучшихъ комнапахъ, развѣшивали по стѣнамъ ружья и сумы, портили мебель, заставляли чистить себѣ сапоги, мыть бѣлье, брали что имъ нравилось, женщинамъ не было отъ нихъ покою, и самыя жесточайшія оскорбленія оставались безъ наказанія.

Когда лавки и магазейны были на чисто ограблены; въ домахъ, едва ли что оставалось для пропитанія; когда изъ 40 тысячъ жителей, оставалось только 20 тысячъ; то Жубертъ для вынужденія значительнѣйшей суммы, употребилъ слѣдующее средство: 24 богатѣйшихъ капиталистовъ посажены были подъ спражу, при чемъ объявлено было имъ, что если чрезъ 10 дней не внесутъ новаго наложеннаго на нихъ насильственнаго займа, то будутъ распрѣляны. Денегъ ни у кого не было, и сіи несчастные отправлены были въ крѣпость Пальма-Нову, для исполненія надъ ними смертнаго приговора. Не могу описатьъ униженія и опечаленія, объявшаго Триестцевъ. Нѣкоторые благородные Французы были чувствительны къ бѣдствіямъ народа, нѣкоторые съ негодованіемъ порицали жестокіе поступки, происходящіе отъ алчности къ деньгамъ. Дюкъ де Нарбонъ (*), дивизионный Генералъ, бывшій въ сіе время Губернаторомъ въ Триестѣ, старался сколько можно облегчать участь угнетенныхъ; но по причинѣ полной власти для взысканія контрибуцій данной

(*) Дюкъ былъ изъ числа тѣхъ эмигрантовъ, которые возвратясь во Францію, вступили въ службу. Мать и сестра его, потерявъ все свое имѣніе, жили въ Триестѣ въ крайней бѣдности и неизвѣстности. Нечаянная встрѣча обрадовала престарѣлую мать, но она запретила сыну посѣщать ее во Французскомъ мундирѣ.

Жуберту, благородныя усилія его большею частію оставались безуспѣшны. Жубертъ, сколько по обязанности и долгу службы, сколько сообразуясь съ характеромъ своего деспота, какъ кажется, получилъ навѣкъ ничѣмъ не прогнѣся, и употреблять крайнія мѣры жестокости съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Вотъ тому примѣръ: Карціотши, сшарець во лѣтъ, вмѣстѣ съ прочими купцами отправленъ былъ въ Пальму-Нову. Сынъ его, представя Жуберту, что имѣніе ему, а не отцу принадлежишь, просилъ Генерала, чтобы ему вмѣсто родителя позволилъ умереть. Жубертъ равнодушно и съ насмѣшливою улыбкою отвѣчалъ сему достойному сыну: „твое намѣреніе похвально, годится для прагматикъ; заплати, сверхъ положенной на отца контрибуціи, 20 тысячъ флориновъ, и я сей часъ прикажу разстрѣлять тебя вмѣсто твоего почтеннаго родителя.“ Къ счастью миръ скорѣ былъ заключенъ, и спрдаальцы, просидѣвъ въ шюрмѣ, были освобождены.

Таковы-то были средства для взысканія контрибуцій употребленныя; но были еще другія, адскою душою обдуманная злодѣйства, коимъ и самъ Апшила, и самый неистовый разбойничій атаманъ долженъ былъ бы уступить. До вступленія Французовъ въ Тріестъ, коронныя суммы и всякое казенное имущество были вывезены; но капиталы не совершеннолѣтнихъ и вдовъ подъ опекою находящихся, оставались; Жубертъ, для пополненія контри-

буцій, не усомнився пошребувати и сіи суммы. Президентъ городского правленія долго тому прошивилъся. Жуберъ въ семъ случаѣ не хотѣлъ употребити явнаго насилія и для полученія сихъ денегъ прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости. Сыскалъ такого человека, который не имѣя ничего, чтобы могъ почесать для себя потерю, согласился за мѣсто Президента выдать деньги актомъ. Прежній благородный Президентъ, не щадившій никакихъ усилій для облегченія участи своихъ согражданъ, былъ смѣненъ, а сироты и вдовы лишились ошъ того дневнаго пропитанія. Вошъ какими уловками Французы прикрывали свои насильственные поступки, кои и имъ иногда казались непозволенными. Дабы имѣть причину припѣснять и отнимать деньги, было наконецъ опубликовано, что донощикамъ будетъ выдаваемо приличное награжденіе. Невинные страдали, принуждены были плашиться за обвиненія, коимъ небыло никакого основанія; и даже не претовались для улики и ложные свидѣтели.

Въ слѣдъ за арміею вступила въ Тріеспъ другая, состоящая изъ маркишаншвъ, распущныхъ женщинъ, каршежныхъ игроковъ, искусниковъ, фигляровъ, въ почетномъ званіи шніоновъ, шайной полиціи служащихъ, и такого рода людей, кои будучи чужды всякой нравственности, не имѣя въ поступкахъ своихъ и шѣни добродѣтелей, дерзающъ выхвалять человеколюбіе и безкорыстіе Наполеона,

за честь себѣ вмѣняють удивляться его подвигамъ; и между тѣмъ поведеніемъ своимъ, при каждомъ шагѣ обличаютъ героя своего въ малодушіи и хищническое, и невольно обнаруживаютъ низкое его рожденіе. Отъ добраго сердца приписываютъ ему такіа свойства, кои свойствамъ испинно великихъ мужей совершенно чужды.

Картежные игроки, заплашивъ немаловажную откупную сумму за позволеніе обыгрывать навѣрное, состоятъ, какъ называютъ Французы, *подъ покровительствомъ законовъ*. Дежурный банкеръ для опличія носитъ чрезъ плечо широкую, подобную орденской, трехцвѣтную ленту. Театральная зала отъ утра до вечера была наполнена игроками. Я иногда приходилъ въ оную питать душу мою опрашеніемъ, примѣчать опчаянныя лица игроковъ, копорые при каждомъ оборотѣ рутины, краснѣли или блѣднѣли, смотря по тому, выигрывали или проигрывали они. Мрачная тишина прерывалась одними проклятіями, вздохами и восклицаніями. Не слышно было инаго шума, кромѣ деревянныхъ лопатокъ, коими банкеры пригребали или опшпалкивали отъ себя золото. Женщины, копорыя не имѣли болѣе денегъ, проигрывали кольца, серьги, гребни, плашки или въ театральномъ шракширѣ наскоро продавали свою благосклонность. Сии прибывшія французскія нимфы позора, опправляли должностъ шпионовъ, и получали за то жалованье отъ полиціи, и также

состояли въ шпашѣ Наполеоновыхъ обожателей. Армейскіе маркишанты, заплащя опкупъ, разыгрывали въ лотерею награбленныя вещи, большею частію покупаемыя опъ конприбуціонныхъ депо. Въ одной лавкѣ, можно было за грошъ выиграть какую либо вещь, на примѣръ одинъ башмакъ или лоскутъ стараго плащя, въ другой съ аукціона можно было купить за безцѣнокъ кусокъ сукна. Кто покупалъ товаровъ на сто рублей, тому по настоящей оцѣнкѣ предоставлялось на его выборъ на 150 рублей. Симъ способомъ конприбуціонныя вещи обращались въ деньги. Въ праздничные дни при хорошей погодѣ, на площади разыгрывалась такъ называемая *денежная лотерея*. Въ пользу казны удерживалась половина изъ собранной суммы; но какъ однажды выигрывшаго самой большой призь, посадили въ пюръму, подъ предлогомъ, что онъ такихъ номеровъ изъ лотерейной конторы не получалъ, то народъ и нѣсколькихъ грошей не хотѣлъ проигрывать напрасно. Развращенные нравы побѣдителей вкрались и въ сердца побѣжденныхъ. Толпы игроковъ изъ черни, не имѣя чѣмъ пишаться, начали промышленьворовствомъ, чего при Австрійскомъ правительствѣ и слышно не было. Махіавельская политика Наполеона, съ умысломъ допускаетъ таковое развращеніе народа; ибо человекъ, въ крайней нищепѣ находящійся, не можетъ сожалѣть о своей свободѣ и въ отвращеніе голодной смерти, охотно ищетъ

оной на полѣ сраженія. Въ Тріестѣ набрано было силою нѣсколько рекрутъ, и сіи несчастные принуждены были бы сражаться противу своего опечеснѣва, еслибъ вскорѣ не заключенъ былъ миръ.

Послѣ *Асперискаго* сраженія, Французы, желая прикрыть потерю онаго, выдумывали въ пользу свою разныя обстоятельствова, лгали безъ всякой мѣры и вѣроятности. Одинъ Офицеръ, посѣщавшій домъ Баронессы Цанки, у коей предпочтительно принимаемы были Рускіе, съ видомъ увѣрительнымъ и гордымъ, рассказывалъ за новостъ самую досповѣрную, что одинъ раненый Францускій Полковникъ, ѣдучи въ каретѣ, былъ нечаянно окруженъ боюо колонною Австрійской милиціи, которой начальникъ объявилъ его плѣннымъ; но нашъ храбрый Полковникъ, продолжалъ хваснунъ, одними словами, (*à force de parole*) принудилъ боюо Австрійцевъ положить предъ нимъ ружье. Пожалуйте, не договаривайте, шупливо возразила на сіе Графиня Воиковича (урожденная Пизани); милостивые государи, обратившись къ прочимъ госпамъ, продолжала Графиня, я свидѣтельствуюсь вами, что нѣтъ женщины болѣе меня болтливой. И такъ радуйтесь, я сей часѣ ѣду въ Вѣну, и увѣряю васъ, что я своимъ болтаньемъ (*a forza di chiacari*) принужу всю Францускую армію положить передо мною ружье.

По заключеніи Вѣнскаго мира, Маршалъ Мармоншъ сдѣланъ былъ Намѣстникомъ Илли-

рійскихъ провинцій. Новые подданные, съ снѣ-
сненнымъ опъ горести сердцемъ, дали при-
сягу въ вѣрности. Одна надежда, что участь
ихъ будетъ сноснѣе, уменьшила уныніе; но
послѣдствія вскорѣ доказали прошивное. Каж-
дый владѣлецъ дома или земли долженъ былъ
плащить въ годъ опъ 10 до 20 проценшовъ
со спа, не съ доходовъ, а съ той суммы, че-
го стоишь его имущество, включая мебели,
экипажи и проч. . . Опъ многихъ тягоспныхъ
налоговъ, собираемыхъ съ тоюже строгостію,
какъ и военныя контрибуціи, богатѣйшіе люди
разорились. Въ Венеціи одинъ изъ театровъ
былъ проданъ за 60.000 ливровъ; но какъ скоро
деньги сіи были внесены, то городовое правле-
ніе потребовало съ покупателя прежнюю не-
доимку, проспиравшуюся до 140.000 лиръ; а
какъ онъ не могъ внести такой суммы, то
театръ чрезъ годъ описали въ казну. И та-
кимъ образомъ продавали его три раза за без-
цѣнокъ.

Коншинентальная система довершила ра-
зореніе Тріеста. Личная ненависть Наполеона
прошиву Англичанъ простерлась до того, что
онъ, не имѣя флота, которымъ могъ бы оп-
мстить Бришанцамъ за смѣлыя, неспосныя
для малодушія его насмѣшки, въ кипѣніи без-
сильной своей злобы, не усомнился нищешою
милліоновъ лучшихъ своихъ подданныхъ, ли-
шивъ непріятелей выгодъ ихъ шрудолюбія и
промышленности. Миланскій декретъ доказы-
ваетъ, сколь мало Наполеонъ думалъ о благѣ

своего народа. По сему декрету купецъ, отправляющій грузъ моремъ долженъ былъ, чего ещѣ имѣть судно и грузъ, обезпечить вносомъ денегъ или вѣрнымъ залогомъ. Если дойдетъ до свѣденія, что судно было осматриваемо Англическими крейсерами и было ими опущено, то такое берется въ казну. Таможенные чиновники, имѣя въ виду сіи двѣ спашьи, по малѣйшему подозрѣнію, безъ всякихъ доказательствъ могли всякое судно и залогъ присвоивать казнѣ. Не смотря на всю бдительность Французской береговой стражи, Англическіе товары во множествѣ продавались даже въ самомъ Парижѣ. Наполеонъ, думая искоренить торгъ запрещенными товарами, обогатившій Англическихъ купцовъ, приказалъ всѣ колоніальные товары, находившіеся въ его владѣніяхъ, сжечь. Безразсудность сія, какъ извѣстно, ни мало не османила тайной торговли: какой убытокъ могли имѣть Англичане, когда Наполеонъ могъ жечь только нѣ ихъ товары, за которые они уже получили деньги?

Произшествія во время пребыванія Россійской эскадры въ Триестъ. — Возвращеніе въ Россію.

10-го Іюня 1808 года, Англическій фрегатъ приходилъ въ Триестъ подъ переговорнымъ флагомъ; на ономъ получено извѣстіе, что преспарѣвый въ добродѣтели Георгъ III рѣшился, во что бы ему ни стало, податься

помощь Испанцамъ и Португальцамъ, возставшимъ съ мечемъ мщенія прошиву Наполеона. Съ сего времени, не смотря на протессы Французскаго въ Тріестѣ Консула, коего ноты доселѣ значили повелѣнія, дружескія сношенія съ Англичанами продолжались непрерывно; когда же Эрц-Герцогъ Іоаннъ прибылъ въ Тріестъ для образованія земскаго ополченія, то Англическіе военные корабли османивались близъ гавани и принимая конвой Австрійскихъ купеческихъ судовъ, явно сопровождали оныя мимо Истріи, въ портахъ которой Французы усилили свою гребную флотилію. Австрійцы, во уваженіе нашего флага, не позволяли Англичанамъ подходить къ эскадрѣ нашей ближе пушечнаго выстрѣла, въ городѣ же мы встрѣчались съ ними довольно часто и обходились попріятельски. 27 Августа пришло первое Испанское купеческое судно, изъ Тріеста также оправились нѣсколько Австрійскихъ судовъ въ Испанію. Союзъ Австріи съ Англіею и Испаніею, хотя и не былъ обнародованъ; но по симъ дружескимъ сношеніямъ никто въ ономъ не сомнѣвался. 9 Ноября Генераль Маіоръ Бибиковъ, назначенный Посланникомъ ко Двору Мюрата, новаго Неаполитанскаго Короля, въ проѣздъ свой чрезъ Тріестъ, посѣщалъ корабли наши и былъ принятъ съ должною почестію. 15 Декабря на Испанскомъ фрегатѣ прибылъ въ Тріестъ бывший Посланникъ Боронъ Григорій Александровичъ Спрогоновъ. При съѣздѣ его на берегъ, Испанскій

фрегатъ салютовалъ ему 15 выстрѣлами. Если по сему фрегату судить о Испанскомъ флотѣ, то мнѣніе о устройствѣ онаго будетъ невыгодно. Построеніе фрегата не очень красиво, но онъ ходитъ легко, вооруженіе тяжело, люди въ управленіи парусовъ не проворны; они одѣты бѣдно, не опрятны и весь фрегатъ весьма нечистъ.

1809 года Генваря 26, къ общему нашему прискорбію, скончался почтенный и любимый нашъ Капитанъ-Командоръ Иванъ Осиповичъ Салпановъ. Всѣ Австрійскія войска, бывшія въ Тріестѣ подъ командою Бригадира, были при погребеніи. Процессія по военному нашему уставу была самая пышная. Знамена, пушки и барабаны, увитые флеромъ, длинный рядъ священства въ великолѣпныхъ ризахъ, пѣніе и военная музыка, раздирающая сердца, безпришворная печаль, напечатлѣнная на скорбныхъ лицахъ окружавшихъ гробъ и колесницу; корабли съ искривленными реями, съ опущенными въ половину флагами и вымпелами; и самые пушечные выстрѣлы чрезъ пять минутъ одинъ за другимъ послѣдовавшія, все это вмѣстѣ сколько прогало зрителей, столько же и нравилась имъ сія погребальная пышность, какой они доселѣ не видали. Не смотря на дурную погоду, по улицамъ едва было можно пройтись. Капитанъ 1-го ранга Михайлъ Тимоѣевичъ Быченскій по спаршинству принялъ начальство.

31-го Генваря, для дня рожденія Императора Франца I., корабли наши были разцвѣчены флагами и съ каждаго палили по 31 выстрѣлу. 12-го же Марта по случаю дня возше- ствія на престолъ нашего Императора, Ав- стрійцы съ крѣпостей также палили изъ всѣхъ орудій. День Пасхи 28 Марта провели мы истинно по Христіански. Заупрѣня была въ Славянской церкви св. Спиридонія. Корабель- ные священники отправляли службу вмѣстѣ съ приходскими. Пѣвчіе наши стояли на пра- вомъ крылосѣ, пѣніе ихъ восхищало Славянъ; но когда при первомъ словѣ: Христосъ воскре- се, въ глухую полночь съ кораблей нашихъ, о- свѣщенныхъ фонарями, раздались пушечные громы, то въспорга Славянъ описать было не можно.

Торжесиво въры, конечно, производитъ впечатлѣніе, пріятнѣе всякаго другаго. Доб- рые Славяне признавались, что они никогда съ такою радостію не встрѣчали великаго праздника, и дня, который препроводили вмѣстѣ съ нами, никогда не забудутъ. Ино- странцамъ, особенно Каполикамъ, нравятся наши церковные обряды; они сознаются, что со всею пышностію въ Греко-Россійскомъ бо- гослуженіи соединено приличное великолѣпіе, вливающее въ душу священное благоговѣніе; но при всемъ томъ, они не иначе называютъ насъ, какъ отступниками (Schismatici), а иног- да обряды наши представляютъ совсѣмъ въ превратномъ видѣ. Вотъ тому разительный примѣръ. Одинъ путешественникъ, бывшій во

время Пасхи въ С. Петербургѣ, описывая торжество сего дня, между прочимъ сказалъ: чувствительно было для меня видѣшь, когда всѣ бывшіе въ церкви, безъ различія чиновъ, царедворецъ и солдатъ, крестьянинъ и Генераль начали обниматься и цѣловать другъ друга въ уста, говоря одинъ другому: *Crestovfky ostrov, vasilifsky ostrov*, то есть вмѣсто Хриспосъ воскресе *Крестовскій островъ*, а вмѣсто воистину воскресе *Васильевскій островъ*.

Въ концѣ Марша, война между Австріею и Франціею, давно и съ неперпѣніемъ ожидаемая, началась. Начальствующій эскадрою Капитанъ 1-го ранга Мих. Быченскій, не имѣя ни какихъ повелѣній, въ какомъ отношеніи должны мы были считатьъ себя съ Австрійцами и Французами, для полученія нужныхъ наставленій, 1-го Апрѣля отправилъ въ С. Петербургъ Лейтенанта Кар. Вас. Розенберга. По занятіи Тріеста 6 Маія Францускими войсками, положеніе нашей эскадры сдѣлалось затруднительнымъ; ибо Францускіе и Австрійскіе Генералы при всякомъ случаѣ увѣряли насъ, что мы съ ними въ союзѣ. Недоумѣніе сіе продолжалось до прибытія изъ Вѣны въ Тріестъ бывшихъ Посланниковъ при Сицилійскомъ Дворѣ и Опоманской Портѣ Тайныхъ Совѣтниковъ Д. П. Тапищева и Итальянскаго.

10-го Маія, не смотря на множество Англическихъ крейсеровъ, 10 Францускихъ канонерскихъ лодокъ успѣли прокраситься изъ Ве-

неціи въ Трієстѣ. 13-го Маія Министръ морскихъ силъ Италіанскаго Королевства Кафарелли посѣпилъ нашего начальствующаго; ему салютовано было изъ 13 пушекъ. Въ сейже день, по причинѣ гнилости корабля Уріла, снята была съ него половина пушекъ, которыя поснавили на молѣ спараго карантина. (Австрійцы не оставили въ Трієстѣ ни одного орудія). Распоряженіе сіе послужило къ нашей пользѣ, или лучше лишило насъ случая съ выгодною сразиться съ Англичанами. 17 Маія на разсвѣтѣ Англинская эскадра, состоящая изъ 5 кораблей, 3 большихъ фрегатъ и брига, показалась у мыса Салвора и шла на всѣхъ парусахъ къ Трієсту. Эскадра наша перемѣнила позицію и стала такъ близко берега, что непріятелю пройти между нашими кораблями и атаковать насъ съ обоихъ бортовъ было не возможно (*). Линія, состоявшая изъ 4 кораблей, 2 фрегатъ и корвета, такъ сѣсна была въ видѣ полуциркуля и защищена съ обоихъ фланговъ береговыми батареями, что Англичанамъ подъ перекрестнымъ огнемъ 250 орудій, трудно было бы подойти и стать противу насъ на шпрингъ (**). Переплывъ въ новую, позицію, спустилъ шеньги и реи на низъ, опвартовивъ (***)

(*) Смотри позицію на картѣ Тріеста.

(**) Поставить корабль на якорь такъ, чтобы помощію канатовъ онъ могъ обращаться во всѣ стороны.

(***) Привязаться къ берегу.

и приготовишься къ бою, было дѣломъ трехъ часовъ. Опасность быть ашакowanymъ въ разспройствѣ, было лучшимъ въ сей работѣ нашимъ помощникомъ. Французы не менѣе были дѣятельны въ построеніи береговыхъ башарей и у нихъ къ полудню все было готово. Непріятельская эскадра, не дошедъ до пушечнаго выстрѣла, по тихоспи вѣтра, спала на якорь. Въ 4 часа по полудни, когда подулъ довольно свѣжій вѣтръ, Англичане снялись съ якоря, подъ всѣми парусами спустились на нашу линію и съ башарей стараго каранпина сдѣлали уже нѣсколько выстрѣловъ; мы съ неперпѣніемъ, съ жадностію считали минушы, когда неперіатель приближился на нашъ выстрѣлъ; но къ крайнему сожалѣнію, Англинскій Командоръ, осмопрѣвъ въблизи наше положеніе, не осмѣлился сдѣлать нападенія, поворошилъ назадъ и спалъ на якорь на прежнемъ мѣстѣ. Мы досадовали, что пославлены были въ столь выгодной позиціи, намъ даже и пошопу было не можно (чего по вѣтхоспи кораблей прежде всего ожидать было должно); ибо подъ кораблями оспавалось не болѣе аршина воды. Напасъ на насъ значило бы безразсудно опдашься намъ въ руки.

Неперіательская эскадра болѣе мѣсяца была въ виду Тріесша и кажется искала случая къ нападенію; мы съ своей стороны были во всякое время готовы къ сраженію. На каршечномъ выстрѣлѣ опъ линіи кораблей

положили на якоряхъ бобы (*) и каждый день обучали людей пушечной и ружейной экзерциціи съ огнемъ, а на шлюпкахъ пріучали людей къ абордажу и рукопашному бою. 9 го Іюня Англичане ночью покушались близъ Триеста налившся водою, но гребныя наши суда и Французскіе пикеты въ помъ имъ воспрепятствовали. 24 Іюня, когда опрядъ Австрійской милиціи по дорогѣ къ Фіуму сражался съ Французами, Англинская эскадра также приблизилась къ гавани; мы были въ великомъ безпокойствѣ: Австрійцы дрались упорно, звукъ пушечныхъ выстрѣловъ приближался и становился слышнѣе. Положеніе наше было самое затруднительное; ибо еслибы Австрійцы взяли городъ, то бы мы должны были или погибнуть безъ славы, или безъ сраженія сдаться. Одинъ изъ Англинскихъ фрегатъ изъ бухты Муїа началъ бросать бомбы, которыя ложились близъ кораблей. Наши Офицеры изъ одной Уріильской 28 фунтовой пушки, поставленной на высь у Сант-Андрея, нѣсколькими мѣпкими выстрѣлами принудили оный фрегатъ опспустить. Французская гребная флотилія вышла изъ гавани для преслѣдованія; но подулъ вѣтръ и Англискій фрегатъ успѣлъ соединиться съ своею эскадрою.

(*) Дѣлаются изъ старыхъ мачтъ, связываются желѣзными цѣпями и служатъ для удержанія непріятельскихъ кораблей въ надлежащемъ разстояніи.

На другой день у сего фрегата починивали подводную пробоину; Австрійцы также опсупили и болѣе къ Тріесту не приближались. Ночью Англичане бросили въ городъ нѣсколь-ко Конгревовыхъ ракетъ, одна изъ нихъ по- пала въ домъ, но безъ дальняго вреда. 17 Іюля Англинскій фрегатъ и бригъ узнавъ, что Фран- цуская флопилія пробирается близъ берега изъ Венеціи въ Тріестъ, ночью напали на нее столь удачно, что всю ее испребили и взяли въ плѣнъ 7 канонерскихъ лодокъ и 4 пребаки. Сіе было послѣднимъ военнымъ дѣй- ствіемъ близъ Тріеста. По заключеніи мира Англичане удалились.

Послѣ Асперскаго сраженія, Наполеонъ для переправы чрезъ Дунай и для служенія на кононерскихъ лодкахъ и батареяхъ, на островъ Лобау устроенныхъ, имѣя нужду въ искусныхъ мапрозакъ, рѣшился воспользо- ваться покушеніемъ Англичанъ напасъ на эскад- ру нашу въ самой гавани; но дабы пре- ждевременно не опкрытъ своей настоящей цѣли, и зная, что пребываніе наше въ Тріе- стѣ, со времени занятія онаго Французами, не очень намъ пріятно, прислалъ къ началь- ствующему эскадры Капишану Быченскому слѣдующее предложеніе: „полагая, что пребы- ваніе Россійской Императорской эскадры въ „Тріестѣ небезопасно отъ нападенія Англи- „чанъ, я предлагаю вамъ Г. Капишану, вос- „пользоваться удаленіемъ непріятельской эска- „дры отъ береговъ, или какимъ другимъ

„удобнымъ случаемъ, и перейши съ эскадрою
 „вамъ ввѣренною въ Анкону, гдѣ какъ содер-
 „жаніе людей, шакъ и сильная защита сей
 „хорошо укрѣпленной крѣпости будутъ для
 „васъ обезпечены. Если же какія обстоятель-
 „ства, предпринявъ походъ сей не позво-
 „лятъ, то я искренне радъ о чести флага
 „моего союзника и друга, предлагаю вамъ
 „разоружить корабли и сдатьъ всѣ принад-
 „лежности оныхъ моимъ Комисарамъ перейши
 „съ экипажами въ *Удино*, гдѣ сформировав-
 „шись въ баталіоны, ожидайте дальнѣйшаго
 „повелѣнія для слѣдованія въ опечесство ваше.“
 10-го Іюня Лейпенапшъ Розенбергъ, возвратив-
 шійся изъ С. Пешербурга, посланъ былъ въ Вѣну
 съ отвѣтомъ слѣдующаго содержанія: „по
 „вѣрности кораблей не возможно безъ явной
 „опасности перейши мнѣ съ эскадрою изъ
 „Тріеста въ Анкону. Я надѣюсь, что больше
 „будетъ чести для флага Августѣйшаго мо-
 „его Монарха сразиться съ непріятелемъ, не-
 „жели, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, оста-
 „вить корабли ему на жертву. Въ такихъ об-
 „стоятельствахъ оставивъ свой постъ безъ
 „почнаго повелѣнія моего Государя и долгъ
 „и честь мнѣ запрещають.“

Въ продолженіе войны надежда Австрій-
 цевъ получить нашу помощь споль была об-
 щая, что даже послѣ Ваграмскаго сраженія,
 въ Тріестѣ съ достоверностію рассказывали,
 что 100-000 Рускихъ соединились съ арміею
 Принца Карла. Сполько-то Нѣмцы привыкли

видѣть насъ друзьями угнетенныхъ и помощниками слабыхъ. Не можно описать чувствъ печали и унынія Тріеспцевъ въ ту мину, когда объявлены были спашьи мира, заключеннаго между Франціею и Австріею. Несчастія Франца II омыты были горькими слезами всѣхъ его подданныхъ; прискорбіе же шѣхъ, кои лишались кропкаго, опеческаго его правленія, было поистинѣ жалости достойно.

Когда Ерц-Герцогиня Марія Луиза обручена была Наполеону, лучъ пріятной надежды оживилъ на краткое время Тріеспцевъ. Носился слухъ, что Иллирійскія провинціи, будущъ возвращены Австріи; но когда все оспалось по прежнему, то всѣ бѣдствія Австрійскаго Императора начали приписывать единственно Рускимъ. Наполеоново счастье, какъ думали тогда, было уже не преодолимо. Бракосочетаніе его съ Маріею Луизою успокоило огорченныхъ потерями Австрійцевъ; они полагали, что союзъ Австріи съ Франціею поставленъ на нѣвердомъ основаніи. Новые подданные Наполеона, въ неудовольствіи своемъ не предвидя облегченія своей участи, мечшали вмѣстѣ съ Французами о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, о разореніи другихъ и наконецъ ясно говорили, что театръ войны скоро перенесенъ будетъ въ сердце Россіи. Политическое мнѣніе, доселѣ столько лестное для Рускихъ, совершенно перемѣнилось; любовь и уваженіе къ правотѣ нашей очень охладѣли. Долгое опущеніе изъ опеческа, бездѣйствіе, праз-

дноспѣ, непріятность жить съ шѣми, кто не желаетъ намъ добра, и самыя удовольствія наши обратили въ скуку и утомленіе. Вообще неизвѣстность, долго ли еще мы будемъ безъ всякаго дѣла, и предчувствіе грозы, которая отовсюду скоплялась надъ отечествомъ, дальнѣйшее пребываніе въ Тріестѣ содѣлывали весьма для насъ непріятнымъ.

Наконецъ къ неизтѣлимой всѣхъ радости получено высочайшее повелѣніе отъ 27 Сентября 1809 года: корабли со всѣми принадлежностями къ онымъ, по условленной каждой вещи оцѣнкѣ сдать Французскому правительству, а экипажамъ, находящимся въ Тріестѣ, Венеціи и Корфѣ, соединившись въ одномъ изъ ближнихъ городовъ къ Тріесту, гдѣ назначено будетъ мѣстнымъ начальствомъ, ожидать тамъ дальнѣйшаго повелѣнія для слѣдованія въ Россію. Въ опредѣленіи цѣны кораблямъ и ихъ принадлежностямъ, Французскіе Комисары дѣлали большія запрудненія: напримѣръ пушки приняты были только за мешалль, порохъ за селистру, и многія вещи, еще годныя къ употребленію, оцѣнили въ 24-ю часть пропиву настоящей ихъ цѣны. Но одинъ посупокъ начальствующаго эскадрою принудилъ ихъ быть справедливыми. Корабельныя мачшы, кошорыя въ здѣшнихъ безлѣсныхъ мѣстахъ стояшъ очень дорого, не смотря, что нѣкоторыя были довольно прочны, а другія ничѣмъ не повреждены, были однакожь опредѣлены къ сломкѣ на дрова. Подъ предлогомъ

облегченія кораблей для вводу оныхъ къ бассейну новаго карантина, Французскій Комисаръ предложилъ всѣ мачты вынуть нашими людьми и въ цѣлости сложить въ сарай; но какъ въ портѣ не было крана, для вынута мачты необходимаго, то Михаилъ Тимоѣевичъ приказалъ ихъ срубить. Едва успѣли срубить одну мачту, Комисаръ убѣдительноше просилъ оставить въ цѣлости другія и симъ принужденъ былъ, какъ мачтамъ, такъ пушкамъ и другимъ вещамъ положить сходную цѣну. Къ 20 Октября военные снаряды, паруса и снасти сложены по сортамъ въ магазейны, пустые корабли введены въ бассейнъ новаго карантина, а люди перешли въ оповеденныя въ городѣ казармы.

Капитанъ-Лейтенантъ Сальти, начальствовавшій эскадрою, стоявшею въ Венеціи, разоруживъ суда свои ввелъ въ арсеналъ и въ Ноябрь мѣсяцъ, по повелѣнію Капитана 1-го ранга М. Т. Быченскаго, оставивъ для оцѣнки и сдачи всѣхъ матеріаловъ Французскому правительству нѣсколько Офицеровъ съ малымъ числомъ мажоратовъ, выпустилъ изъ Венеціи, и по назначенію Маршала Мармонна, Намѣстника Иллирійскаго, во ожиданіи прибытія морскихъ служителей изъ другихъ мѣстъ, расположился на квартирахъ въ *Оберъ Лайбахъ*. Лейтенантъ Куломзинъ, съ двумя транспорсами находившійся въ Боко ди Кашаро, сдалъ суда свои и получивъ квитанцію во что они были оцѣнены, въ Декабрь

мѣсяцъ чрезъ Далмацію прибылъ въ Тріестъ. Капитанъ-Командоръ Лелли, оспававшійся во все время въ Корфѣ, вспрѣтилъ немалыя затрудненія какъ въ сдачѣ кораблей, призовыхъ судовъ и магазейновъ, такъ особенно въ переправѣ изъ Корфы въ Италію. Не смотря однакожъ на бдишельность Англическихъ крейсеровъ, команды на малыхъ лодкахъ, всѣ благополучно и безъ пошери перевезены, и изъ *Лехтіо*, гдѣ было сборное мѣсто, выпутили въ дальнѣйшій путь. Между шѣмъ Генералъ-Адьюшантъ Графъ Шуваловъ, по повелѣнію Государя, исходатайствовалъ нужную помощь отъ Австрійскаго правительства, и когда отрядъ Капитанъ-Командора Лелли прибылъ въ Венеціанскій округъ, то и мы въ шести колоннахъ 24 Марша 1810 года наконецъ оспавили Тріестъ. Командамъ Балпійскаго флота, подъ начальствомъ Капитана 1 ранга М. Т. Быченскаго, должно было чрезъ Каринтію, Штирію, Венгрію и Галицію слѣдовать прямо въ Кроншадъ; командамъ же Черноморскаго, флота подъ начальствомъ Капитанъ-Командора Лелли, изъ Радзивилова предписано идти въ Николаевъ.

Не смотря на перемѣнившіяся политическія обстоятельство, жители Тріеста съ печалію разспались съ нами. Въ двух-лѣтнее пребываніе не вспрѣтилось ни одного случая, на который могли бы пожаловаться граждане города. Спирогая подчиненность маіоровъ и крошость ихъ обращенія пріобрѣли имъ

уваженіе, а проворспівомъ и отважностію своею въ ушущеніи загортѣвшагося въ каналъ судна, посреди города находящагося, заслужили они общую благодарность. Пожаръ сей показалъ жителямъ Тріеста безкорыстіе Рускаго народа. По обѣ стороны канала были магазейны полные поваровъ; истребленіе оныхъ разорило бы богатѣйшихъ купцовъ. Полиція не имѣла достапочноаго числа людей для ушущенія пожара; купцы, каждый думалъ о спасеніи своего имущества, народъ безъ плашы не хошѣлъ подвергать жизнь свою опасности, и между тѣмъ какъ торговались, покойный Капишанъ-Командоръ, съ каждаго корабля приказалъ отправить на берегъ прешъ экипажа, и вдругъ матрозы наши, одни бросились на гортѣвшее судно, другіе отрубивъ канаты вывели всѣ прочія суда изъ канала, и не могли ушущить огня, который распространился уже на мачшы, прорубили гортѣвшее судно, попили его въ гавани и тѣмъ спасли прочія отъ явной гибели. Къ удивленію купцовъ, которые собирали деньги, дабы отблагодарить матрозовъ, они безъ всякихъ требованій и хвасновства выпивъ по чаркѣ водки у того, кто догадался имъ поднести, тотчасъ разошлись. Дружескія и семейспвенныя связи нѣкоторымъ образомъ удерживали самихъ Французовъ въ угнешеніи хозяевъ тѣхъ домовъ, гдѣ стояли или принимаемы были Рускіе Офицеры. Предъ самымъ отправленіемъ городовое правленіе, именемъ всѣхъ сословій,

засвидѣтельствовало начальствующему нашему общую благодарность и признательность за сохраненіе порядка, добраго согласія и примѣрнаго поведенія какъ Офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ.

Отъѣздъ Принца Регента Португальскаго въ Бразилію. — Лиссабонскій договоръ.

Когда Принцъ Регентъ Португальскій рѣшился на отъѣздъ въ Бразилію, когда и преславленная Королева, мать его, доселѣ считавшая невозможнымъ переселиться изъ Европы въ Америку, побуждала его къ скорѣйшему отправленію; то нечаянное прибытіе Россійскаго флота въ Лиссабонъ 3 Ноября 1807 года подвергнуло Дворъ въ новое безпокойство. Союзъ нашъ съ Франціею, неизвѣстность, какія повелѣнія имѣетъ Россійскій Адмиралъ, и какое его намѣреніе въ разсужденіи Португальскаго флота, возбудили въ Лиссабонѣ непріятныя слухи. Народъ, устрашенный приближеніемъ Французскихъ войскъ и приуготовленіемъ къ отъѣзду Царской фамиліи, требовалъ оружія, большая часть войскъ были уже на корабляхъ, общая ненависть прошиву Французовъ могли имѣть печальныя послѣдствія; но на канунъ отъѣзда, слѣдующая прокламація успокоила народъ и убѣдила его въ необходимости осуществленія Королевскаго семейства.

„Пожертвовавъ драгоцѣннѣйшими выгодами народа, я вступилъ въ союзъ съ державами Европы, исполнилъ всѣ требованія Императора Наполеона (*) и предлагалъ одно условіе, что бы иностранныя войска не занимали предѣловъ Португалліи; но оно не принято. Французская армія вступила въ мои владѣнія, и я, не будучи увѣренъ въ собственнѣйшей безопасности, ѣду въ Бразилію; гдѣ мѣстомъ своего пребыванія, до заключенія общаго мира, избираю Санъ-Себастьянъ. Разлучаясь съ опечесствомъ, прошу моихъ подданныхъ съ терпѣніемъ и покорностію сносить постигшія ихъ жребіи. Всякое усиліе къ сопротивленію, было бы напраснымъ проливіемъ крови. Удержите, вѣрные мои подданные, справедливое ваше негодованіе противу сильнаго врага, побѣдившаго могущественнѣйшіе народы. Богъ, попускающій иногда временныя несчастія, никогда не оставитъ успѣшенныхъ, и рано или поздно, не укоснитъ наказатъ несправедливыхъ. Прощаясь съ вами, любезные и вѣрные мои подданные, я не перяю надежды опяшь съ вами увидѣться.“

17-го Ноября въ 9 часовъ утра Королева Марія Франциска Изабелла, Принцъ Регентъ сынъ ея и все Королевское семейство прибыли на флосъ. Въ проѣздъ ихъ чрезъ Лиссабонъ, народъ, пронзенный печалію, падалъ

(*) 20 Октября объявлена была война Англіи.

ницъ, и не громкими восклицаніями, а почтипелльнымъ горестнымъ молчаніемъ изъ-являлъ свою преданность. У пристани Принцъ Регентъ вышедъ изъ кареты, съ великимъ умиленіемъ прощался съ остававшимися чиновниками, поручилъ имъ при всшупленіи Французовъ спараться сохранить тишину, увѣщавалъ безропотно покориться несчастнымъ обстоятельствомъ. Приказалъ оспальныя войска, кои на корабляхъ помѣ-сшиться не могли, распустить по домамъ и принявъ благословеніе отъ Архіепископа, сѣлъ на шлюпку и отправился на корабль. Въ 11 часовъ, когда Францускія войска показались въ окрестностяхъ столицы, пушечный выстрѣлъ далъ знакъ къ отплытію и Португальскій флотъ, состояшій изъ 8 кораблей, 6 фрегатовъ, 9 бриговъ и 10 большихъ транспортовъ, снялся съ якоря. Множество купеческихъ судовъ, боясь отстать отъ своего флота, рубили каналъ и съ поспѣшностію слѣдовали въ море. Торжественныя клики Vivat! Ура! толпы народа, по берегу рѣки съ горестными воплями бѣгущія за Царскимъ кораблемъ, не одна тысяча шлюпокъ, въ слѣдъ за нимъ же плывущихъ, представляли такое зрѣлище, которое каждаго много мыслишь заставляло, и какое сердце не смущилось бы униженіемъ вѣнценоснаго дома, и чувствами общей скорби, печали и негодованія? Англинская эскадра, подъ начальствомъ Сира Сиднея Смитта, блокировавшая Лиссабонъ и стоявшая на якорѣ

предъ устьемъ Таго, вспірѣшили Принца Регента съ должною почестію. Весь день Португальскія купеческія суда, набишыя шакъ сказашъ народомъ, выходили изъ рѣки, на лодкахъ переѣзжали цѣлыя семейства, въ надеждѣ бышъ принятыми на свои или на Англинскіе корабли. Тѣснопа на военныхъ судахъ и транспортахъ не позволяла принимать болѣе людей. Смятеніе и опчаяніе шѣхъ, кои должны были возвратиться въ руки Французовъ, были неописанны. Лиссабонская чернь, намѣреніемъ спровоивляшъя вспупленію непріятеля угрожала новою бѣдою, внушенія начальства едва могли удержашъ волненіе народа. Многія семейства, опъ ожидаемаго бунта, искали убѣжища на корабляхъ, оставшихся въ Таго. Къ умноженію ужаса въ самой шопъ день къ вечеру поднялась жестокая буря, угнавшая въ океанъ бѣгспвующій флотъ; неисправность, дурное состояніе многихъ кораблей, заспавляло опасашъя гореспнѣйшихъ потерь.

При опплышii Португальскаго флота, въ Лиссабонѣ была молва, будто бы Принцъ Регентъ будешъ задержанъ Россійскимъ Адмираломъ. Связь нашего Двора съ Наполеономъ, коему по Тильзитскому миру мы были обязаны помогашъ и содѣйспвовашъ во всѣхъ его предпріятіяхъ, до шого молву сію, распропаненную неблагонамѣренными людьми и подшвержденную одною Французскою газетою, въ общемъ мнѣніи ушвердила, что и самыя

праводушные люди вѣрили, что Сенявинъ не упустилъ воспользоваться случаемъ, который можетъ доставить ему благоволеніе Императора Наполеона. Когда же Португальскій флотъ миновалъ Россійскій, когда и купеческія суда свободно были пропущены, то безпокойное ожиданіе и смутное подозрѣніе народа обратились въ радость. Сей поступокъ Сенявина пріобрѣлъ ему любовь и довѣренность Португальцевъ, почтеніе благомыслящихъ Французовъ, и изумленіе тѣхъ, которые, слѣпо слѣдуя Наполеоновой философіи, видѣли въ поступкѣ семъ усиліе добродѣтели, великодушіе необычайное; ибо думали, что священные права госпепріимства и самая даже честь для сокровищъ, погруженныхъ на Португальскихъ корабляхъ, могли бытъ нарушены. Послѣдствіе доказало, что Сенявинъ симъ благороднымъ подвигомъ заслужилъ уваженіе и самыхъ непріятелей, пріуготовилъ себѣ по Англинскаго Адмирала снисхожденіе, которое спасло честь нашего флага и избавило Россію отъ огорченія видѣть флотъ свой принужденнымъ безъ славы сдаться на уничижительную капишуляцію, или вовсе бытъ истреблену.

20-го Ноября Француская армія, числомъ до 30,000 челов., собралась въ окрестностяхъ Лиссабона, но опасаясь возмущенія жишелей споль многолюдной столицы не прежде какъ 22-го Ноября въ 6-ть часовъ по полудни вступила въ Лиссабонъ, а въ слѣдующіе дни занявъ

всѣхъ крѣпости по берегу Таго расположенныя, 25-го Ноября въ полдень на оставшихся въ адмиралтействѣ 4 корабляхъ, 10 фрегатахъ и 8 мелкихъ военныхъ судахъ (*), также и на всѣхъ крѣпостяхъ и батареяхъ спустили Португальскіе флаги, а вмѣсто оныхъ подняли Французскіе. При чемъ главнокомандующій Французскими войсками Генераль Жюно именемъ Наполеона объявилъ, что Братанскій Домъ перешелъ царствовать въ Португалію.

Не смотря, что Португалія занята была безъ всякаго сопротивленія, съ нею поступлено было какъ съ завоеванною областію. Первыми дѣйствіями Французскаго правительства были: отобраніе въ казну Англинскихъ товаровъ, коронныхъ имуществъ, наложеніе на государство обременительной контрибуціи и всѣ другія мѣры къ угнетенію и разоренію народа способствующія, что крайне затрудняло распоряженія Сенявина къ продовольствію его эскадры.

Не имѣя еще никакихъ наставленій, въ какомъ видѣ пріемлетъ нашъ кабинетъ насильственное занятіе Португаліи, доселѣ бывшей съ Россіею въ союзѣ; и какъ флотъ нашъ пришелъ въ Лиссабонъ тогда, когда Принцъ Регентъ въ немъ еще властвовалъ, то поему полагая Лиссабонъ, для Россійскаго флага, портомъ нейтральнымъ, Сенявинъ,

(*) Купеческихъ судовъ оставалось въ Лиссабонѣ до 500.

дабы обезпечить себя на случай дурнаго обо-
роша дѣлъ для Французовъ, рѣшился не при-
нимать ни какого участія въ дѣлахъ новаго
союзника, уклонять отъ себя всякіе непріяз-
ненные поступки, могущіе оскорбить народъ
Португальскій; и наконецъ въ дѣйствіи про-
шиву Англичанъ, ограничить себя только
тѣмъ, чтобы съ собственными силами быть
во всякое время готову принять и отпра-
вить ихъ нападеніе. Адмиралу стоило боль-
шаго труда, соразмѣрить свое поведеніе ска-
заннымъ образомъ, нужна была необыкновен-
ная осторожность и благоразуміе, дабы вы-
играть довѣренность Дюка д'Абраншеса, спа-
равшагося вовлечь Сенявина въ свои распо-
ряженія, къ угнетенію Португальцевъ клонив-
шіяся, и при томъ не оскорбить Англичанъ, съ
величайшею недовѣрчивостію наблюдавшихъ
его поступки и поведеніе. По счастью Жю-
но, будучи пышный и великолѣпный Французъ,
былъ при томъ человекъ добрый, простой и
откровенный въ обхожденіи, и Дмитрій Ни-
колаевичъ до того снискалъ его доброе рас-
положеніе, что Маршалъ, поколику строгость
предписаній Наполеона ему позволяла, за удо-
вольствіе пославлялъ облегчать участь по-
кровительствуемыхъ Сенявинымъ Англичанъ,
съ давняго времени въ Лиссабонѣ поселив-
шихся. Съ другой стороны Адмиралъ Кон-
шонъ, получивъ отъ Сиднея Смиша, котораго
онъ смѣнилъ, доброе мнѣніе о свойствахъ Се-
нявина, хотя отправление въ Россію Контръ-

Адмирала Грейга и другихъ Англинскихъ Офицеровъ, (*) служившихъ на флотѣ нашемъ, было поводомъ непріятнаго объясненія съ Коптономъ, коему сія великодушная мѣра Правительсва нашего показалась ожесточеніемъ прошиву Англіи; но послѣ сего, сношенія обоихъ Адмираловъ были основаны на взаимномъ уваженіи и приличной вѣжливости.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1808 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе Сенявину, со ввѣренною ему эскадрою состоять въ распоряженіи Наполеона. Но сей вѣроломный союзникъ упошреблялъ во зло сдѣланную ему довѣренность. Всѣ повелѣнія, полученныя отъ него, заключали въ себѣ хитрыя намѣренія, усмремленныя къ погубленію Россійскаго флота, и Сенявинъ, сколько ни старался подъ разными благовидными предлогами уклоняться отъ исполненія такихъ повелѣній, былъ поставленъ наконецъ въ самое затруднительное и опасное положеніе. Въ сихъ тягостныхъ обстоятельсвахъ Сенявинъ, опровергнувъ личную свою выгоду и личные виды для своего честолюбія, руководимый только совершенною приверженностію къ Государю своему и любовію къ Отечеству, успѣлъ укрыться отъ прозорливаго и неограниченнаго властолюбія, и если Наполеонъ былъ недоволенъ медленнымъ исполненіемъ его воли, то Сенявину обязаны мы сохраненіемъ нашей чести. Одно изъ шаковыхъ повелѣній было

(*) 9 Февраля 1808 года.

слѣдующаго содержанія: дабы усилить эскадру нашу Португальскимъ кораблемъ и фрегатомъ, осмѣвавшимися въ Лиссабонѣ, Наполеонъ приказалъ, призвавъ людей со шлюпа Шпицбергена, въ поршѣ Виге находившагося и ошкомандировавъ съ cadaго корабля по нѣскольку людей, дополнивъ экипажъ корабля и фрегата Португальскими и иностранными машросами, копорыхъ должно было взять силою. Сенявинъ подъ предлогомъ, что ему нужно бытъ въ осторожности отъ нечаянныхъ нападеній и въ соспояніи дать сильный оппоръ Англичанамъ, началъ починивать по одиначкѣ всѣ корабли свои, и далъ знать, что когда онъ будетъ въ гошовности съ своею эскадрою вышши въ море и напасъ на непріятеля, тогда приступишь и къ вооруженію Португальскаго корабля и фрегата.

13-го Маія въ 5-мъ часу пополудни на адмиральскомъ кораблѣ Твердомъ отъ молніи загорѣлась гротъ (*) мачша; огонь сшоль далеко распроспранился внушрь, что не было возмжноши ушущиъ его. Адмиралъ приказалъ срубишь мачшу, и когда новая была изгошовлена, шо ее посшавили, оснаспили корабль и привели изъ Адмиралшейства на свое мѣсто въ линію, не болѣе какъ въ 4-ре часа, за что Капитану и Офицерамъ сигналомъ изъявлена благодарность, а машрозамъ приказано дать по чаркѣ вина.

(*) Средняя и большая.

Въ началѣ 1808 года народная война рас-
 проспранилась по всей Испаніи. Уже папріо-
 ты, сражавшіеся съ ожесточеннымъ муже-
 ствомъ за драгоцѣнную честь свою и свобо-
 ду, не смотря на неуспройство свое, въ нѣ-
 копорыхъ мѣстахъ имѣли успѣхъ; всякое сно-
 шеніе съ Россіею прекратилось. Надежда на
 полученіе денегъ, къ содержанію эскадры необхо-
 димыхъ, совсѣмъ исчезла. Адмиралъ, имѣя креди-
 тивы и личное уваженіе, хопя бы и могъ
 брашь деньги на исправленіе и на другія по-
 требности эскадры опъ Агеншовъ; но разсуж-
 дая, что при возвратѣ суммъ Агентамъ, каз-
 на должна была приплачивать по курсу зна-
 чительное число проценшовъ и за комис-
 сію, и желая опклонишь опъ нея столь
 великой убытокъ, рѣшился употребить на
 расходы призовую сумму. Но какъ сумма сія
 составляла собственностъ пріобрѣтшихъ ее и
 по закону ПЕТРА Великаго, нынѣ царствующимъ
 Императоромъ подшвержденному, дол-
 женствовала во всякомъ случаѣ, какъ частное
 имущество, бышь неприкосновенною; по-
 сему Адмиралъ предложилъ участвующимъ,
 не согласятся ли они уступить каждый свою
 часть на издержки по эскадрѣ необходимыя,
 представляя, что каждый, получа свою долю,
 вѣроятно употребить ее на иностранныя
 издѣлія и возвратишся домой со множествомъ
 бездѣлокъ, но безъ денегъ, увѣряя при томъ
 всѣхъ, что Государь, конечно съ благоволе-
 ніемъ приметъ такое общее къ нему усердіе,

и по возвращеніи въ Россію каждый получишь свою часнь безъ удержанія. Могли ли подчиненные Сенявина, привыкшіе во всѣхъ его предпріятіяхъ видѣть свою пользу и славу, могли ли, когда онъ самъ значительною своею долею пожертвовалъ казнѣ, не рѣшиться слѣдовать его примѣру? Весь флотъ единодушно согласился, и казна ошъ процен-шовъ, переводу денегъ на иностранную монету и за комиссію банкерамъ, пріобрѣла по самому ограниченному щету, въ свою пользу до 250 тысячъ червонцовъ; вся же призовая сумма и слѣдовавшая на жалованье и прочее простиравшаяся до 600 тысячъ червонцовъ, оспалась внутри государства нашего.

Примѣръ Испанскаго народа пробудилъ упавшій духъ и Португальцевъ. 20 Іюня развернулось знамя за честь и свободу опечесшва. 6 Іюля, въ Опорто начальникъ регулярныхъ Испанскихъ войскъ взялъ подъ стражу Французскаго Генерала Кенеля съ его штабомъ, возвелъ на прежнее мѣсто Губернатора Оливедскаго и вскорѣ подъ предсѣдательствомъ Епископа учредилась Юнпа, кошорая принявъ верховную власшь обнародовала извѣщеніе, что съ Испанією и Англією возобновлены миръ и дружество, что Королевство Галиція и другія пограничныя Испанскія обласши готовы содѣйствовать въ опечесшвенной войнѣ. Англичане, въ скоромъ времени высадкою войскъ своихъ въ Опорто и доставленіемъ ружей, пушекъ и пороху подкрѣпили всенародное

возстаніе. Жюно, получивъ о семъ извѣстіе, всѣ находившіяся при его корпусѣ Испанскія войска обезоружилъ и опослалъ на разснащенные корабли, споявііе въ Таго. Наполеоновы легіоны дѣйствовали сначала удачно, успѣвали возстановлять спокойствіе; но толпы паприіоновъ безпрестанно умножались, въ выгодныхъ позиціяхъ защищались опчаянно, уступали иногда превосходному устройству Францускихъ полковъ; но опъ того не унывали, разсѣявшись собирались снова, нападали, искали смерти, сражались упорно, жертвуя жизнію, не просили и не давали пощады. Духъ геройства оживилъ и мирныхъ поселянъ, мщеніе врагамъ было ихъ военнымъ словомъ, смерть и раны за опечесство были ихъ обѣщомъ. Война жестокая и кровопролитная распространилась по двумъ Государствамъ, опъ Пиринсеевъ до Кадикса, и опъ Эбро до Таго, весь народъ, старый и малый, даже женщины вооружились и поклялись непримиримою враждою къ имени Французовъ. Наглая неслыханная обида въ лицѣ Испанскаго и Португальскаго Королей исполнила вѣрный народъ изступленіемъ злобы, дикаго геройства, и Наполеонъ сдѣлалъ первый шагъ къ своему паденію; рука Божія на Пиринейскомъ полуостровѣ приуготовила ему казнь, соразмѣрную его тиранству. Францускія войска видя, что съ ними въ первый разъ осмѣлились обходиться какъ съ разбойниками, смущались, уничижились духомъ, и побѣждая шокмо въ

своихъ Мониперахъ, въ каждомъ сраженіи безъ пользы перяли они людей; переходя опъ одной битвы къ другой, изъ мѣста въ мѣсто блуждали они какъ въ очарованномъ лѣсу; выгоняли изъ города папріошовъ, и выспуная для возстановленія шишины въ другомъ, возвращались, покоряли и уступали одинъ и тотъ же городъ по нѣскольку разъ въ одинъ мѣсяць. Голодъ и утомленіе уменьшали войска ихъ болѣе, нежели самыя битвы; раненые, больные и опсставшіе погибали невозвратно; кто попадался въ плѣнъ, тотъ безжалостно былъ убиваемъ народомъ. Французы мстили пожарами и казнями, и сами старали на коспрахъ непріятельскихъ, умирали опъ руки ночного убійцы и управляемы были ядомъ.

Генераль Куазонъ, съ сильнымъ отрядомъ отправленный изъ Лиссабона для усмиренія папріошовъ въ Опорто, послѣ безполезныхъ жаркихъ сшибокъ, спрадась бытъ опрѣзаннымъ опъ главнаго корпуса повсюду возспаяющими поселянами, принужденъ былъ возвратиться назадъ. Сообщение съ Французскою арміею въ Испаніи прекратилось, опасность увеличивалася и наконецъ Французскія войска, въ Португаліи находившіяся, были окружены многочисленными еще неустроенными полками, но уже довольно привыкшими къ огню и бурямъ военнымъ. Въ семъ положеніи дѣль Маршалъ Герцогъ д'Абраншесъ издалъ къ жителямъ Лиссабона увѣщательную прокламацію,

исполненную безстыдныхъ увѣщаній и угрозъ; но она ни мало не подѣйствовала, поздно уже было раскаяніе и народъ съ адскою улыбкою почилъ въ пайнѣ кинжалы мщенія. Въ то же время, дабы усилить защищеніе по рѣкѣ Таго расположенныхъ крѣпостей и произвести полезное вліяніе на Португальцевъ и Испанцевъ, Жюно наспоятельно именемъ Наполеона требовалъ отъ Адмирала Сенявина высадить на берегъ нѣсколько морскихъ солдатъ и мажорсовъ съ его эскадры. Сенявинъ, какъ сказано выше, пославивъ себѣ правиломъ ничего непріязненнаго не предпринимать противу Лиссабона, отвѣтствовалъ Французскому Маршалу, сколько можно учтивѣе, что въ слѣдствіе повелѣнія Императора Наполеона и въ защиту чести флага Россійскаго, онъ долженъ быть готовъ на каждую минуту опразить всѣми силами непріятельское нападеніе, а потому, къ крайнему сожалѣнію, не можетъ удѣлить ему людей не ослабивъ себя самого, тѣмъ паче, что малое ихъ число было бы для него бесполезно, и вмѣсто помощи, по незнанію языка, болѣе обременительно.

Вскорѣ послѣ сего Маршалъ Жюно принужденъ былъ собрать въ одно мѣсто войска свои и всѣми наличными силами напасть на Англичанъ 5 Августа при *Ролейѣ* и 9-го при мѣстечкѣ *Велейро*; но по упорномъ сраженіи будучи разбишъ отступилъ къ Лиссабону, гдѣ возмущившійся народъ пославилъ его въ затруднительное положеніе. 12-го числа Мар-

шалъ Жюно для заключенія общей капишуляціи съ Англинскими Главнокомандующими сухопутныхъ и морскихъ силъ, пригласилъ Сенявина въ *Каскайю*; 16-го числа увѣдомилъ, что соглашеніе въ *Каскайѣ* не состоялось и 19-го Августа Жюно сообщилъ капишуляцію, заключенную имъ въ *Цинтрѣ* съ Англинскимъ Генераломъ *Далримплемъ*, по обстоятельству весьма для себя выгодную. Въ числѣ статей сей капишуляціи, седьмая была слѣдующаго содержанія:

„Неутралишеть Лиссабонскаго порта для
„Россійскаго флота долженъ быть признанъ,
„по естъ, когда Англинская армія или флотъ
„займешь городъ и портъ, то Россійскій
„флотъ не долженъ быть обезпокоенъ въ про-
„долженіи его пребыванія въ сей гавани, ни-
„же остановленъ, когда бы оный пожелалъ ее
„оставить, ниже преслѣдованъ, когда бы оный
„вышелъ въ море, до окончанія 48 часоваго
„срока, по положенію общаго морскаго закона,
„принятаго воюющими народами.“

Въ силу прочихъ статей сего договора, съ великимъ неудовольствіемъ принятаго Англинскимъ Правительствомъ и народомъ, Францускія войска должно было перевезть въ ближайшій портъ Франціи, безъ всякаго условія въ разсужденіи ихъ будущей службы, а Португальскія крѣпости немедленно сдать Англинскимъ войскамъ.

20-го Августа Адмиралъ Кошпонъ, не утвердивъ седьмой статьи капишуляціи, объ-

явилъ Сенявину о невозможности признавъ и упральнымъ Лиссабонскій портъ ни въ тогдашнемъ его соспояніи, ни по выходѣ изъ онаго (Французовъ. На другой день на крѣпостяхъ Сан-Жуліанъ и Бужіа подняшы были Англинскіе флаги, а попомъ и крѣпость Белемъ (*) была также занята непріятелемъ. Въ семъ крайне запруднительномъ положеніи, когда эскадра наша была окружена съ моря (**), и сухаго пуши чрезмѣру превосходными силами, Адмиралъ призвавъ Капитановъ кораблей, требовалъ мнѣнія, что въ такомъ крайнемъ случаѣ предпринять должно. Капитаны кораблей по общему согласію объявили Адмиралу, что они согласны слѣдовать всякому его посшановленію. Дмитрій Николаевичъ, поблагодаривъ за лестную довѣренность, ошвѣчалъ Капитанамъ: я предложу Англинскому Адмиралу договоръ; но какъ въ обстоятельспвахъ, въ какихъ мы находимся, невѣрояшно, чпобы какое либо соглашеніе, кромѣ безусловной сдачи, могло бышь принято, для спасенія чести нашей, я не вижу другаго еще пуши, какъ сражашься по всей возможности.

Эскадра наша спояла между крѣпосшью

(*) По заключеніи договора, на всѣхъ крѣпостяхъ поднягы были Португальскіе флаги.

(**) Англинская эскадра состояла, изъ 13 кораблей; 11 фрегатовъ 5 мѣлкихъ военныхъ судовъ и 200 транспортовъ.

Белемомъ и южнымъ берегомъ, въ двухъ линіяхъ полукруга, шакъ что непріятельскій корабль нападая ни одинъ изъ нашихъ долженъ былъ бы сражаться вдругъ съ двумя и тремя кораблями; подходя же, надлежало ему выдержать огонь всей почти Россійской эскадры. Въ такой позиціи каждый былъ увѣренъ въ возможности дать сильный оппоръ Англичанамъ, не смотря на то, что береговья башарей были опъ насъ ближе каршечнаго выспрѣла. Офицеры и служившєи, одушевленные мужествомъ, не думали объ опасности, съ нѣкоторымъ шоржествомъ готовились къ смерти, не спускали глазъ съ непріятельскихъ кораблей и жаждали перваго выспрѣла. Въ продолженіи переговоровъ, каждый, мучимый неизвѣстностію, горѣлъ неперпѣніемъ сразиться, и при малѣйшемъ движеніи въ непріятельскомъ флотѣ восклицалъ: Англичане снимаются, идушъ наконецъ, слава Богу! Но послѣ шщетнаго помилельнаго ожиданія, продолжавшагося цѣлые три дня, опъ Главнокомандующаго опданъ былъ приказъ слѣдующаго содержанія:

Превратныя обстоятельство Поршугальскаго Королевства доставили наконецъ Англичанамъ совершенную власшь надъ Лиссабонскимъ поршомъ. Адмиралъ Кошшонъ объявилъ мнѣ, что онъ не признаетъ сего Порша неупральнымъ, ни шогда, когда оный былъ занятъ Французами, ни по выходѣ ихъ изъ онаго. Францускій Главнокомандующій Дюкъ д'Абраншесъ 19-го минувшаго Августа заключилъ

капишуляцію на оставленіе города во власнь Англичанамъ, и тѣмъ положеніе эскадры нашей содѣлалось спѣсняемо непріятелемъ какъ съ моря, такъ еще преимущественнѣе съ сухаго пуши гораздо превосходиѣйшими силами.

Всякъ благомыслящій ясно разумѣль въ то время, что къ спасенію эскадры не оставалось другаго средства, какъ согласишь съ не пріятелемъ договоръ, копорый былъ бы сопряженъ съ честію и пользою Государя Императора, опечества и личности нашей. На сей конецъ предувѣдомилъ я о всемъ томъ Господь Командующихъ кораблями и фрегатамъ, копорые, по доспапочномъ разсужденіи, были согласны слѣдовать моимъ посшановленіямъ. Сосшавленные мною спашьи договора ушверждены и Англинскимъ Адмираломъ минувшаго Августа 23 числа. Для свѣденія по командамъ оный при семъ прилагается.

Статьи договора, заключеннаго между Вице-Адмираломъ Сенявнымъ, Св: Александра Невскаго и другихъ Россійскихъ Орденовъ кавалеромъ и Адмираломъ Баронетомъ Карломъ Коттономъ.

Первая. Военные корабли Россійскаго Императора, споящіе нынѣ въ Таго и означенные поименно въ приложенной при семъ шабели, имѣющъ бышь опданы Адмиралу Сиру Карлу Кошпону непосредственн со всѣми ихъ принадлежностями, какъ нынѣ сосшояшъ, для

отправленія въ Англію и содержанія оныхъ тамъ подъ сохраненіемъ его Британскаго Величества, кои имѣють бышь возвращены чрезъ шесть мѣсяцовъ по заключеніи мира между его Британскимъ Величествомъ и Императоромъ Всероссійскимъ.

Вторая. Вице-Адмиралъ Сенявинъ, съ Офицерами, мапрозами и морскими солдатами, находящимися подъ его начальствомъ, возвратишья имѣють въ Россію безъ всякаго условія или поспановленія о будущей ихъ службѣ, и будущъ шуда отправлены на военныхъ корабляхъ, или на другихъ приличныхъ судахъ на иждивеніи его Британскаго Величества.

Заключено и подписано на кораблѣ *Твердомъ* въ Таго, и на кораблѣ *Гиберніи* при успѣѣ Таго ^{23 Августа}
3 Сентября.

подпи- } Сенявинъ.
сано } Коптлонъ.

Скрѣпилъ: по повелѣнію Вице-Адмирала
Зассъ, Коллежскій Ассессоръ.

Скрѣпилъ: по повелѣнію Адмирала,
Жамесъ Меннеду, Секретарь,

На другой день сверхъ сихъ спашей утверждены начальствующими эскадръ слѣдующія двѣ дополнителныя:

Третья. Флаги Его Императорскаго Величества на Вице-Адмиральскомъ кораблѣ и на другихъ корабляхъ не спускашь, покуда не оставишь перваго Адмиралъ и другихъ Ка-

питаны съ должными или слѣдуемыми имъ почестями.

Четвертая. По заключеніи мира корабли и фрегаты будутъ возвращены Его Величеству Императору Всероссійскому, въ томъ же почно состояніи, въ какомъ онѣ нынѣ сданы (*). Изъ числа десяти кораблей, Ярославъ и Рафаиль останутся здѣсь на рѣкѣ Таго, а Экипажи ихъ размѣстятся на корабли, слѣдующіе въ Англію.

Сіи двѣ статьи будутъ почитаться яко составляющими часть соглашенія, заключеннаго и подписаннаго ^{25 Августа} 3 Сентября. Въ удостовѣреніе чего мы подписываемъ двѣ совершенно сходныя копіи. Заключено и подписано на кораблѣ Твердомъ въ Таго и на кораблѣ Гиберніи при успѣхъ сей рѣки ^{24 Августа} 4 Сентября 1808 года.

(*) Корабли Сильный и Мощный прибыли въ Кроштадъ въ 1813 году. За прочіе пять кораблей и фрегатъ Англійское Правительство, не смотря, что корабли сіи совершенно сгнили (что конечно случилось бы съ ними и въ Россіи) заплатило такую сумму, чего бы оныя стояли новые; пушки и годные снаряды привезены на флотъ нашъ, возвратившемся изъ Англіи въ 1813 году.

Корабли, заключающіеся въ договоръ:

Имена кор.	Имен.	Капитан.	Чис. пуш.	Чис. Эк.
1) <i>Твердый</i>	Кап.	1 р. Малѣевъ	84	— 756.
2) <i>Скорый</i>	Кап.	1 р. Шелтингъ	64	— 524.
3) <i>Св. Елена</i>	Кап.	1 р. Ив. Быченскій	74	— 598.
4) <i>Селифанъ</i>	Кап.	2 р. Рожновъ	74	— 610.
5) <i>Ярославъ</i>	Кап.	2 р. Митьковъ	74	— 567.
6) <i>Ратвизанъ</i>	Кап.	2 р. Ртищевъ	66	— 549.
7) <i>Сильный</i>	Кап.	Лей. Мальгинъ	74	— 604.
8) <i>Мощный</i>	Кап.	Лей. Развозовъ	74	— 629.
9) <i>Рафанъ</i>	Кап.	Лей. Быченскій	84	— 646.
10) <i>Фр. Кильдюинъ</i>	Кап.	Лей. Дурновъ	32	— 222.

и того 700. пуш. 5685 человекъ,

Сохраненіе чести флага, для славы Государя необходимое, есть предметъ великой важности, драгоценный для Генерала, солдата и всякаго сына Отечества. Въ обстоятельствахъ, въ какихъ эскадра наша находилась, чинашели мои могутъ ясно видѣть, въ какой опасности была честь флага Россійскаго, и если служившіе на военномъ поприщѣ и знающіе, что значить поперять знамя или флагъ, съ удовольствіемъ прочтутъ сей достопамятный Лиссабонскій договоръ, который по смыслу сшапей едва ли соглашеніемъ назвать можно, но конечно уразумѣютъ они изъ того, что единственно рѣшимости, искусству веселъ перемены, а болѣе лично къ Сенявину уваженію непріятеля, обязаны мы и потомство наше спасеніемъ чести

флага, шой славы, для пріобрѣшенія копорой мы охотно жертвуемъ жизнію и ищемъ смерти съ радостію. Въ военныхъ дѣйствіяхъ пріобрѣпенныя выгоды измѣряющся поперею непріятельскою; но часто и топъ и другой присвоивающъ себѣ побѣду; почему сличеніе публичныхъ актовъ воюющихъ державъ еспъ вѣрное мѣрило истинны реляцій. По уваженію сему, дабы соопечественники мои могли почерпнушъ удовольствіе свое изъ огорченія непріятелей нашихъ, я предлагаю здѣсь выписку изъ публичныхъ Англинскихъ бумагъ, поднесенныхъ Королю для сужденія въ Парламентѣ (*):

„Извѣстіе о побѣдахъ, одержанныхъ въ
 „Португалліи Сиромъ Аршуромъ Велеслеемъ
 „17 и 21 Августа н. сп. приняты были наро-
 „домъ всѣхъ состояній съ воспоргомъ, но при
 „появленіи *трезвѣтайной газеты*, въ коей объ-
 „явлено было объ освобожденіи Португалліи
 „опъ Французовъ и о взятіи на сбереженіе
 „Россійской эскадры, неудовольствіе публики
 „было неописанно. Потеря сраженія чрезъ из-
 „мѣну не произвела бы столько полковъ,
 „сколько уничижительныхъ разсужденій

„Что опорожненіе Португалліи еспъ пред-
 „метъ великой важности, сего никто опъ
 „вергнушъ не можетъ: но что бы побѣдоно-

(*) Помѣщенные въ морскомъ Хронологическомъ журналѣ.
 Смотри Naval chronicle 20 томъ страницы 229 и 362.

„свая армія должна позволишь разбишому не-
 „пріятелю въ числѣ 15,000, когда Бришанская
 „армія сосшояла изъ 32,000, ошправившись
 „съ оружіемъ, аммуниціею, со всею частною
 „и казенною собствєнностію, пріобрѣщенною
 „грабительствомъ, и что бы сверхъ того
 „должно было перевести сихъ мародеровъ въ
 „ихъ опечество, дабы они могли бытъ не-
 „медленно употреблены противу насъ или на-
 „шихъ союзниковъ, поистиннѣ сіе каждому
 „должно казаться очень непонятнымъ.“

„Принятіе Россійскаго флота подѣ со-
 „храненіе, для безусловнаго возвращенія по
 „заключеніи мира, еще болѣе того удивитель-
 „но. Препровожденіе же, на нашемъ ществѣ и
 „содержаніи въ Рускіе гавани офицеровъ и ма-
 „тросовъ, дабы они неукоснительно могли дѣй-
 „ствовать противу нашего храбраго и благород-
 „наго союзника Короля Шведскаго, естъ дѣло
 „неслыханное и самая военная исторія не
 „представляешъ подобнаго примѣра.“

„Капитуляція, заключенная въ Цинтирѣ,
 „конечно естъ самая непріятная и невыгодная
 „для насъ; но естъ ли бы Адмираль Коптонъ
 „согласно съ Генераломъ Дарлимплемъ призналъ
 „и ушвердилъ седьмую сшапью сей капиту-
 „ляціи, шо Россійскій флотъ не могъ бы ус-
 „кользнуть изъ нашихъ рукъ. Коптонъ желая
 „опличиться въ искуствѣ переговоровъ, предъ
 „извѣстнымъ и прославившимся въ диплома-
 „тическихъ тонкостяхъ Россійскимъ Адмира-
 „ломъ ошвергнулъ помянутую седьмую сшапью

„и подписалъ морской договоръ, чрезъ кото-
 „рый гораздо болѣе, нежели Цинпрскою ка-
 „пишуляціею унижена національная честь, и я
 „(*) смѣю утверждать, что если бы сего-
 „мая спашья была Коппономъ исполнена,
 „то мы выиграли бы несравненно больше,
 „нежели чрезъ его Лиссабонскій договоръ.
 „Разсмотримъ обстоятельство сего дѣла: Рос-
 „сійскій флотъ вошелъ въ Таго, когда Принцъ
 „Регентъ имѣлъ еще власть, слѣдовательно
 „онъ былъ портъ нейтральный, а какъ портъ
 „сей, не смотря на то, что временно занятъ
 „былъ Французскими войсками, всегда принадле-
 „жалъ Португаліи, донынѣ въ союзѣ съ Рос-
 „сіею состоящей, то посему какъ до вступ-
 „ленія Французскихъ войскъ въ Лиссабонъ,
 „такъ и по освобожденіи онаго, во время мор-
 „скаго договора мы должны почитать его ней-
 „тральнымъ. Принявъ сіе во основаніе, поло-
 „жимъ теперь, что Рускому флоту позволили бы
 „выйти въ море и не погнались бы за нимъ
 „прежде 48 часовъ, тогда одно изъ слѣдую-
 „щихъ обстоятельствъ было бы неминуе-
 „мымъ послѣдствіемъ. Наша Лиссабонская эс-
 „кадра могла бы догнать оный или нашъ Ка-
 „нальный флотъ, или крейсерующій въ Нѣмец-
 „комъ морѣ, или наконецъ нашъ Балтійскій
 „флотъ или Шведскій, могли бы встрѣшить-

(*) Лордъ Моръ Градоначальникъ Лондона.

„ся съ нимъ. Положимъ и то, что Россійская
 „эскадра счастливо преодолѣла бы всѣ пре-
 „пятствія, избѣгнула бы бдительности нашихъ
 „крейсеровъ, даже разбила бы всѣ наши флоты,
 „и благополучно прибыла бы наконецъ въ Крон-
 „штадтъ; то по крайней мѣрѣ Россійскій Ад-
 „миралъ пришелъ бы шуда на собственномъ,
 „а не нашемъ содержаніи. Сверхъ того мы
 „не должны были бы ломать вѣхіе Рускіе
 „корабли въ своихъ портахъ и плашину за
 „нихъ какъ за новыя, не обязаны были бы со-
 „держивать того непріятеля, который къ уни-
 „чиженію достоинства Великобританіи съ раз-
 „вѣвающими флагами въ торжествѣ пришелъ
 „въ нашъ портъ.

„Во всѣхъ отношеніяхъ Цинтурской и Лис-
 „сабонской договоры не подають ни малѣйшаго
 „утѣшенія, и какъ подробности оныхъ, такъ
 „и все цѣлое, чрезъ мѣру безславны и уничи-
 „жительны для цѣлой націи.

„Сирѣ Келдеръ (Адмиралъ) за совершен-
 „ную побѣду (*), по приговору военного суда,
 „получилъ выговоръ; а теперь, спустя не
 „много лѣтъ, человекъ, столь совершенно по-
 „бѣжденный (vanquished) Сенявинымъ, еще на-
 „чальствуетъ ненаказанно? Честь націи отъ
 „того жестоко страдаетъ и еспли въ со-

(*) Келдеръ, разбивъ Французскую эскадру, сужденъ былъ за то, почему онъ, имѣя возможность взять всѣ корабли, допустилъ, что нѣсколько оныхъ ушло.

„браніи Парламенша, не будетъ изслѣдовано
 „поведеніе Главнокомандующихъ Далримпеля
 „и Копшона, по я желалъ бы, чпо бы Члены
 „Парламенша послѣ сшрогаго и безприсстра-
 „снаго сужденія, наказавъ преступленіе, из-
 „бавили себя отъ справедливаго нареканія.“

По сему представленію Лорда Мера, Далримпль опданъ подъ военный судъ и смѣненъ Велеслеемъ (нынѣшнимъ Герцогомъ Веллигтономъ), командовавшимъ передовымъ войскомъ. Велеслей, по повелѣнію главнокомандующаго, подписавъ капитуляцію, пропестовалъ прошиву оной. Примѣръ таковаго почнаго повиновенія начальству было первымъ шагомъ славныхъ подвиговъ Герцога въ Португалліи и Испаніи. Оправданіе Копшона, по обстоятельствамъ того времени и доводамъ, въ ономъ приведеннымъ, сполько любопышно, чпо я не излишнимъ счишаю сдѣлать изъ онаго крапкую выписку.

„Выгоды Англіи и Россіи сопряжены не-
 „разрывно. Пепръ Великій и Пиппъ такъ
 „думали; благомыслящіе любители Ошечества
 „обѣихъ націй въ томъ согласны, опыты до-
 „казали намъ пользу союза съ Россіею; —
 „опытъ же надѣюсь покажетъ, чпо нынѣшняя
 „война не принесетъ Россіи, а еще менѣе
 „Англіи, ни славы и никакой выгоды. Россія
 „и Англія, по Географическому, даже нрав-
 „ственному отношенію, не могутъ и не дол-
 „жны быть соперницами, и, какъ двѣ сестры
 „имѣющъ нужду только во взаимной любви

„и уваженіи. Истинные патриоты съ край-
 „нимъ сожалѣніемъ и прискорбіемъ приняли
 „перемѣну, вопреки политической нашей
 „связи съ Россіею послѣдовавшую. Мы лиши-
 „лись послѣдняго и вѣрнаго друга. Россійскій
 „народъ, съ такимъ безкорыстіемъ проливав-
 „шій кровь свою для защиты общаго дѣла,
 „пріобрѣлъ столько правъ на нашу къ нему
 „благодарность и удивленіе, что не смотря
 „на разрывъ дружественныхъ связей, неблаго-
 „разумно было бы, какъ я думаю, отчуждаць
 „отъ себя пріязнь могущественнаго народа.
 „Націи, бывшія однажды въ войнѣ, никогда
 „уже послѣ не могутъ быть искренними
 „друзьями. Пролитая кровь и въ побѣдителей
 „и побѣжденномъ посѣетъ сѣмя вражды: оно
 „произрастетъ, дастъ горкіе плоды и сопер-
 „ничество въ славѣ обратится со временемъ
 „въ ненависть.“

„Служивъ до старости съ полнымъ усер-
 „діемъ моему Отечеству, я увѣренъ и надѣюсь,
 „что никто не упрекнетъ меня уклоне-
 „ніемъ отъ нападенія на Россійскую эскадру,
 „которая, не смотря на похвальное мужество
 „воиновъ, не смотря на рѣшительность пред-
 „водителя ихъ, объявившаго мнѣ готовность
 „защищаться до крайности, должна бы была
 „безъ сомнѣнія уступить превосходной силѣ
 „или погребсти себя въ Таго. Скорое опорож-
 „неніе Португалліи не позволяло медлить;
 „твердость непріятельскаго Адмирала заспа-
 „вляла ожидать печальныхъ слѣдствій его

„опчаяннаго мужества; сраженіе, долженство-
 „вавшее произойти, такъ сказать, въ самомъ
 „Лиссабонѣ, должно было причинить жителямъ
 „значительный убытокъ, столица могла бытъ
 „битвы двухъ флотовъ истреблена бытъ ог-
 „немъ. По симъ причинамъ я утвердилъ прис-
 „ланный отъ Сенявина договоръ—и не упрекая
 „совѣсти моей по личному уваженію къ свой-
 „ствамъ его, не усомнился подписать двѣ
 „дополнительныя статьи о неприкосновеннос-
 „ти и должной почести Россійскому флагу.
 „Благородное и благоразумное поведеніе Сеня-
 „вина въ продолженіи десятидесяти тысячаго пре-
 „быванія его въ Лиссабонѣ, безпрепятственный
 „пропускъ Принца Регента въ Бразилію, до-
 „вѣренность, пріобрѣтенная имъ въ Порту-
 „гальскомъ народѣ, мое и Капишановъ, подъ
 „моимъ начальствомъ состоящихъ, къ нему
 „почтеніе убѣдили меня согласиться на нѣко-
 „торое должное къ достоинству его уваженіе.
 „Честь Россійскому флагу, честь нашимъ недру-
 „гамъ, оказанная предъ лицомъ Бришаніи, пове-
 „дательницы морей, да будетъ жершвою при-
 „напелности Англическаго народа къ Россійс-
 „кому. Докажемъ свѣту, что характеръ Бри-
 „шанцевъ еще не измѣнился, докажемъ, что
 „мы умѣемъ отдавать справедливость и не-
 „пріятелю! Но воли народа меня обвиняютъ,
 „—съ покорностію ожидаю безпристрастнаго
 „суда его, и надѣюсь, что просвѣщенные Па-
 „триоты, просиравъ взоръ свой на будущую
 „перемѣну политическихъ обстоятельствъ, не

„помрачашъ чести моей и моего ревностнаго
„служенія Опечеспву.“

Компшонъ, какъ извѣстно былъ оправданъ и не вскорѣ лишился начальства, но попомъ перемененъ былъ и мѣсто его засупилъ Вице-Адмиралъ Берклеѣ; только Лорды Адмиралства опъ 17 Сентября Н. С., вѣроятно прежде его оправданія, дали ему на замѣчаніе, что по заключенной уже капишуляціи, не должно было ему подписывать двѣ дополнителныя спашы.

*Продолженіе дѣйствій Россійской эскадры въ
Портсмутъ. Поднесеніе Сенявину вазы. При-
бытіе въ Ригу.*

Въ слѣдствіе Лиссабонскаго договора, Экипажи съ кораблей Ярославъ и Рафаила размѣщены были на прочіе корабли. При съѣздѣ Капитановъ флаги и вымпелы были спущены съ должною почестію. Для сдачи сихъ двухъ кораблей, оставлены были содержатели матеріаловъ и Ревизоръ съ 30 человѣками мап-росовъ. 31 Августа Россійская эскадра оставила Лиссабонъ. На корабляхъ нашихъ, проходя корабль Англинскаго Адмирала, спавили людей по ваншамъ, равномѣрнои Англинскіе корабли отдавали такуюже почестъ нашему Адмиралу. При успѣѣ Таго, Англинская эскадра, бывшая подъ начальствомъ Конпръ-Адмирала Тиллера и состоявшая изъ 7 кораблей, 2 фрегатовъ и 1 брига, соединилась съ нами и построилась подъ

вѣспромѣ нашей эскадры въ линію. Въ продолженіи плаванія, на эскадрѣ Сенявина развѣвалъ Императорскій флагъ; Англинскій Адмиралъ уступалъ Сенявину старшинство и отдавалъ ему почести первый. 26 Сентября, лавируя и подходя къ Портсмуту, на корабляхъ нашихъ подняли флаги. Эскадра Тиллера сдѣлала поже; но на Англинскихъ корабляхъ, споявшихъ на рейдѣ, и на крѣпостяхъ флаги спустили. На другой день поутру, слѣдуя кораблю Адмирала Монтегю, главнаго Командира Портсмутскаго порта и на нашей эскадрѣ вмѣстѣ съ Англинскими кораблями подняты были флаги при барабанномъ боѣ. Необыкновенное зрѣлище видѣвъ непріятельскій флагъ развѣвающимъ въ своемъ портѣ, не понравилось гордому Англинскому народу. Морскіе Офицеры такое уваженіе Россійскому флагу почтили уничиженіемъ могущества Бриганскаго на моряхъ. Правительство, дабы не раздражить народа, не публиковало послѣднихъ спашей, составляющихъ дополнительные пункты соглашенія; но когда въ Лондонѣ узнали о прибытіи въ Портсмутъ Россійской эскадры подъ своимъ флагомъ, по одиному не вѣрили, другіе спѣшили видѣвъ явленіе, какого никогда не бывало. Разглашеніе о семъ и огорчительныя толки произвели явный ропотъ, и Король, по дошедшимъ ко нему непріятнымъ слухамъ, чрезъ Министра морскихъ силъ прислалъ Сенявину слѣдующую нопу.

„Адмиралъ Копшонъ, по заключеніи пер-
 „выхъ двухъ спашей Лиссабонскаго договора,
 „не имѣлъ права подписывать двѣ дополни-
 „тельные къ оному спашьи. Его Британское
 „Величество не признаетъ двухъ сихъ спа-
 „шей дѣйствительными и не можешь позво-
 „лить, что бы въ его гавани развѣвалъ не-
 „пріятельскій флагъ; почему Россійская эска-
 „дра долженствуетъ снять свои флаги, и
 „вмѣсто оныхъ, до отъѣзда въ Россію, имѣю-
 „щаго въ скоромъ времени послѣдовать, ни
 „какихъ не поднимаешь. Ваше превосход-
 „ительство приглашаетесь пріѣхать въ Лон-
 „донъ, Капитаны же ваши имѣютъ позволе-
 „ніе сойти на берегъ или жить на корабляхъ
 „до возвращенія въ Россію.“

подписали :

Лордъ Мульеравъ
 Вардъ
 Дометтѣ.

Сенявинъ не могъ не догадаться, что
 правительство Англинское, ошринувъ часть
 договора, имѣетъ въ виду воспользоваться
 самомалѣйшимъ его упорствомъ, и чрезъ
 то получить причину къ уничтоженію
 и всѣхъ спашей онаго; почему и отвѣчалъ
 Лорду Мульграву въ слѣдующихъ выраженіяхъ:
 „Я никогда не могъ сомнѣваться, что
 „бы подписавшій Лиссабонскій договоръ не
 „имѣлъ отъ Англинскаго правительства
 „доспашочнаго уполномочія; почему непризна-

„ніе его Брипанскимъ Величествомъ дѣйспви-
 „тельными послѣднихъ двухъ дополнишель-
 „ныхъ спашей, пѣмъ болѣе пріемлю я съ
 „удивленіемъ и огорченіемъ, что онѣ раши-
 „фикованы Адмираломъ Копшономъ вмѣспѣ
 „съ первыми и составляютъ часть неотп-
 „дѣльную отъ наспоющаго договора. Съ моей
 „спороны я выполнилъ всѣ условія свяшо.
 „Находясь въ портѣ и владѣніи Англинскомъ,
 „не могу не исполнишь воли его Королевскаго
 „Величеспа: почему и дальнѣйшее исполне-
 „ніе договора зависить теперь отъ Англин-
 „скаго Минисперспа; всякое другое объясне-
 „ніе по сему предмету излишнимъ почишаю.
 „Приглашеніемъ пріѣхашъ въ Лондонъ восполь-
 „зоваться не могу, равно и Капитанамъ мо-
 „имъ не нахожу приличнымъ жить на берегу.

Сенявинъ.

Адмиралъ Монпегю, по ревности ли къ
 службѣ, или поданному наспавленію, требовалъ
 немедленнаго исполненія въ слѣдствіе отно-
 шенія Лорда Мульграва, и угрожалъ, что
 если Сенявинъ не спустишь своего Ад-
 миральскаго и другихъ корабельныхъ фла-
 говъ прежде захожденія солнца, то онъ опю-
 шлетъ его на берегъ и никогда не позво-
 лишь поднйшь флага въ другой разъ. Дими-
 прій Николаевичъ отвѣчалъ на сіе: „во владѣ-
 ніяхъ Короля волѣ его прошивишься не могу;
 почему въ обыкновенное время по захожденіи
 солнца съ должными почестями корабель-

ные флаги будутъ спущены, мой будетъ снятъ ночью. Если же ваше Превосходительство имѣете право мнѣ угрожать, то, нарушая симъ святость договора, вынуждаете меня сказать вамъ, что я здѣсь еще не плѣнникъ, никому не сдавался, не сдамся и теперь, флагъ мой не спущу днемъ, и не опдамъ оный, какъ только вмѣстѣ съ жизнію моею. „Монпегю не осмѣлился болѣе насшаивать,—безъ повелѣнія правительства силою принудить спустить флаги, было бы явное нарушеніе договора, еще болѣе уничижительное для Англіи, нежели самое онаго утвержденіе: и шакъ онъ послѣ угрозъ своихъ замолчалъ. Въ слѣдствіе сихъ переговоровъ отданъ былъ по флоту слѣдующій приказъ:

„Опъ Англинскаго Министра морскихъ силъ получено мною извѣстіе, что въ слѣдствіе Лиссабонскаго договора, Его Величеству Королю Великобританскому угодно въ скорѣйшемъ времени отправить насъ въ Россію; а какъ Его Величество находить неприличнымъ, что бы флаги наши развѣвались въ его портахъ, ибо они непріятельскіе, то и предлагаетъ, что бы я и Капитаны съѣхали на берегъ взявши съ собою флаги и вымпелы съ увѣреніемъ, что до отъѣзда нашего въ Россію не будетъ поднятъ никакой флагъ на корабляхъ нашихъ. Я не нахожу надобности съѣзжать на берегъ, равно и Гг. Капитанамъ; но не имѣя возможности не исполнить требованія Англинскаго Короля, шѣмъ паче, что

находимся въ его портѣ и его владѣніяхъ, я имѣю въ сей ночи снятъ мой флагъ и предписываю Господамъ командующимъ кораблями и фрегата снятъ вымпелы также ночью, — корабельные же флаги по обыкновенію спустить по пробитіи зари. На корабль *Твердолюбъ* 29 Сентября 1808 года.“

Сенявинъ.

Настояніе Монтегю подало поводъ жителямъ Порпсмуша ожидать, что Сенявинъ будетъ принужденъ спустить свой флагъ, какъ то дѣлають военнопленные, сдавшіеся съ присвоеніемъ военныхъ почестей. Но когда сего не послѣдовало, журналисты всѣми силами напали на Коштона, и опдали справедливостъ Сенявину. Каррикатуры, ходившія въ публикѣ, всѣ были въ похвалу послѣдняго, нѣсколько дней имя Сенявина переходило изъ устъ въ уста, множество любопытныхъ желали видѣть его, и видѣвшіе оныя добраго сердца поздравляли и радовались его поржеству. Кто знаетъ характеръ Англичанъ, тотъ не удивился, что Сенявинъ въ общемъ мнѣніи заслужилъ такое уваженіе. Еслибъ Дмитрій Николаевичъ согласился ѣхать въ Лондонъ во время продолжавшагося воспорга, то весьма вѣроятно, что народъ вспрѣшилъ бы его рукоплесканіемъ, криками и понесъ бы его на рукахъ. Во время перваго разрыва съ Англіею въ 1801 году, Нельсонъ прибылъ со флотомъ въ Ревель, когда онъ

крыты были переговоры о мирѣ, въ чаяніи опличнаго пріема, онъ просилъ позволенія пріѣхать въ Петербургъ, — Сенявинъ по той же причинѣ отказался видѣть Лондонъ. Какое самонадѣяніе и какая скромность видна въ характерахъ двухъ Адмираловъ.

1 Октября, при опношеніи Лорда Мульграва, явилсякъ Сенявину Коммисаръ *Мекензи*, назначенный Англинскимъ правишельсипвомъ для приведенія въ исполненіе подробностей Лиссабонскаго договора; на негоже возложено было попеченіе о содержаніи эскадры. Во первыхъ свезенъ былъ порохъ на берегъ, потомъ эскадра перешла къ острову Вайту, гдѣ на *Модеръ-баниѣ* и спала Ферпоингъ (*). На зиму для облегченія кораблей и свободнѣйшаго размѣщенія служиселей сложены въ магазейны паруса и аршиллерія.

Наспояніа Сенявина, для положенія безнужнаго содержанія Офицерамъ и служиселямъ, принятіе больныхъ въ гошпитали и тому подобныя требованія, были безъ труда удовлетворяемы; но побужденіе къ скорѣйшему отправленію экипажей въ Россію сполло ему многихъ непріятностей, великихъ безпокойствъ и произвело щекошливую переписку, продолжавшуюся до самаго отъѣзда изъ Англіи: то опклоняли отправленіе за неимѣніемъ судовъ, то располагались перевезшъ

(*) На двухъ якоряхъ.

экипажи въ Архангельскъ, шо дѣлали несообразныя предложенія, какъ шо: оставленіе доспапючнаго числа служившелей для храненія кораблей и принадлежностей оныхъ до заключенія мира. Наконецъ Англинское Правительство опкладывало опправление по причинѣ продолжавшейся еще Шведской войны. На послѣднее Сенявинъ представлялъ, что сіе не можешъ касаться до него; ибо когда заключенъ былъ договоръ, шо Адмиралъ Коптонъ извѣщенъ уже былъ о войнѣ Россіи съ Швеціею,

Въ концѣ 1808 и въ началѣ 1809 годовъ, Англичане опправляли въ Испанію войска. Почти безпрестанно приходило и уходило въ море по 200 и 300 транспортовъ. 1 Февраля 1809 года прибыли изъ Лиссабона оставшіеся тамъ для сдачи кораблей Рафаила и Ярослава Офицеры и мапрозы. 18 Апрѣля Англинскій фрегатъ, при свѣжемъ вѣтрѣ лавируя въ Нидельскомъ проливѣ, спалъ на мѣль у острова Вайна. Онъ пребовалъ сигналами скорой помощи изъ Портсмута, вода была тогда въ самомъ почти возвышеніи и опавалось нѣсколько минутъ до гибельнаго положенія сего фрегата. Въ шо самое время сигналомъ съ корабля Твердаго велѣно шерпящему бѣдспіею подашь помощь. Съ немалымъ трудомъ и опасностію, въ короткое время фрегатъ нашими людьми былъ снятъ съ мѣли. Адмиралу Кортесу поручено было благодарить Сенявина опъ лица прави-

пелъства. Почтенный старикъ, прибывъ на корабль Твердый, съ радостію изъяснилъ Сенявину признашельность народа и между прочимъ сказалъ ему, что Англія почишаетъ его другомъ своимъ. Сенявинъ, сшоль леспную, многозначущую признашельность принялъ съ должнымъ благоговѣніемъ.

Вопъ еще знакъ особенной признашельности Англинскаго Правительсва къ Д. Николаевичу. Фрегатъ Спѣшный опправленъ былъ изъ Кронштада съ деньгами и разными вещами, пошребными на содержаніе арміи и флопа въ Средиземномъ морѣ бывшихъ. Капитанъ фрегата, по прибытіи въ Портсмутъ, извѣстясъ, что эскадра наша возвращается въ Россію, остановился ожидать оной на мѣстѣ. Между тѣмъ послѣдовалъ разрывъ и фрегатъ взяли въ плѣнъ. На немъ былъ серебряный сервизъ, адресованный Адмиралу Сенявину. Англинское Правительсво, токмо по личному уваженію, повелѣло выключить оный изъ числа призовъ, яко собспвенность Сенявина и доставить ему. Англинскіе Офицеры, имѣвшіе случай заслужить вниманіе Сенявина, искали его покровительсва, которое съ шакимъ уваженіемъ было принимаемо, что доставляло имъ награду или какое либо опличіе. 20 Апрѣля, начали сдавать корабли по описи; 18 Маія 36 транспоршовъ назначены были для перевозу командъ въ Россію.

Предъ опѣздомъ, нѣкоторые Офицеры предложили засвидѣтельсвовать Сенявину

общую къ нему благодарность публичнымъ актомъ. Не ужели, говорили они, съ славнымъ нашимъ начальникомъ разстанемся мы равнодушно? Нѣтъ, возразили другіе, одной признательности недостаточно:—поднесемъ ему вазу, которая была бы его достойна и соразмѣрна той степени усердія и признательности, съ какою мы желаемъ засвидѣтельствовать ему свои чувствованія предъ обществомъ и свѣтомъ. Мнѣніе сіе принято было съ радостію и единодушно. Тогдашъ приступили къ исполненію; собрали достаточную сумму съ каждого поровну, выбрали депутатовъ, которымъ поручили сочинить рѣчь, составить рисунокъ, придумать украшенія и проч.; а до тѣхъ поръ, пока ваза будетъ готова, дали слово содержащъ намѣреніе сіе въ тайнѣ, дабы нечаянностію опклонить отказъ и пріятно удивить Главнокомандующаго. Полковника Вакселя, находившагося въ Лондонѣ, просили изъ многихъ рисунковъ, по совѣту знаменитѣйшихъ художниковъ, не щадя издержекъ, выбрать или сочинить лучшій. Г. Ваксель охотно принялъ на себя всѣ попеченія, чиновники нашей Миссіи и многіе путешественники, останавливавшіеся въ Лондонѣ, также приняли дѣятельное въ томъ участіе. Составленіе рисунка и работа вызы, поручена славнѣйшимъ въ Лондонѣ Академикамъ и Ювелирамъ. По признанію одного изъ нихъ, наша ваза, какъ во вкусѣ, такъ опдѣлкѣ и изобрѣшеніи эмблемъ, далеко превосходитъ вазу,

поднесенную Лорду Нельсону. Такое подношеніе не только достопамятно, какъ опличный знакъ усердія подчиненныхъ къ Начальнику; но паче примѣчашельно какъ первый примѣръ сего рода въ Россійскомъ флотѣ, примѣръ важный для потомства, равномѣрно къ чести Начальника и подчиненныхъ относящійся. Многія вазы могутъ быть и богаче и дороже; но подаренная Сенявину украшается наиболѣе мыслями и чувствами столь рѣдко заслуживаемой общей признашельности, любви, уваженія и преданности. Видя, что до отъѣзда въ Россію, ваза не могла быть готова, рѣшились они поднести обстоятельный рисунокъ оной.

1 Іюня, когда Сенявинъ всего менѣе ожидалъ какой либо нечаянности, видишь, что со всѣхъ кораблей Капитаны съ Офицерами въ полномъ мундирѣ ѣдутъ къ его кораблю. Не зная чему приписать такое движеніе, Дмитрій Николаевичъ спросилъ, что бы сіе значило? Но вдругъ избранные Депутаты Капитаны П. М. Рожновъ, Д. К. Мишковъ и Р. П. Шеллингъ входящъ; за ними, сколько могло помѣститься въ каютѣ, вошли Офицеры. Одинъ изъ Депутатовъ, къ пріятному изумленію Сенянина, отъ лица всего сословія привѣтствуетъ его слѣдующею рѣчью:

Ваше Превосходительство!

„Вы въ продолженіи чешырехлѣшнягоглавнаго начальства надъ нами, во всѣхъ слу-

чаяхъ показали намъ доброе свое управленіе. Какъ искусный воинъ, будучи неоднократно въ сраженіи съ непріятелями, заставили насъ, какъ сошрудниковъ своихъ, всегда торжеспвовать побѣду. Какъ добрый отецъ семейства, вы имѣли о насъ попеченіе, — и мы не знали нужды, а заботу и шруды почитали забавою; вы оное видише на радоспныхъ лицахъ нашихъ.

Вы своимъ примѣромъ и насшавленіемъ ободряя за добро и умѣренно наказуя за вины, исправили наши нравы и ошогнали пороки, сопряженные съ молодоспію. Въ помъ порукою наше поведеніе. Будучи въ спѣсненныхъ по несчаспію обспояшельсшвахъ, вы ошврапили ошъ насъ всякой недосшашокъ, даже досшавили случаи пользоваться удовольсшвіями; — съ вами всегда мы были и еспъ счасшливы.

Теперь приближилось время возвращенія въ любезное наше ошечеспво, по прибыпії куда окончипся и наше споль продолжипельное плаваніе; а можешъ бышъ, чшо по необходимости должны будемъ лишипся и вашего надъ нами начальсшва. Слѣдовашельно, оспашеся намъ шолько возблагодарипъ за всѣ ваши благодѣянія, но чѣмъ? Прославимъ ли васъ нашею похвалою? мы знаемъ, чшо прямо досшойный челошѣкъ похвалъ удаляешся; онъ любипъ похвалу заслуживашъ, а не слушапъ. — Изъявимъ ли вамъ наше почшеніе, нашу любовь? но онѣ давно уже обипашупъ въ серд-

цахъ нашихъ ; вамъ шо извѣстно : да и кто въ томъ усомнишься можешъ? Попщимся ли увѣрятъ васъ въ своемъ повиновеніи и преданности? Вы видѣли ихъ на дѣлѣ.

Когда народъ непросвѣщенный, не имѣющій другихъ правъ, кромѣ войны; другой надъ собою власпи, кромѣ духовной, — и шопъ народъ (*) добровольно вамъ повиновался, почиталъ васъ и любилъ : такъ намъ ли съ ними равняться? Нѣшъ эшо для насъ неудовлетворительно! Мы хопимъ соорудить шаконъ памятникъ, въ кошоромъ бы ваши и наши пошомки могли видѣть и воспоминашь незабвенное добро, вами содѣянное. Мы шакже хопимъ, что бы вамъ равные видѣли въ семъ памятникѣ достойный примѣръ добраго управленія ; мы даже и шого хопимъ, что бы нашъ Всемиловѣйшій Государь, узнавъ нашу къ вамъ приверженность, могъ видѣть, сколь должна бышь велика наша къ Нему благодарность за посшавленіе надъ нами споль достойнаго Начальника ; и наконецъ сами вы, смошря на оный, не безъ удовольствія вспоминашь будете о тысячахъ приверженныхъ къ вамъ сердець.

Сей памятникъ состояшь будешъ изъ вазы съ приличными на оной изображеніями. Скорость нашего отправленія не дозволяешъ намъ дождашься полученія оной изъ Лондона,

(*) Черногорцы.

гдѣ она доканчивается ; но по прибытіи нашемъ въ Россію, поручено вѣрному человѣку, по изгословленіи доставить въ Санктпетербургъ, гдѣ мы будемъ имѣть удовольствіе Вашему Превосходительству оную поднести.

(*) Неперпѣніе наше такъ велико, что мы въ ожиданіи оной просимъ васъ благосклонно принять рисунокъ, представляющій видъ вазы съ описаніемъ нынѣшняго изображенія, которое подастъ вамъ нѣкоторую мысль о подлинникѣ. При семъ приложенъ списокъ Офицеровъ, изъявляющихъ вамъ сію благодарность и сіе начертаніе. Въ заключеніе всего оспаешся намъ желать, что бы Ваше Превосходительство все оное приняли отъ насъ благосклонно, и не сочли что либо лестною, а единственно изъявленіемъ вамъ усердія, любви и благодарности.“

Описаніе вазы: Ваза вышиною полтора футовъ, вылита изъ серебра, украшенія изъ чистаго золота, формы Эпирурской. На крышкѣ золотой орелъ съ Императорскою короною на главѣ, сидящій на кругломъ щипѣ, въ одной лапѣ держитъ Турецкую Луну, а другою опирается на щипъ, на которомъ вырѣзана слѣдующая надпись: *Въ память побѣды, одержанной Россійскою эскадрою надъ Турецкимъ флотомъ у острова Лемноса въ Архипелагѣ 1807 года Іюня 19-го дня.*

(*) До отъѣзда въ Россію ваза была готова и поднесена въ Портсмутъ.

Четыре змѣи во знаменованіе мудрости и вѣчности извиваясь соспавляющъ обѣ ручки вазы, и головами своими поддерживающъ широкой золошой поясъ, на которомъ начерпана эмалью слѣдующая надпись: *поднесена Его Превосходительству Г. Вице-Адмиралу и Кавалеру Дмитрію Николаевичу Сенявину Россійскими Офицерами, на эскадрѣ подъ его начальствомъ находившимся, во изъявленіе своего къ нему усердія, любви и благодарности. 1809 года.*

На срединѣ вазы двѣ золошыя вѣтви: одна изъ дубовыхъ, другая изъ лавровыхъ листьевъ, во знаменованіе швердости и славы, съ одной стороны обвивающъ золошое изображеніе Его Императорскаго Величества съ надписью: *АЛЕКСАНДРЪ I, 1807 годѣ*, напоминающею побѣду при Лемносѣ подъ благоденственнымъ царствованіемъ сего Монарха одержанную. Съ другой стороны сѣиже вѣтви обвивающъ гербъ Вице-Адмирала Сенявина.

Нижняя конечность вазы украшена листьями и цвѣтами *Лотуса*, (распение посвященное Непсуну и свойственное только водамъ Архипелажскимъ). На подносѣ при якоря, обвитые канатами, сходясь въ одно средоточіе, поддерживающъ и служатъ ей основаніемъ.

Адмиралъ никакъ не ожидалъ шакого явленія; въ продолженіи рѣчи, смиреніе его боролось съ сердечнымъ наслажденіемъ; по окончаніи же оной, когда поднесли ему изображеніе вазы; онъ едва прерывисто могъ отвѣчать: „Почтенные мои поварищи, — это уже

слишкомъ много — благородныя ваши чувствованія умиляютъ меня до глубины души — я не имѣю словъ — не умѣю вамъ объяснить мою признательность. Но могу ли не принять столь неоцѣненнаго подарка — онъ будетъ сокровищемъ моимъ и единымъ завѣпнымъ наслѣдствомъ дѣшей моихъ:», Едва Димитрій Николаевичъ принялъ изображеніе вазы, клики ура! раздались на всей эскадрѣ. Офицеры просили потомъ удостоить принять отъ нихъ угощеніе. Теперь я въ вашемъ распоряженіи, отвѣчалъ Адмиралъ. Послѣ сего всѣ вышли. Между тѣмъ шканцы обратились въ залъ, красиво убранный флагами. Когда сѣли за столъ, хоръ пѣвчихъ, сопровождаемый оркестромъ музыки, пропѣли акроспихъ, также на сей случай сочиненный.

Се! кто присущсшвіемъ желанный,
Единъ всѣхъ веселишь сердца?
Начальникъ славою вѣнчанный,
Являешь намъ собой Опца.
Враговъ Россіи побѣдитель,
И счастья нашего творецъ,
Надежда всѣхъ и покровитель,
Мужъ незабвенный для сердець.

5-го Іюня Адмиралъ въ знакъ признательности давалъ Офицерамъ балъ и ужинъ. Праздникъ продолжался во всю ночь. Корабль *Твердый* представлялъ въ сіе время нѣчто необыкновенное. Освѣщенный фонарями, онъ

казался огромнымъ огненнымъ столбомъ, возникающимъ изъ моря. Шканцы обращены были въ великолѣпный залъ, убранный зеленою, вазами цвѣтовъ, картинами и разноцвѣтными флагами; Каютъ-кампанія и верхняя палуба до грошъ мачшы, составляли двѣ залы, съ такимъ же вкусомъ убранныя. Буфетъ былъ особеннымъ образомъ усроенъ, бочки рому, лимонаду, поршеру, шеры, поршвейну и другихъ винъ висѣли на цѣпяхъ. Бахусъ, увѣнчанный виноградными листьями, чрезъ кранъ наливая бокалы, потчивалъ гостей. Въ нижней палубѣ, Конспапельская обращена была въ театръ. Такимъ образомъ корабль превращенъ былъ въ трехъ-этажный домъ, въ коемъ ничто не походило на корабль. Кромѣ Англичанокъ украшали балъ и Россіянки, прибывшія изъ Лондона для опытія въ общество вмѣстѣ съ экипажами. Угощеніе было истинное Русское: удовольствіе хозяина, ловкость, вниманіе его ко всѣмъ, разливали на общество непритворное веселіе; всѣ были счастливы, танцевали, рѣзвились до свѣту. Хоры пѣвчихъ, Рускія и цыганскія пляски, разнообразили занятіе, и гости, особенно Англичане, признавались, что они ничего подобнаго сему не видали.

12-го Іюня, Команды, перебравшіяся на транспорты по вспрѣшившейся въ оныхъ необходимости для Англичанъ, снова перешли на корабли свои. Вскорѣ 20 кораблей, 15 фрегатовъ, 23 брига и 280 транспортовъ съ войсками опплыли въ Испанію. Наконецъ 31-го

Июля, Команды размѣстились на 21 транспорть. Для Главнокомандующаго назначенъ былъ фрегатъ *Чампионъ*. 5-го Августа оставили Поршсмушь. На другой день прошли Дувръ, на короткое время заходили въ Диль и Ярмушь и 18-го прибывъ въ Кашегашъ за противнымъ въспромъ спали на якорь между островами Ангольшомъ и Есселемъ. Проходя Бельшомъ, по причинѣ пишины и мѣлей, часто спановились и снимались съ якоря и пользовались малѣйшимъ въспромъ. 26-го Августа, къ конвою нашему, споявшему на якорѣ у острова *Ромсо*, прибылъ другой, состоявшій изъ 250 Англинскихъ и Шведскихъ судовъ. Англинскій Конпръ-Адмиралъ, сопровождавшій оный въ Балтійское море, предложилъ нашему Адмиралу изъ своей эскадры лучшей для помѣщенія фрегата *Тартаръ*, на который тотъ-же день Сенявинъ съ Шшабомъ своимъ и перешелъ. 28-го встрѣтился съ другимъ конвоемъ изъ 200 судовъ, возвращавшимся изъ Балтики. 6-го Сентября къ виду Шведской Помераніи, нѣсколько судовъ, поднявъ Прускіе флаги, отдѣлились отъ конвоя и пошли въ разныя стороны. Такимъ-то образомъ, не смотря на бдишельность Наполеоновои таможенной спражи, взаимныя выгоды купцовъ или лучше народовъ, не могущихъ обойтись безъ торговли, всегда находили способы производить оную хотя тайнымъ образомъ.

9-го Сентября, на вечеръ конвой прибылъ въ Ригу, и команда вступила на берегъ. Симъ кончилась сія доспомянутая для Россійска-

го флота кампанія. Въ продолженіи чешырех-
лѣшнихъ трудовъ не однимъ бурямъ океана
прошивуборсшвуя, не однимъ опасностямъ
военнымъ подверженныя, но паче спеченіемъ
полишическихъ обстоятельсшвъ неблагопріят-
сшвуемые, Россійскіе плавашили наконецъ бла-
гополучно возвратились въ свои гавани. Со-
храненіе столь значительнаго числа храбрыхъ,
опытныхъ мапрозовъ, во всякомъ случаѣ для
Россіи весьма важно. Сенявинъ исхишилъ
такъ сказапъ ввѣренныя ему морскія силы
изъ среды непріятелей шайныхъ и явныхъ, и
съ честію и славою возвратилъ ихъ Государю
и ошечесшву.

Эскадра Капитана Гетцена въ Тулонъ.

Капитанъ 1-го ранга Гешценъ, принявши
начальсшво надъ двумя кораблями, св. Пеш-
ромъ и Москвою, получилъ опъ Вице-Короля
Ишаліянскаго Принца Евгенія своеручное пись-
мо и опъ Францускаго Миниспра морскихъ
силъ Декре (Decrès) официціальное увѣдомленіе
объ объявленной войнѣ Англіи, и вмѣсшъ съ
онимъ извѣспіемъ Имперашоръ Наполеонъ, на-
ходившійся тогда въ Падуѣ, предложилъ эскад-
рѣ нашей для лучшей безопасности заблаго-
временно перейти изъ порша Фераіо въ Ту-
лонъ. Капитанъ Гешценъ ожидалъ для испол-
ненія сего предложенія подшвердительнаго по-
велѣнія опъ Высочайшаго нашего Двора, и
для скорѣйшаго полученія нужныхъ насшав-

леній писалъ въ С. Петербургъ къ Морскому Министру П. В. Чичагову, въ Вѣну и Парижъ къ Посламъ нашимъ Князю Куракину и Графу П. А. Толстому. Секретарь посольства Алек. Як. Булгаковъ, отправленный отъ Д. П. Ташищева изъ Палермы въ С. Петербургъ съ донесеніемъ о сдачѣ фрегата Венуса Сицилійскому Правительству, имѣлъ повелѣніе доставить сію новость командующему кораблями въ портъ Фераіо. Г. Булгаковъ отправился сначала въ Калліари, потомъ перѣхалъ въ Корсику, и отсюда послѣ 55 дней труднаго путешествія моремъ на малыхъ лодкахъ и сухимъ путемъ верхомъ, въ безпрестанной опасности отъ Англическихъ крейсеровъ и разбойниковъ, наконецъ достигнулъ порта Фераіо, и весьма кснати увѣрилъ Капитана Гепцена о точномъ и совершенномъ разрывѣ нашемъ съ Англіею. Князь Куракинъ на опношеніе Капитана отвѣчалъ: что рапорты его въ С. Петербургъ отосланы и если будутъ какія Высочайшія повелѣнія, то изъ Вѣны отправятся съ Нарочнымъ.

Въ первыхъ числахъ Апрѣля 1808 года, полученъ Высочайшій рескриптъ, коимъ предписано Капитану Гепцену со ввѣренными опрядомъ, какъ и всѣмъ морскимъ силамъ, въ Россіи находящимся, состоять въ полномъ распоряженіи Императора Наполеона и повелѣнія его исполнять въ точности и неукоснительно. Въспѣвъ съ симъ рескриптомъ Министръ морскихъ силъ Декре, прислалъ

предписаніе немедленно слѣдовать въ Тулонъ, а командующій тамъ Адмиралъ Ганшомъ прислалъ Бригъ и Шхуну съ Лоц-офицерами, въ распоряженіе Капитана Генцена, коему доставлены были Французскіе сигналы и нужное наставленіе. Въ слѣдствіе сихъ повелѣній, на третій день по полученіи оныхъ, отрядъ нашъ оставилъ портъ Фераіо. Первыя суши шли влево у Ливорны, а въ третью по выходѣ изъ Фераіо, корабли съ сильнымъ попутнымъ вѣтромъ идучи по 20 вер. въ часъ въ виду Англинскихъ 14 линейныхъ кораблей, бывшихъ не болѣе 5 верстъ подъ вѣтромъ, прибыли благополучно въ Тулонъ. Французскій флотъ, появившійся на рейдѣ, состоялъ изъ 13 кораблей, (въ томъ числѣ были два спущенныхъ) 5 фрегатовъ и нѣсколькихъ малыхъ судовъ.

Корабли наши поспѣшъ помѣщены были въ линію и исправлены по возможности. (*) Главнокомандующій Адмиралъ Ганшомъ и вообще всѣ его подчиненные дѣлали въ честь Россіянамъ пышныя угощенія. Необыкновенное

(*) Съ 1-го Января 1809 года всѣ морскія силы, находящіяся въ портахъ Французскихъ, по особому соглашенію должны были получать содержаніе отъ Французскаго Правительства, съ прибавкою чего не доставало по нашему штату отъ нашего Адмиралтейства, но кромѣ двухъ кораблей, бывшихъ въ Тулонѣ, другія эскадры, находившіяся во Французскихъ портахъ, подъ разными предлогами отъ Французскаго Правительства содержанія не получали.

и доселѣ не бывалое соединеніе Россійскаго флота съ Французскимъ было конечно имъ пріятно, и они при добромъ, ласковомъ обхожденіи распочали всѣ угожденія. Однакожъ при малѣйшей перемѣнѣ обстоятельствъ, обнаруживалось подозрѣніе и дѣйствіе политическаго барометра иногда возмущало взаимное согласіе и уменьшало опкровенность. Особенно сія перемѣна была чувствительна въ 1809 году, когда возгорѣлась война между Австріею и Франціею, и когда Наполеонъ потребовалъ въ супружество Эрц-Герцогиню Марію Луизу. Послѣ сего всѣ дѣйствія Французскаго наружнаго учинствва были пріемлемы въ настоящемъ ихъ видѣ. Долговременное пребываніе въ Тулонѣ, продолжавшееся 22 мѣсяца, надежды на скорое возвращеніе въ любезное отечество особенно, когда по вѣстиямъ кораблей нашихъ, Французское Правительство многократно предлагало перемѣнить оныя своими новыми; спрахъ, что по данной власпи команды наши разобьютъ по Французскимъ кораблямъ и отправятъ, Богъ знаетъ, куда; помненіе въ неизвѣстности, недѣлательная хотя и веселая жизнь, и наконецъ споль продолжительное удаленіе изъ отчизны, повергли многихъ въ скуку и уныніе.

Нѣкоторыя замѣчанія, доставленные мнѣ однимъ изъ поварищей, бывшемъ въ Тулонѣ, о устройствѣ или лучше недоспашкахъ Французскаго флота, были бы очень заниматель-

ны и даже полезны; еслибы не опасался я, что такое описаніе походить будешь на крипику, въ дурномъ расположеніи нрава написанную. . . . Довольно скажешь, что Французскій флотъ выходитъ въ море только для того, что бы бѣгать отъ Англичанъ, а встрѣчается для того, что бы спускашь флагъ.

Наконецъ, по уваженіи вѣхости кораблей вовсе неспособныхъ къ продолженію службы, получено Высочайшее повелѣніе отъ 27-го Сентября 1809 года: по условленной всѣмъ вещамъ оцѣнкѣ сдать корабли Французскому Правительству, а экипажамъ возвратиться въ Россію. Радостное сіе повелѣніе, не смотря на нѣкоторыя затрудненія въ сдѣлкахъ, при продажѣ кораблей, встрѣчавшіяся, было исполнено и въ началѣ 1810 года команды обоихъ кораблей оставили Тулонъ. Адмиралъ Гантомъ отношеніемъ своимъ Гепцену свидѣтельствовалъ ему свое удовольствіе и похвалилъ доброе и примѣрное поведеніе какъ Офицеровъ такъ и нижнихъ чиновъ. 1-го Апрѣля команды прибыли въ Майнцъ, а оттуда чрезъ Франкфуртъ въ Веймаръ. Ея Высочество великая Княгиня Марія Павловна, удостоила мореходцевъ нашихъ особеннаго вниманія. Она сама встрѣтила ихъ и угостила Рускимъ столомъ. Зрѣлище необыкновенное для жителей Веймара, честь и счастіе неожиданное для мореплавателей, путешествующихъ по сушѣ! Удовольствіе Великой Княгини, въ пер-

вый еще разъ по отъѣздѣ изъ Россіи видѣшь себя окруженною Рускими, говоришь съ ними и вмѣстѣ воспоминашь о милой родинѣ, конечно было не малое. Его Величество Король Прускій въ Бесновѣ шакже почпилъ ихъ милоспивымъ вниманіемъ. 17-го Маія команды пересступили на свою границу.

Шлюпъ Шпицбергенъ въ Портъ Виго.

По выходѣ изъ Корфы въ ночь съ 26-го на 27-е Сентября 1807 года, шлюпъ Шпицбергенъ, при крѣпкомъ вѣтрѣ упалъ подъ вѣтръ отъ флота у острова Маришимо. Въ продолженіи Октябрия мѣсяца шлюпъ выдержалъ двѣ жестокия бури и постоянно боролся съ сильнымъ вѣтромъ, наконецъ по недоспашку воды принужденъ былъ 2-го Ноября спуститься въ Гибралтаръ. Горѣ, Капитанъ Англинскаго 74 пуш. корабля *Реванжа*, прислалъ на шлюпъ офицера поздравить съ прибытіемъ и предложить услуги. Съ такимъ же привѣтствіемъ пріѣзжалъ на шлюпъ и Капитанъ надъ портомъ. По отбытіи его Капитанъ-Лейтенантъ Алек. Ром. Качаловъ, Командиръ шлюпа, ѣздилъ благодарить Капитана Гора и вмѣстѣ съ нимъ посѣтилъ Губернатора Генераль-Лейтенанта *Далримпля*, который весьма вѣжливо предложилъ зависящее отъ него пособіе.

6-го Ноября шлюпъ вышелъ изъ Гибралтара, 10, у мыса Сантъ-Винченца встрѣтился съ фрегашомъ Венусомъ и получа свѣдѣніе, что

флотъ находится въ Лиссабонѣ, 15-го Ноября прибылъ къ устью Таго. Англинская эскадра, состоящая изъ 7 кораблей, 2 фрегатовъ и брига, лавировала у мыса Рока. Командующій эскадры Конпръ - Адмиралъ Сидней Смитъ прислалъ Лейтенанта съ объявленіемъ, что Лиссабонъ имъ блокируется и шлюпъ въ рѣку войти не можетъ. Капитанъ Качаловъ самъ ѣздилъ къ Сиднею Смишу; но онъ повторилъ ему невозможность соединиться съ эскадрою, и позволилъ послать офицера къ Сенявину, дабы получить отъ него повелѣніе куда идти. На другой день, когда Мичманъ Завалишинъ на лодкѣ отправился на корабль Твердый, Сидней Смитъ прислалъ на шлюпъ нѣсколько провизіи и угля. 17-го Ноября Португальскій флотъ вышелъ изъ Лиссабона, Смитъ салютовалъ Принцу Регенту со всѣхъ своихъ кораблей, ему отвѣтствовано было съ одного корабля и брига. Въ ночь поднялась столь жестокая буря отъ Юга, что шлюпъ за пасмурностію и дождемъ на другой день не видалъ уже соединенныхъ флотовъ. Штормъ продолжался три сущки, на шлюпъ изорвало всѣ паруса, руль повредился и въ водорѣзѣ открылась опасная печь; къ счастью на четвертый день вѣтръ нѣсколько стихъ и 25-го Ноября при проливномъ вѣтрѣ и великомъ волненіи шлюпъ успѣлъ войти въ Вигской заливъ.

Испанское начальство, взявъ честное слово съ Капитана, что на шлюпъ нѣтъ боль-

ныхъ, опъ карантина освободило. Губернашоръ Виго, Бригадиръ *Донъ Никола Майо*, принялъ Качалова очень вѣжливо. Взялся опсправить бумаги къ Сенявину въ Лиссабонъ, къ Барону Спрогонову въ Мадридъ и предложилъ для исправленія поврежденій перейши далѣе въ заливъ, въ портъ *Родонделло* къ мѣстечку *Портела*. Шлюпъ салюповалъ крѣпости изъ 13 пушекъ, а съ оной опвѣспвовано изъ 14. На рейдѣ стояли 3 Испанскихъ корабля: *Сантѣ-Яго*, *Л'Америкѣ*, и *Сантѣ-Яго де-Спанья*, фрегашъ *Сабина*, 6 канонерскихъ лодокъ и Францускій корабль *Атласѣ*, съ коего салюповали шлюпу изъ 21 пушки, ему опвѣспвовано равнымъ числомъ. Послѣ взаимныхъ посѣщеній Испанцы съ усердіемъ предложили свое пособіе, оппустили провизіи и прислали своего корабельнаго маспера для починки шлюпа, въ коемъ, кромѣ руля и водорѣза, опкрылись многія другія поврежденія.

1808 годѣ: 21-го Маія, народъ присягалъ Фердинанду VII, и объявлено было общее вооруженіе прошиву Французовъ. *Галиасѣ*, Капитанъ корабля *Атласа*, послѣ щепныхъ переговоровъ принужденъ былъ безъ сраженія сдать военноплѣннымъ. 23-го Іюля въ Виго праздновали союзъ Испаніи съ Англіею и Португаліею. Во весь день слышны были клики, да здравствуетъ Фердинандъ! да здравствуетъ Испанія! 2-го Августа пришелъ на рейдъ Англинскій фрегашъ *Діана*, Капитанъ онаго *Грантѣ* пріѣзжалъ на шлюпъ съ посѣщеніемъ. Въ день

пезоименишсхва нашего Императора Испанскіе корабли и крѣпости салютовали слѣдую тлюпу. 15-го Сентября получено опѣ Адмирала Сенявина увѣдомленіе, что онѣ съ эскадрою опправился въ Англію, а шлюпѣ предписываетъ впрעדъ до перемѣны обстоятельствъ оспавашься въ Виго. 20-го Сеншября Гавкинсъ, Капитанъ Англинскаго фрегата Минервы, хотѣлъ ночью напасъ на шлюпѣ; но Испанское начальство объявило Англинскому Капитану, что Императорскій шлюпѣ находится подъ покровишельствомъ Испанскаго народа — и смѣлый Капитанъ принужденъ былъ отказатьсь опѣ своего намѣренія. 1-го Октябрия Лейтенантъ Князь Путяпинъ опправленъ съ депешами къ Министру въ Мадридъ. Баронъ Спрогоновъ, исходяшайсшвовавъ опѣ Испанскаго Правительсшва повелѣніе починишъ и снабдишъ шлюпѣ нужнымъ, опправился 23-го Октябрия въ Тріесшъ. Еще до опѣзда Министра, выдачу провіанша прекратили, и хошя Качаловъ ссыался на повелѣніе Князя Мира, но Губернаторъ Туйской провинціи опвѣчалъ, что онѣ не имѣетъ никакихъ средствъ исполнишъ предписаніе Его Свѣшлости, а предлагаетъ двухъ купцовъ, которые на слово будущъ оппускашъ съѣстныя припасы съ шѣмъ, что имѣ неукоснишельно будетъ платишъся наличными деньгами. 16-го Ноября на 145 транспортахъ прибыли въ Виго Англинскія войска, копорыя шопчасъ были высажены и выступили въ походъ. 29-го Декабря Коншрь - Адмираль Самуель

Гудъ, принявъ на эскадру свою, состоявшую изъ 7 кораблей, 2 фрегатовъ и 305 транспортовъ, опспупившія Англинскія войска, поспѣшно отправился въ море.

1809 годѣ. 2 Генваря, по недовѣрчивости, изъявленной Англинскимъ Адмираломъ Гудомъ, что шлюпъ можешь вспомошествовать Французамъ къ занятію Редонделлы, Комендантъ города Виго и Губернапоръ провинціи Гуи, предложилъ Качалову перейти подъ батарею *Капо - де - Алайе*. Капишанъ Качаловъ, оставшись на томъ же мѣстѣ и приготовясь на всякой случай къ бою, отвѣчалъ Испанскому Коменданту; что онъ, по существующему союзу между Россіею и Испаніею, не приметъ никакого участія въ дѣйствіяхъ Французовъ; что онъ, находясь въ Испанскомъ портѣ, будешь наблюдать строгій неутралишетъ и при томъ одинъ шлюпъ не можетъ подать никакого основательнаго подозрѣнія для Англинскаго флота. 12 Генваря народъ въ Редонделлѣ и Ранди возмутился. Комендантъ Виго, дабы избѣжать могущей отъ черни послѣдовать непріятности, вшорично предложилъ, чтобы шлюпъ перешелъ въ Виго подъ крѣпостныя пушки; но по приближеніи Францускихъ войскъ, народъ, скоро усмирися и шлюпъ по прежнему оспался въ Редонделлѣ. 19 Октября, при появленіи небольшого отряда Француской конницы, вооруженные поселяне разбѣжались и Виго со всѣми крѣпостями занята была безъ сопротивленія.

25 Генваря. Францускій дивизіонный Генераль Баронъ де Бель прїѣзжалъ на шлюпъ; ему салютовали изъ 9 пушекъ, и Генераль сей взялъ на себя отправленіе рапортовъ въ Россію. 28 Генваря Маршалъ Сульшъ, проходя Виго, прислалъ своего Адъютанта предложитъ всѣ роды пособій, какихъ въ самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ, Народъ, оправившись отъ перваго страха, снова вооружился. Французы, бродя по окрестностямъ для усмиренія, скоро сами должны были думать о своей безопасности. 5 Марта жители Виго взбунтовались. Французы по упорномъ сраженіи были выгнаны изъ города и осаждены въ крѣпости. На другой день Англинскій фрегатъ Венусъ пришелъ для блокады оной. Капитанъ сего фрегата Крафортъ прислалъ на шлюпъ отъ Вице-Адмирала Берклея, Главнокомандующаго Англинскаго флота, объявленіе, что между Россією и Англією открыты переговоры о мирѣ. 7 Марта Шалотъ, Комендантъ крѣпости Виго, сшѣсненный со всѣхъ сторонъ, просилъ Капитана Качалова снабдитъ его для 800 чело-вѣкъ на 10 дней провіантомъ, обѣщая, что Король Испанскій (Іосифъ) и Императоръ Наполеонъ за такую помощь вознаградятъ его съ сродною имъ милостію. Положеніе шлюпа въ сихъ обспоятельстввахъ было крайне опасно, ни денегъ, ни провіанта негдѣ было получить, только благоразумная предосторожность Капитана Качалова могла избавитъ экипажъ отъ гибели. Онъ отвѣчалъ Шалоту въ слѣ-

дующихъ выраженіяхъ: „со времени моего сюда прихода, я не получилъ отъ Правительсва моего никакого повелѣнія; посему и не знаю въ союзѣ ли мы съ вами. Требуемый вами провіантъ превосходитъ количесво, нужное для содержанія моего экипажа на три мѣсяца; я имѣю онаго только на одинъ; и посему помочь вамъ въ бѣдсвенномъ положеніи никакъ не могу, паче по тому, что не сохраня должнаго неупралишета въ разсужденіи Испаніи, подвергну себя опасности бытъ взятымъ Англичанами, копорые по уваженію шѣхъже правъ неупралишета доселѣ меня не беспокоили. Не огорчись отказомъ и вѣрьте, что во всякомъ другомъ случаѣ за удовольствіе бы себѣ поставилъ бытъ полезнымъ вашему Королю и Императору.“ 15 Марша наприюшы, въ числѣ 4000, подкрѣпленные 200-ми регулярныхъ солдатъ, напали на Французовъ, копорые, дабы избѣгнуть неисповсва черни, сдались двумъ Англинскимъ фрегатамъ, и на другой день были перевезены на купеческія суда, стоявшія въ Виго.

18 Марша Испанскій Губернашоръ Барнардо Гонзалецъ просилъ снабдитъ его нѣкопорымъ количесвомъ сухарей, порохомъ, пушками и ружьями. Капитанъ Качаловъ, дабы и впредь опклонитъ шакія не совмѣшныя съ неупралишешомъ пребыванія, далъ замѣшитъ Губернашору, что наспоанія его показываютъ наклонность къ разрыву согласія, доселѣ счастливо сохранившагося. „Если же, писалъ онъ между прочимъ,

союзъ между Россіею и Испаніею прерванъ, и если вамъ по извѣстно, то прошу о семъ меня увѣдомишь., Въ продолженіи осады Виго, многіе знаменистые Испанцы, въ томъ числѣ и преждебывшій Министръ внутреннихъ дѣлъ, Генераль Лейшенантъ и Каноникъ монастыря св. Іакова Донъ Педро Окунья, опасаясь неистовства черни, искали убѣжища на Рускомъ шлюпѣ, были приняты и ссхранены. Кинлей, Капитанъ Англинскаго фрегата *Лайели*, также прислалъ на шлюпъ двухъ особъ, увѣривъ при томъ, что онъ отъ своего начальства имѣетъ повелѣніе почищать Россійскій флагъ дружескимъ. По успокоеніи народа, когда малые Францускіе отряды, бродившіе въ окрестностяхъ, были истреблены, благородный Гонзалецъ именемъ центральнѣйшей Юнпы подтвердилъ, что народъ Испанскій во всякихъ обстоятельствахъ будетъ почищать Рускихъ своими друзьями и благодарилъ за покровительство, данное на шлюпѣ именитымъ особамъ. Но такое доброе согласіе скоро было нарушено слѣдующимъ происшествіемъ: до освобожденія Виго Францускій Аббатъ былъ принятъ на шлюпъ въ званіи Переводчика и съ вѣдома Испанскаго Правительсва оставленъ въ распоряженіи Капитана Качалова.— Не смотря на ненависть народа къ Французамъ, Аббатъ, полагаясь на то, что онъ въ Руской службѣ, осмѣлился показаться въ городѣ. Чернь тотчасъ его окружила и схватя предсавила Губернатору, который съ шрудомъ могъ его избавить отъ

смерти и возвращишь на шлюпъ. На другой день въ городѣ распространился слухъ, что на Рускомъ шлюпѣ хранится сокровище, принадлежащее Французамъ и скрывается опасный шпионъ. Губернаторъ Гонзалецъ, для предупрежденія своевольства черни, ошъ копорой зависѣла защита опечесства, требовалъ, что бы Аббапъ былъ перевезенъ на Англинскій фрегатъ. Капитанъ Качаловъ принужденъ былъ выдать Аббапа, увѣривъ, что у него ничего нѣтъ принадлежащаго Французамъ, и народъ, гоповый въ возмущенію, успокоился. Въ сіе время снабженіе экипажа съѣспными припасами было почти не возможно. Къ счасію сыскался добрый и честный купецъ Абелаира, копорый самъ вызвался на кредитъ доставлять нужное и не смотря на всѣ затрудненія слово свое сдержалъ какъ благородный и безкорыспный Испанецъ.

2-го Апрѣля проходящій опрядъ Французскихъ войскъ, числомъ до 4000, сожегъ Редонделлу. Поселяне дрались опчаянно. 18 сегоже мѣсяца Французы въ большемъ числѣ покушались взять Виго, но были съ урономъ опбиты. 30 Апрѣля прибыли въ городъ 5000 чел. регулярнаго Испанскаго войска; Французы также усилились въ окрестностяхъ. Въ продолженіи Маія мѣсяца сраженія не прекращались; пожары не угасали; наконецъ Французы, совершенно разбины, принуждены были съ малыми остатками опспуишь и въ началѣ Іюня военныя дѣйсвія въ окрестностяхъ Виго кончились;

провинція Туя и другія сосѣдственныя области опѣ ига Французовъ были освобождены. Въ продолженіи военныхъ дѣйствій, разными требованіями Испанскихъ начальниковъ Капишанъ Качаловъ былъ поставленъ въ самое непріятное положеніе. 12 Маія, отказать Вигскому Губернатору въ порохъ и двухъ пушкахъ для защищенія моста, ведущаго къ городу, гдѣ были при раза самыя упорныя сраженія, огорчило Испанцевъ; посему они и искали случая поддержать свои требованія сильнымъ предлогомъ. Капишанъ фрегата Ифигеніи Жуанъ Корранзо 26 Маія, извѣстивъ о объявленіи войны Россіи противу Франціи и одержанной Австріяцами побѣды надъ Принцемъ Евгениемъ въ Фріулѣ, предложилъ, чтобы Капишанъ шлюпа принялъ участіе въ защищеніи Виго противу Французовъ. „Согласіе, сказалъ онъ въ своемъ письмѣ, увѣришь меня въ вашемъ хорошемъ расположеніи къ Испаніи, подъ покровительствомъ коей вы столь долго находишесь; отказать же приму за непріязненное намѣреніе.“ Со времени моего сюда прихода, такъ оповѣчалъ Качаловъ, не получалъ я опѣ Правительсва моего никакого извѣстія о возобновленіи дружескихъ связей съ Англіею и о разрывѣ мира съ Франціею. Вы конечно, судя по своей службѣ, не можете не согласиться со мною, что я ничего не могу предпринять, не дождавшись точнаго повелѣнія опѣ моего начальсва. Повелѣнія сего ожидаю съ неперпніемъ; надѣюсь, что оное вскорѣ будешь ко

мнѣ прислано, и тогда съ большимъ удовольствіемъ гошовъ буду по моей возможности прошивустать общему нашему непріятелю. ,,

Всѣ подобныя симъ требованія происходили отъ крайней нужды въ порохѣ, пушкахъ, а часто и въ провизіи. Должно опдасть справедливостъ Испанскому Правительству, что оно было споль великодушно и снисходительно къ Россійскому флагу въ такое время, когда мы были въ союзѣ съ Франціею, и хопя нашъ Посланникъ оставилъ Мадридъ, но оно не перемѣнило своего поведенія. Конечно иное Правительство не попёрпѣло бы и одного дня въ своемъ порпѣ такого союзника, который, будучи другъ его непріятелямъ, не хочеть принять никакого участія въ его дѣлахъ. Испанское Правительство всегда отличалось особеннымъ благородствомъ. Полишика его Двора всегда была самая праводушная. Вотъ пому примѣръ: въ 1796 году, Англинскіе крейсера, еще до объявленія войны, взяли два Испанскихъ фрегата, шедшихъ изъ Америки въ Кадиксъ съ золопомъ и серебромъ; всѣ Испанскія суда, бывшія въ Англіи, были арестованы напрошивъ того Англинскія суда, бывшія въ портахъ Испанскихъ, были оппущены и собственностъ Англинскихъ купцовъ объявлена неприкосновенною.

По возстановленіи совершенной тишины въ окрестностяхъ Виго, Опорискій Консулъ доставилъ на содержаніе экипажа шлюпа 37.000 Исп. шалеровъ. Съ сего времени, по

преперпѣніи многихъ безпокойствъ и недоспашка, по крайней мѣрѣ со стороны продовольствія были наши люди обезпечены. Въ концѣ года Капитанъ Качаловъ выдержалъ послѣднее нападеніе Испанскаго Начальства, и съ сего времени оставленъ былъ въ покоѣ на прежнемъ неутральномъ положеніи. Вотъ письмо Капитана Испанскаго корабля *Геро*, отъ 11 Декабря.

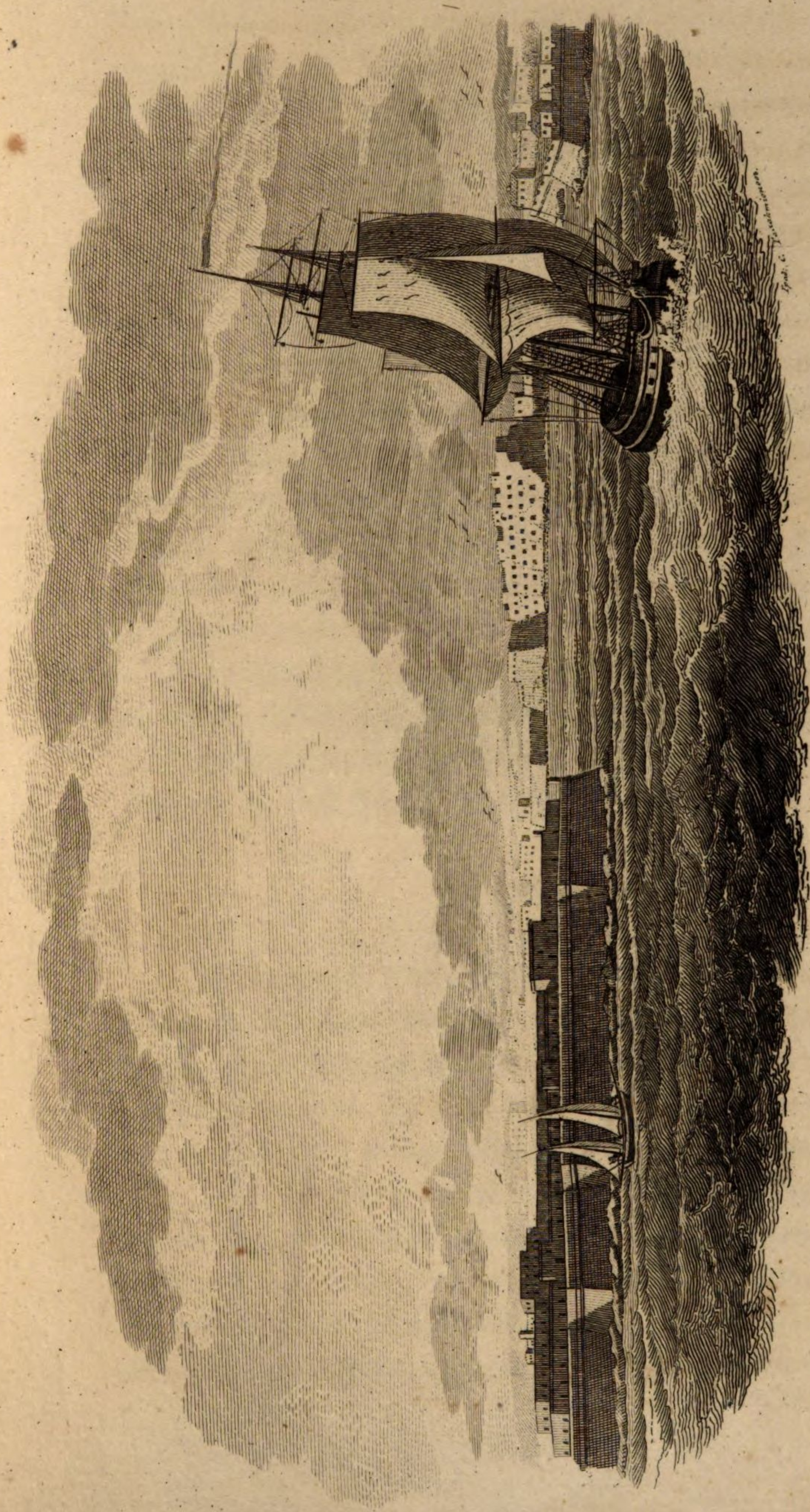
Государь мой!

Король, мой Государь, опредѣлилъ, чшобы шлюпъ, вами командуемый, былъ задержанъ. Во исполненіе сего высочайшаго повелѣнія, дивизионному моему Адъютанту приказано принявъ отъ васъ порохъ и сгрузя оной на кононерскую лодку свезшъ на берегъ, яко единственный обрядъ въ подобныхъ случаяхъ. Шлюпъ вашъ имѣете разоружить. Впрочемъ вы можете подымать свой флагъ, офицеры и экипажъ могутъ оспашься на шлюпѣ и пользоваться совершенною свободою. Доброе ваше поведеніе, опытомъ дознанное, заслуживаетъ всякое съ нашей стороны вниманіе и облегченіе. Имѣю честь быть готовый къ услугамъ.

Томасъ Ромавъ.

Милоспивый Государь!

Письмо ваше отъ $\frac{11}{23}$ Декабря, коимъ вы предлагаете мнѣ разоружить Императорскій

Будь Мальмб.

Публикация
впервые.

Издатель: В. А. Андреев
Владельцы: С. П. Павлов.

Россійскій шлюпъ, подъ моимъ начальствомъ сесшоящій, я имѣлъ честь получить. Позвольте мнѣ Г. Капишанъ вамъ замѣнить, что дурное состояніе, въ которомъ шлюпъ находится и война, еще продолжающаяся съ Англіею, не позволяють мнѣ, безъ точнаго повелѣнія моего Правительства, выйти изъ сего порта. Даю вамъ честное слово, что не выйду отсюда не давъ вамъ о томъ знать; повелѣніе ваше выгрузить порохъ исполнить не могу; ибо сіе послужитъ пятномъ Императорскому флагу, который честь мнѣ повелѣваетъ защищать до послѣдней капли крови. Надѣюсь, что вы не принудите меня къ предосудительному поступку; увѣряю васъ, что я не переменю моего поведенія и буду вести себя согласно съ дружбою и союзомъ, существующими между нашими высокими Дворами. Имѣю честь быть и проч.

Алексѣй Кагаловъ.

Испанскій Капишанъ, какъ видно изъ послѣдствій, не имѣлъ повелѣнія отъ Правительства задержать шлюпъ плѣннымъ; но имѣлъ только нужду въ порохѣ, для полученія котораго употребилъ сію хитрость.

1810 и 1811 годы прошли въ совершенномъ бездѣйствіи. Сшоль долгое отсутствіе изъ отечества, неизвѣстность, чѣмъ кончится такое непріятное положеніе, безпрестанная опасность быть взятымъ Англичанами

или Испанцами и наконецъ неполученіе изъ Россіи въ продолженіе чешырехъ лѣтъ никакого повелѣнія, были доспапючными причинами къ скукѣ. Смерть священника лишила и послѣдняго ушѣшенія вѣры. Почтенный спарець, чувствуя свой конецъ, рѣшился исповѣдаться у Башалера (*); причастившись св. таинъ, онъ вздохнулъ, прижалъ къ груди сосудъ и умеръ какъ праведникъ (**). Капишанъ Качаловъ посылалъ въ городъ Туо офицера просить тамошняго Епископа, чтобы позволилъ похоронить священника въ монастырѣ или при другой какой церкви, и приказалъ бы своему духовенству совершить обрядъ погребенія съ должною чеспію. Къ сожалѣнію отвѣтъ Епископа былъ недостоинъ его сана. Онъ отказалъ въ погребеніи священника по той единственной причинѣ, что покойный не признавалъ власти Папы и не былъ въ зависимости его Святейшества. Такой отвѣтъ показываешь, до какой степени суевѣрно Испанское Духовенство; но впрочемъ неперимосъ Римской Церкви къ другимъ вездѣ паковаже. По необходимости обрядъ погребенія совершилъ, какъ умѣлъ, тотъ же Башалеръ; тѣло погребено было на особомъ кладбищѣ, опведенномъ для прежде умершихъ мапировъ.

(*) Помощникъ Коммисара, имѣющаго смотрѣніе за съѣстными припасами.

(**) Его звали Петръ Андреевъ.

Въ 1811 году по осмотрѣ шлюпа Испанскимъ мастеромъ, присланнымъ изъ Ферроля, оказалось: кильсонъ и внутренняя обшивка совершенно сгнили, изъ 64 шпангоушовъ 64 найдено негодныхъ; посему мастеръ и оп- казался чинить шлюпъ какъ уже болѣе къ службѣ неспособный. Въ началѣ 1812 года получены изъ Россіи первыя бумаги, и Капитанъ-Лейтенантъ Качаловъ, по высочайшему повелѣнію объявилъ себя Капитаномъ 1-го ранга. Наконецъ къ неизъяснимой всѣхъ радости 21 Іюня получено повелѣніе опсправить- ся въ Россію. Въ тотъ же день шлюпъ перешелъ изъ Поршелло въ Виго и началъ гошовишься къ опъѣзду. 5-го Іюля въ домѣ и въ присутствіи Губернатора и другихъ чиновниковъ шлюпъ проданъ съ аукціоннаго торга за 10,000 Испанскихъ шалеровъ. 16-го Іюля на двухъ купеческихъ судахъ, нанятыхъ нашимъ Консуломъ Дубочевскимъ въ Лиссабонѣ, экипажъ опсправился въ Россію.

Такимъ образомъ флотъ нашъ, по заключеніи Тильзитскаго мира лишенный сообщенія съ Россіею, безъ надежды на помощь, опшавленный посреди непріятелей и ложныхъ друзей, спремившихся явно и тайно къ униженію чести и славы нашей, счастливо сохраненъ. Одна часть флота, въ виду враговъ, повелѣвающихъ морями, благополучно до- спигла союзныхъ гаваней; другая, состоящая изъ кораблей, многими сраженіями и долго-

временнымъ плаваніемъ разслабленныхъ, въ позднихъ дняхъ грозной осени, бурею разбила и видимо рукою Божіею спасена. Послѣшого спѣсненная непріятелемъ, превосходнымъ въ силахъ и средствахъ, и спольже друзьями какъ и врагами угрожаемая, благо-разумною оспорожностію и швердосшію духа Главнокомандующаго изъ опасности, какъ изъ пламени, исхищена; ни одинъ корабль не достался въ руки непріятелю; всѣ экипажи, опытомъ и храбросшію извѣданные, трудами и заслугами отечесшву драгоцѣнные, безъ пошери возвратились въ Россію. И наконецъ Правительсшво наше за старые неспособные въ службѣ корабли, кошорые въ своихъ порпахъ долженсшвовали бы сгнишъ безъ пользы, получило чрезъ продажу оныхъ за границею шакую сумму, на кошорую у насъ можно посшроить новые корабли.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Wyl 015 26 78 Ref

Bronevskij, Vladimir Bogdanovič,

Zapiski morskago oficera v prodolženii kampanii na Sredizemnom morě pod nač
al'stvom Vice-Admirala Dmitrija Nikolaeviča Senjavina ot 1805 po 1810

Bd.: 4 (1837)

Sanktpeterburg 1837

Mil.g. 372 x-4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10595508-0